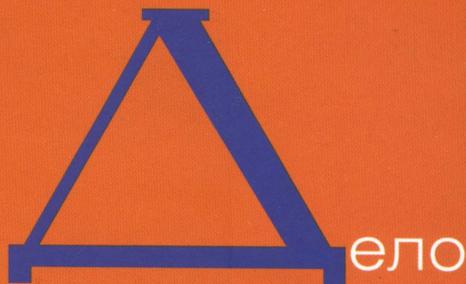

Дело о Синей Бороде

Сергей Макеев

дело
о Синей Бороде,
или Истории людей,
ставших знаменитыми персонажами

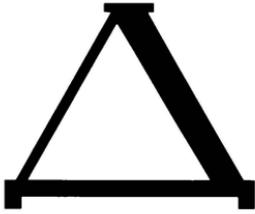
Сергей Макеев

Ломоносовъ
Издательство

Сергей **М**акеев

ело о Сине́й Бороде,

или Истории людей,
ставших знаменитыми
персонажами

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2013

УДК 929
ББК 63.3(2)6-7
М15

*Jean-Benoit
Vitautus & Kati*

Иллюстрации И. Тибиловой

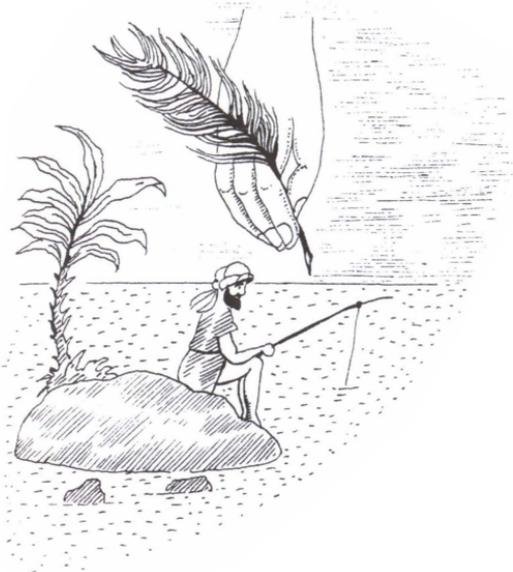

ISBN 978-5-91678-139-7

© С. Макеев, 2013

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2013

Жизнь, прожитая дважды

Жизнь дается нам, смертным, только раз.
«Увы!» — прибавляют одни. «К счастью», — говорят другие.

Во всяком случае, такова Божественная воля: один человек — одна жизнь. Изменить этот закон может только сам Творец.

Да еще писатель. Своей фантазией и мастерством он, как в магическом зеркале, создает отражения реальных людей, и эти литературные двойники проживают вторую, гораздо более долгую жизнь. Писатель в силах остановить мгновение и даже повернуть время вспять, вмешаться в ход истории, наконец, убить своего героя или даровать ему вечную жизнь.

Я говорю о прототипах книжных героев. Их характеры и судьбы чем-то заинтересовали, взволновали писателей и поэтов, вдохновили на создание вечных образов. Прототипы рано или поздно

оканчивали свой жизненный путь, а их литературные двойники продолжают жить и поныне — не только в книгах, но и на театральных подмостках, на киноэкранах.

Сказочный злодей Синяя Борода, Бэла из «Героя нашего времени», двенадцать беглецов из рассказа «Последний бой майора Пугачева» когда-то были живыми людьми из плоти и крови, их подлинные истории порой не менее интересны, чем литературный вымысел.

Конечно, эти персонажи — не зеркальные отражения реальных прототипов, а сюжеты книг — далеко не точное жизнеописание.

Парадокс художественного творчества в том, что литературное отображение — это сознательное искажение картины мира. И здесь начинается самое интересное: какие черты характера и поступки прототипа художник безжалостно отсек, что прибавил, наконец, какую душу в него вдохнул...

Я давно исследую феномен литературных прототипов и вообще происхождение героев и сюжетов известных книг. Мне кажется, что персонажи, имевшие реальных прототипов, отличаются особой жизненной силой. Сопоставление прототипа и персонажа помогает глубже понять замысел автора.

Замысел и вымысел — из одного корня. Иногда вымысел торжествовал над правдой жизни. Например, прототип Робинзона Крузо моряк Александр Селькирк после выхода книги Даниеля Дефо сделался знаменитостью и рассказывал в матросских кабаках о своей жизни на необитаемом острове: он там совсем одичал, разучился говорить и стремился только к одному — выжить. А вымышленный Робинзон упорно строил человеческий мир, многому научился, завел друга и вернулся иным человеком. Очень скоро Селькирк убедился, что его версия событий не увлекает слушателей, и стал рассказывать свою робинзонаду, следуя книге Дефо.

Я убежден в том, что чтение — это тоже творческий акт. Надеюсь, читатели с интересом пройдут со мной по следам известных литературных героев, узнают предысторию некоторых увлекательных сюжетов, проникнут в тайны, скрытые между строк любимых книг.

В конце концов, рукопись, книга, текст — это вещь в себе; произведение писателя оживает только в момент его прочтения.

Дело о Синей Бороде

Кот в сапогах, Красная Шапочка, Мальчик-с-пальчик, Спящая красавица — эти сказки взрослые рассказывали детям в самом раннем возрасте; сейчас дети чаще смотрят мультфильмы и спектакли по сказкам Шарля Перро.

А вот Синяя Борода... Немногие взрослые решаются рассказать малышам эту страшную сказку. Я, например, прочитал ее сам, когда выучился читать. Пожалуй, не меньшее потрясение я получил от гравированных иллюстраций Густава Доре. И какое облегчение я испытал, когда юная жена Синей Бороды спаслась, а самого злодея закололи шпагами подоспевшие братья красавицы!

Воздействие сказок на слушателя, читателя, зрителя поистине волшебное — мы с первых слов принимаем на веру чудесное, самое невероятное. Вопросы и сомнения возникают потом, когда мы, уже не дети, задумываемся: а зачем, собственно говоря, этот знатный и богатый дворянин убивал своих жен? Для чего развешивал тела несчастных жертв в потайной комнате? Почему, наконец, у него синяя борода? И кто придумал эту жуткую историю — Шарль Перро? Или

он взял за основу народную сказку? А может быть, такой злодей жил на самом деле?

На некоторые из этих вопросов мы и попытаемся найти ответы.

Столетний герой

Во французской провинции Бретань туристам и сегодня показывают развалины замка Тиффож, и гиды произносят театральным шепотом:

— Здесь обитал знаменитый Жиль де Ре, по прозвищу Синяя Борода!

Показывают и место в руинах, где будто бы находилась та самая комната, в которой Синяя Борода совершал убийства и хранил тела своих жертв.

Полностью он именовался так: Жиль де Монморанси-Лаваль, барон де Ре. Встречается также написание «Ретц», но это не фамилия, а название его владений — обширной области Ретц, и чаще употреблялось так: сеньор де Ретц (то есть хозяин Ретца). Так или иначе, Жиль де Ре прославился задолго до того, как получил прозвище Синяя Борода. Он происходил из очень знатного бретонского рода, среди его предков были знаменитые полководцы и царедворцы. Родители Жили рано умерли, его воспитывал дед; старик не только обучил внука воинскому искусству, но и воспитал в нем стремление к знаниям, привил любовь к книгам, что было редкостью в рыцарской среде. Впоследствии барон де Ре собрал богатую библиотеку, в которой встречались редкие книги и рукописи.

В ту пору женились рано. Дед начал подыскивать невесту внуку, когда тому едва исполнилось шестнадцать лет. Известно, что несколько юных невест Жили скончались до свадьбы. Наконец дед остановил свой выбор на Катрин де Туар — соседке и к тому же кузине жениха. Церковь запрещала браки между родственниками, поэтому дед и внук выкрали невесту (скорее всего, сговорившись с ее родителями) и сыграли свадьбу. Позднее Жиль де Ре получил прощение от Папы

Римского и церковное разрешение на брак. Свадьбу сыграли во второй раз, и молодой барон вступил во владение богатым приданым, включавшим обширные земли и замки.

В этом браке родился единственный ребенок — дочь Мария. Но она была зачата между военными походами — продолжалась Столетняя война, и молодой барон со своим отрядом выступил на стороне дофина Карла (будущего короля Карла VII) против англичан. Надо сказать, в ту пору Карл был объявлен бастардом — незаконнорожденным, лишенным прав на престол, его шансы на корону считались призрачными. Поэтому выбор Жилья де Ре был достаточно смелым. Но тут вмешалось Провидение в лице знаменитой Жанны д'Арк.

Шестого марта 1429 года в Шиноне, где находился тогда двор дофина, Жиль де Ре был представлен этой легендарной деве. С той поры он стал ее военным советником и самым влиятельным командиром ополчения. Успехи Жанны — снятие осады с Орлеана и другие победы — во многом обеспечены умелым руководством барона де Ре. Уже в эту пору его величали маршалом Франции, хотя маршальский жезл был ему дарован только после коронации Карла VII в Реймсе. Одновременно барон получил право поместить на своем гербе королевские лилии, «учитывая высокие и достойные заслуги, большие трудности и опасности», как было сказано в ордонансе.

Однако после вступления Карла на престол «высокие и достойные заслуги» были скоро забыты; такие люди, как Жанна д'Арк и Жиль де Ре, нужны сильным мира сего в году тяжких испытаний; короли не любят быть кому-нибудь обязанными. Орлеанскую деву оставили без помощи во вражеском плену, а маршала де Ре постепенно оттеснили новые люди при дворе.

На широкую ногу

В последующие десять лет мало кто видел барона за пределами его владений. Но в своей вотчине он вел жизнь поистине королевскую. Его охрана насчитывала две сотни

рыцарей; его всегда сопровождала свита — пажи, музыканты, прелаты, слуги — еще полсотни человек. Когда он ехал в храм, перед ним везли орган, на котором органист наигрывал торжественный марш. Храмы в его владениях были украшены с невероятной пышностью. Чтобы удовлетворить свое честолюбие, он оплатил постановку «Мистерии об освобождении Орлеана», в которой сам был выведен как один из главных героев.

Вероятно, этой неумеренной роскошью Жиль де Ре пытался как бы компенсировать свою отставку. В конце концов громадные расходы принудили барона продать часть своих владений. Несколько замков с земельными угодьями достались герцогу Бретонскому Жану V и его вельможам. Видя, как уплывает в чужие руки фамильное добро, родственники барона, прежде всего его младший брат Рене, добились судебного запрета на дальнейшие продажи.

Барон не мог себя ограничить ни в чем, он отчаянно нуждался в деньгах. К тому же его высокородные покупатели не полностью расплатились за приобретенные земли. Тогда Жиль де Ре обратился к алхимикам. Ничего удивительного, в те времена алхимия была вполне уважаемой наукой, сулящей золото и власть, а ученые-алхимики часто носили сутаны священников.

Итак, Жиль де Ре пригласил алхимиков, оборудовал лабораторию на первом этаже замка Тиффож. Были закуплены необходимые ингредиенты, в том числе ртуть, мышьяк и акулы зубы. В ретортах закипели зловонные жидкости, в тиглях забулькали разные сплавы. Но пока на выходе получалось не золото, а простые угли... Так прошло несколько лет, и тогда некий монах Франсуа Прелати стал уверять барона, что без помощи потусторонних сил не обойтись. Он сказал, что может вызывать демона по имени Баррон. Этот демон управляет миром мертвых, поэтому может предоставить все тайные знания. Так барон де Ре переступил зыбкую грань, отделявшую тогдашнюю науку от запретных и богомерзких дел — колдовства и магии.

Из героев — в злодеи

В день Св. Троицы 1440 года епископ Нантский монсень-
ор Жан де Малеструа вел торжественное богослужение
в соборе. После окончания службы он обратился к пастве
с проповедью. Сначала он обличал пороки людские вообще
и вдруг обрушился на конкретного грешника — Жюля де Ре:

— Дошли до нас сначала слухи, а затем жалобы и заявления достойных и скромных лиц, из этих показаний нам стало известно, что знатный человек, мессир Жиль де Ре, шевалье, сеньор этих мест и барон, наш подданный, вместе с несколькими сообщниками, задушил и убил ужасным образом многих невинных маленьких мальчиков, что он предавался с ними греху сладострастия и содомии, часто вызывал демонов, приносил им жертвы и заключал с ними договоры и совершал другие ужасные преступления...

Собравшиеся были потрясены речью епископа; никто не мог припомнить подобных страшных обвинений. Но произнесенные главой епархии, да еще в стенах храма, они приобретали особую убедительность. В ближайшие дни в канцелярию епископа и в суд обратилось около десятка родителей, у которых пропали дети. Их исчезновения все единодушно связывали с извергом Жилем де Ре.

Расследование велось двумя судами: светским и судом инквизиции. Вызванный для объяснений Жиль де Ре заявил:

— Я не намерен отвечать разбойникам и богохульникам! Лучше повесьте меня сразу, без вашего продажного суда!

Его заключили под стражу и пригрозили отлучением от церкви. Тут же схватили многих его приближенных и слуг. Одновременно поступали все новые заявления о похищениях и убийствах детей. Жиль де Ре понял, что дело принимает опасный для него оборот. Он извинился перед судьями и просил не отлучать его от церкви. Когда у человека той эпохи таяла надежда оправдаться перед людским судом, у него оставалась лишь вера в высшую справедливость и безграничное милосердие Божье; поэтому так важно было оставаться в лоне церкви Христовой. Жиль де Ре признался в чтении книг по алхимии и производстве алхимических опытов. Все

остальное он категорически отрицал и сам просил суд испытать правдивость его слов каленым железом.

Однако судьи решили, что каленое железо — это слишком легкое испытание для такого злодея, и назначили настоящие пытки. Когда барона привели в пыточную камеру и он увидел весь ужасный инструментарий, отважный рыцарь впервые дрогнул. Ему показали первый этап — «лестницу», на которой его будут растягивать за ноги и за руки. Тут барон пал на колени и молил судей отменить пытки, обещая чистосердечное признание.

Упорствовать не было смысла. Ведь сообщников барона уже пытали, и они поведали о своем хозяине такое!.. Поэтому Жиль де Ре признался по всем пунктам, как сказано в протоколе, «свободно, без угрозы пыток, со слезами раскаяния на глазах». И все равно его пытали, растянув на «лестнице», после чего подсудимый сознался и в том, о чем его не спрашивали. Сорок девять пунктов обвинения вкратце сводились к следующему: за несколько лет Жиль де Ре похитил сотни детей, преимущественно мальчиков, насиловал и мучил их, затем убивал, а их органы приносил в жертву демонам и самому Дьяволу. Разумеется, в материалах следствия его злодеяния были описаны очень подробно; сцены половых извращений и садистских истязаний представляют настоящий учебник для маньяков и педофилов.

В конце октября суд инквизиции приговорил Жюля де Ре к отлучению от церкви, а светский суд — к сожжению на костре. Вместе с хозяином были приговорены к такой же казни двое ближайших подручных. Перед смертью барон покаялся и примирился с церковью; в виде особой милости палач предварительно задушил его гарротой; его тело вытащили из огня почти неповрежденным и передали родственникам для христианского захоронения.

От Проклятого до Грозного

Итак, Жиль де Ре вошел в историю не как герой, а как суперзлодей. Его имя стали отождествлять с разны-

ми легендарными и сказочными персонажами. Например, издавна в Бретани рассказывали такую легенду о синей бороде:

«Ехали граф и графиня мимо прекрасного замка. Вышел из замка рыцарь с рыжей бородой. “Я Жиль де Ре, хозяин этих мест”, — сказал он и пригласил путников в замок на обед. Но когда отобедали, хозяин приказал слугам схватить графа и бросить его в “каменный мешок”. Жиль де Ре предложил графине забыть своего мужа и стать его женой. “Обещай мне свое тело и душу!” — потребовала графиня. Как только Жиль де Ре произнес такую клятву, красавица превратилась в синего Дявола. “Теперь ты в моей власти!” — захохотал Дьявол, и рыжая борода Жилия де Ре стала синей. С тех пор все его называли Синей Бородой».

Наверняка эта легенда была известна с раннего Средневековья, но главный герой обрел имя — Жиль де Ре — уже после знаменитого судебного процесса.

Сказки Шарля Перро появились через два с половиной столетия. Читатели сразу отождествили героя сказки «Синяя Борода» с Жилем де Ре. Правда, сказочный персонаж мучил и убивал своих жен, а не детей. Ну и что? Злодей, он и есть злодей... Возможно, люди припомнили также невест барона, умиравших одна за другой до свадьбы. Так оказались «скованы одной цепью» герой старинной легенды, реальный Жиль де Ре и сказочный персонаж Синяя Борода.

Впрочем, существовали и другие возможные прототипы Синей Бороды.

По обе стороны Ла-Манша, во французской Бретани и в британских Уэльсе и Корнуэлле, бытовали легенды о жестоком Коморе (в других источниках — Кономор Проклятый). Легенды именуют его то королем, то графом. Комор не признавал церковного брака, а своих жен-наложниц убивал, как только они беременели. Полюбилась ему Трифиния, старшая дочь графа Герока. Долго отказывал отец жестокому Комору. Наконец уговорились, что Трифиния сможет вернуться в отчий дом, когда только пожелает. Все шло хорошо, пока Трифиния не поняла, что беременна. Рано утром, пока муж еще спал, она вышла из замка и побежала к дому. Но Комор проснулся и бросился в погоню. Женщина, обли-

ваясь слезам, молила о пощаде, но граф схватил ее за волосы и одним ударом отсек ей голову. Отец Трифинии обратился с мольбой к святому Гильдасу, тот приставил отрубленную голову к туловищу, и женщина ожила. Святой пошел к замку Комора, бросил в убийцу лишь горсть пыли, и рыцарь упал замертво. А Трифиния благополучно родила мальчика, позднее она ушла в монастырь.

А вообще-то Синие Бороды водились и в недалеком прошлом: чем не прототип английский король Генрих VIII, загубивший шесть из восьми своих жен (кстати, в сказке «Синяя Борода» злодей убил именно шесть своих жен, юная героиня должна была стать седьмой). Немного отстают от английского коллеги наш Иван Грозный: из восьми жен и наложниц пять погибли, три сгинули в монастырях.

Пожалуй, легенда о Коморе и бретонская легенда о Синей Бороде послужили основой для сказки Шарля Перро. Исследователи утверждают, что была еще и народная французская сказка на этот сюжет, но текст ее до нас не дошел. Сохранилась английская народная сказка, очень похожая на сказку Шарля Перро. Возможно, французский вариант был записан в заветной тетрадке Перро. (Но не того Перро, о котором вы подумали. Речь о той тетрадке впереди.)

Обеление Синей Бороды

Вернемся к Жюль де Ре, вернее, к его посмертной известности. На протяжении трехсот лет он оставался самым первым и самым знаменитым серийным маньяком, при этом синяя борода к нему приклеилась намертво, не оторвешь. Он неоднократно становился героем романов, пьес, поэм, стихов, опер и оперетт, кинофильмов и мультфильмов. Один из первых кинофильмов был «Волшебник Синяя Борода» Жоржа Мельеса (1901 год).

Примерно сто лет назад наш прекрасный поэт Николай Гумилев прочитал книгу аббата Эжена Буассара «Жиль де Рец, маршал Франции, прозванный Синей Бородой», в которой впервые были довольно полно представлены материа-

лы процесса 1440 года. Между книжными страницами поэт обнаружил кем-то забытый засохший цветок. И родились такие строки:

Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца...
И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья...

В этот период, после публикации всех обстоятельств дела, возникли обоснованные сомнения в справедливости суда и в виновности Жилья де Ре.

Станным выглядело уже то, что первые обличения епископа Нантского оказались своего рода конспектом будущего судебного обвинения. Подозрения в ангажированности дела находили все новые подтверждения. Оказывается, незадолго до первых обвинений Жиль де Ре со своей дружиной захватил замок Сент-Этьен-де-Мер-Морт. Этот замок до недавнего времени принадлежал барону, но был продан мессире Жеффруа Ле Феррону, казначею герцога Бретонского. Время шло, Ле Феррон денег не платил, несмотря на неоднократные напоминания. Тогда Жиль де Ре вернул себе замок силой оружия. Ле Феррон пожаловался герцогу, реакция последовала незамедлительно: дружину бывшего владельца выбили из замка, а на Жилья де Ре был наложен огромный штраф в пятьдесят тысяч золотых экю. Барон считал все это чудовищной несправедливостью, платить штраф не собирался, укрылся в замке Тиффож (приданое жены, кстати), где его никто не мог тронуть, потому что этот замок находился под юрисдикцией короля, а не местных властей.

Отношения между бароном и герцогом были непростыми. Кому понравится такой независимый вассал — увенчанный славой, чьи владения не уступают, а доходы значительно превосходят герцогские? Жан V стремился к расширению своих владений за счет баронских имений. Своим нападе-

нием на замок вельможи герцога Жиль де Ре окончательно вышел из повиновения. (Забегая вперед, скажу, что Жан V, еще до окончания процесса, конфисковал владения Жилья де Ре в пользу своего сына. Родственники Жилья де Ре заявили, что барон был безумен; это позволяло сохранить родовые владения; но герцог — а именно он возглавлял светский суд — просьбу родственников отклонил.)

У монсеньора Жана де Малеструа, епископа Нантского, тоже были свои счеты с Жилем де Ре. Барон содержал целый штат священников, все они кормились из его рук; он был сам себе епископ. К тому же занятия алхимией, хотя и не карались по закону, не одобрялись церковью. Поэтому епископ охотно примкнул к заговору против Жилья де Ре.

Но что ему предъявить? По-настоящему сильного обвинения не было. Надо было чем-то потрясти воображение бретонцев, возбудить всеобщую ненависть к барону. Тяжкое обвинение допускает применение пыток, а под пытками только мертвый не сознается.

Еще одна случайность подсказала епископу решение: совсем недавно была схвачена старуха ведьма Перрин Мартин, которую обвиняли в том числе в похищении детей. А что, если представить ее как сообщницу барона-нечестивца? К тому же в канцелярии епископа скопилось несколько заявлений горожан о пропавших детях — и это лыко было в строку.

Новых заявителей нашлось еще немало. Дело в том, что во Франции тогда исчезали бесследно двадцать тысяч детей в год. Одни просто теряли дорогу к дому, другие убежали куда глаза глядят, становились бродяжками и попрошайками; некоторые мальчишки поступали в ученье или в услуженье. Злоумышленники, бывало, похищали детей; похищенный мальчишка делался бесплатным слугой, или работником, или ярмарочным артистом; наконец, в голодные годы сами отчаявшиеся родители отводили детей в лес и оставляли там (Перро использовал этот сюжет в сказке «Мальчик-с-пальчик»). Несчастные родители, потерявшие детей в Нанте и окрестностях, уверились (а некоторых уверили организаторы процесса), что это подручные Жилья де Ре увели их детишек.

Но главное — не было найдено никаких улик — ни трупов, ни останков, ни волоска, ни ниточки. Ничего! Все заменили признания обвиняемых, добытые под пытками. (Я специально консультировался у специалиста по средневековым пыткам и казням, директора музея «Истории телесных наказаний» Валерия Переверзева: мог ли в принципе испытуемый выдержать пытки, не признаться? Ответ был категорический: нет. Исключения составляли, что называется, клинические случаи: патологическая нечувствительность к боли, например, или состояние иступления.)

Читая «признания» Жилья де Ре, нельзя не содрогнуться; а если их кто-то сочинил, то автор был, несомненно, скрытый или явный маньяк-педофил!

...Двадцать лет назад известный парижский адвокат Жан-Ив Го-Бризоньер собрал группу историков, юристов и других экспертов, сомневающихся в виновности Жилья де Ре. Этот трибунал заседал в зале ЮНЕСКО, затем в Люксембургском дворце. Эксперты вынесли вердикт: Жиль де Ре не виновен, дело против него сфабриковано. Однако юридической силы эта реабилитация не имеет, и мало кто знает о ней. Страшную сказку о злодее Жиле де Ре по прозвищу Синяя Борода повторяют разные авторы, вновь и вновь...

Несказки Шарля Перро

А почему все-таки Синяя Борода убивал своих жен? Этот сюжет покоится на еще более древних мифах и преданиях: боги и земные владыки убивали своих беременных жен, опасаясь будущих врагов в лице выросших сыновей. Так поступал и Комор (Кономор Проклятый), о котором уже шла речь. Такое дикое варварство осталось в глубокой древности. А сам сюжет «убийство жен» сохранился, и Шарлю Перро он достался без первопричины и логичного объяснения.

Вероятно, автор, как и мы, размышлял над причинами этих странных убийств. И, не найдя внешней причины, перенес ее внутрь убийцы. Сам Синяя Борода — и есть причина,

его преступления — это следствие его извращенной личности. Поняв это, Шарль Перро написал первый литературный триллер о серийном маньяке-убийце.

Он подробно рассказывает, как Синяя Борода сначала завлекает своих жертв, неспешно подкрадывается, словно растягивая удовольствие. Как помнит читатель, только младшая из трех сестер соглашается выйти замуж за Синюю Бороду; а тот изначально знает, что в его сети попадет именно младшая, самая неопытная и чистая душой. И тем полнее будет его торжество!

Затем начинается дьявольская игра. Внешне он любящий муж, ничего не жалеющий для юной супруги. Уезжая, он передает жене все ключи, но запрещает открывать одну потайную комнату. Он ставит ей психологический капкан: знает заранее, что молодая женщина не устоит перед соблазном, нарушит запрет. И тут ловушка захлопнется, и теперь маньяк уверяет сам себя и всех вокруг: она виновна, и аз вондам!.. Маньяки большие мастера переворачивать ситуацию так, чтобы представить своих жертв — преступниками. Но мы-то понимаем, что жена Синей Бороды обречена не из-за того, что послушалась мужа, а оттого, что проникла в тайну маньяка, узнала его подлинную сущность. Вот почему, в ответ на мольбы жены, Синяя Борода произносит странную фразу: «Нужно умереть, мадам, и немедленно». И позднее, в ответ на ее рыдания, уже занеся кинжал: «Это ни к чему не приведет, нужно умереть». Потому что маньяк не может отказаться от задуманного, это равносильно самоубийству. Зато как он гордился содеянным! Как бережно хранил трупы предыдущих жертв!.. Вероятно, он входил в кровавую комнату, как Скупой рыцарь входил в свою сокровишницу (кровь и сокровища — из одного корня)...

История о Синей Бороде стоит особняком среди сказок Шарля Перро. Потому что это и не сказка вовсе. В частности, в ней нет чудес и волшебства. За исключением одного волшебного предмета — ключа от потайной двери, на котором появляется несмыслимое кровавое пятно. Современные психологи-фрейдисты усматривают в ключе фаллический символ, а в пятне крови — акт дефлорации. Ну, на то они и фрейдисты, они и маму родную не пожалеют. На самом деле это

древнейший мотив многих волшебных сказок: предостережение от нарушения табу. В данном случае: не заходи в запрещенные места. Мотив нарушенного табу встречается и в других сказках Шарля Перро: не балуйся с веретеном, уколешься («Спящая красавица»); не заговаривай с незнакомцами, это опасно («Красная Шапочка»). Мотив несмываемого (неуничтожимого) знака, свидетельствующего о совершенном проступке или преступлении, тоже хорошо известен в мифологии и фольклоре.

Все эти мотивы Шарль Перро искусно сплел в цельную ткань повествования и скрепил зловещим знаком дьявола — Синей Бородой.

Секреты сказочной тетради

Мы с детства знаем Шарля Перро как великого сказочника. Сам же он ценил свои сказки далеко не в первую очередь.

Выходец из парижской торговой семьи, он добился высокого положения, занимал ответственные должности в правительстве, был фактически ближайшим помощником первого министра Кольбера, не раз виделся с королем Людовиком XIV, посвящал ему свои произведения, например высокопарную поэму «Век Людовика Великого».

Шарль Перро был одним из создателей Французской академии, его избрали в число «бессмертных», он даже много лет председательствовал в академии.

Женился Шарль довольно поздно, его жена умерла через шесть лет, оставив на попечение мужа троих детей — девочку и двух мальчишек. Несмотря на большую занятость, отец уделял детям много времени, часто рассказывал им сказки.

Первые сказки Шарль Перро написал уже в пожилом возрасте, они были стихотворными — «Гризельда», «Ослиная шкура» и «Смешные желания». В 1695 году они были напечатаны в сборнике «Сказки матушки Гусыни».

А в это время его сын, семнадцатилетний Пьер Перро, старательно записывал в тетрадку услышанные им народ-

ные сказки и побасёнки. Отец часто заглядывал в эту тетрадку. Сказки были прелестны, особенно истории о спящей красавице, о девочке и волке, о мальчике-крошке, о коте в сапожках, о замарашке и фее, о жестоком рыцаре с синей бородой. Но вот беда — сын совершенно не владел пером, не умел раскрыть материал и преподнести его читателям и слушателям.

Но вот однажды отец понял, как употребить этот сказочный материал на пользу сыну. В Версале уже подрастала любимая племянница короля принцесса Орлеанская, ей подбирали свиту. А что, если Пьер Перро поднесет принцессе книжку своих сказок? Опыт старого придворного подсказывал: Пьера включают в свиту принцессы и, само собой, пожалуют дворянство!

Почти год Шарль Перро трудился над сказками из тетрадки сына. Поскольку книга предназначалась принцессе, из текста были исключены простонародные выражения, зато включены описания балов и великосветской жизни; взять хотя бы картины праздника и увеселений в замке Синей Бороды... Наконец книга в одном-единственном экземпляре была готова, переписана на дорогой бумаге, переплетена в красный сафьян. Труд назывался «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями». Книга открывалась посвящением принцессе за подписью молодого Пьера Перро.

Планы отца полностью осуществились: Пьер подарил книгу принцессе, его включили в свиту и возвели в дворянское достоинство. Кроме того, король дал Пьеру исключительные права на издание сказок, подаренных принцессе. В 1697 году вышла в свет книга «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями».

Казалось, отец обеспечил будущность сына.

Но случилась беда: Пьер заколол шпагой своего сверстника и соседа Гийома Колля. Как это произошло, из-за чего — не известно до сих пор. Известно только, что Шарль Перро уплатил семье Колля две тысячи ливров и что уголовное дело было прекращено только через полтора года.

С придворной карьерой сына было покончено. Отец купил Пьеру чин лейтенанта королевского полка дофина, и сын

уехал в армию. Он храбро воевал, всегда бросался в бой, словно искал смерти. Не прослужив и года, Пьер Перро погиб в сражении.

Силы и здоровье Шарля Перро были подорваны. Он уже не писал сказок.

Ему вослед пришла целая плеяда талантливых сочинителей, довершивших формирование жанра литературной сказки.

Но никто не создал ничего лучше, например, «Синей Бороды».

Черкесская героиня аббата Прево

Кавказская пленница

Весна в Стамбуле похожа на душное парижское лето, и только ветерок с Босфора немного облегчает страдания европейца. Весной 1698 года французский дипломат, королевский советник граф Шарль де Ферриоль отправился на прогулку. Он давно уже освоился в Турции, даже несколько «отуречился» и завел привычку заходить на невольничий рынок. Ему нравилось осматривать юных рабынь, выставленных на продажу. Может быть, он даже прикидывал: ага, вот эту я бы купил, — и на всякий случай осведомлялся о цене.

На этот раз внимание дипломата привлекла девочка лет пяти, очень милая, с живым лицом и выразительными глазами.

— Откуда она? — спросил француз.

— Черкешенка, — ответил продавец. — Она дочь адыгейского князя, похищенная во время набега на их аул.

Черкесами тогда называли почти все горские народы Кавказа. Черкешенки высоко ценились в Турции и Египте, они считались украшением гаремов. «Черкешенок все знают и превозносят за их красоту, за черный шелк тонких бровей, за черные глаза, в которых горит огонь, за гладкий лоб, округлость лица, — писал в те годы немецкий путешественник. — Прямо кажется, что стрелка весов человеческого телосложения замерла тут на середине, и на одной чаше весов — Греция, а на другой — Индия».

Справедливости ради надо сказать, что черкесы, составлявшие многочисленную общину в Турции и Египте, и сами поставляли женщин в гаремы султана и его вельмож. Известно, что в жилах нескольких султанов текла наполовину черкесская кровь и они, в свою очередь, имели детей от жен-черкешенок.

Французский дипломат де Ферриоль был очарован рабыней-черкешенкой.

— Как ее зовут? — спросил он работоторговца.

— Гаиде, — ответил тот.

— Айшет, — вдруг произнесла девочка свое имя на родном языке таким нежным голосом, что сердце дипломата дрогнуло. Он заплатил за нее 1500 ливров и увел с собой.

Вскоре миссия де Ферриоля была завершена, и он вернулся во Францию, увозя с собой Айшет. По дороге, в Лионе, девочка была крещена, причем крестным отцом ей стал сам де Ферриоль. При крещении она получила имя Шарлотта-Элизабет, но под этим именем значилась только в документах. На новой родине все стали звать ее на французский манер Аиссе (Aïssé).

Через год Шарль де Ферриоль снова отправился в Стамбул, теперь уже послом, на десять с лишним лет. Заботы об Аиссе он поручил своей невестке, жене брата, Марии Анжелике де Ферриоль. Она была полновластной хозяйкой большого особняка Ферриолей в Париже. Ее муж Огюстен Антуан был много старше жены, ни во что не вмешивался и на многое закрывал глаза (например, на многолетнюю связь жены с маршалом дю Бле). Когда Аиссе появилась в доме, у этой четы уже был годовалый сын Антуан, а вскоре родился второй, Шарль Огюстен, причем его крестными родите-

лями были записаны двухгодовалый братик и семилетняя Шарлотта-Элизабет, то есть Аиссе. Когда мальчики выросли, они стали самыми верными друзьями «кавказской пленницы».

Сначала Аиссе получала домашнее воспитание, затем, по заведенному тогда обычаю, ее отправили в монастырь, где дочери порядочных семейств завершали свое образование. Девочек учили читать, писать, считать, рисовать, играть на клавесине, танцевать и заниматься рукоделем. Всему остальному их должен был обучить главный наставник — мэтр Бомонд, то есть светское общество. Надо сказать, в эпоху Регентства парижский свет был плохим воспитателем. Очень кратко, но точно охарактеризовал этот период Пушкин: «По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени... Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен... Алчность к деньгам соединилась с жадною наслаждений и рассеянности».

Но и при молодом короле Людовике XV мало что изменилось. Если «король-солнце» Людовик XIV говаривал, бывало: «Государство это я!» — то Людовик XV, прозванный Прекрасным, довел эту мысль до логического конца: «После нас хоть потоп!»

Черкешенка вернулась из монастыря уже не заморским экзотическим существом, но сложившейся личностью, к тому же красавицей, вызывавшей восхищенные, а порой и завистливые взгляды. Хотя чему было завидовать? Сирота, бесприданница, живущая хотя и в достатке, но, в сущности, лишь по милости своих благодетелей. Г-жа де Ферриоль продолжала заботиться о девушке, как о собственных сыновьях, но независимость характера мадемуазель Аиссе, ее внутреннее благородство и чувство собственного достоинства порой начинали раздражать хозяйку дома. К тому же будущность воспитанницы оставалась туманной, намерения самого благодетеля, графа Шарля де Ферриоля, неясны.

Парижская невольница

Тем временем из Стамбула, через знакомых, доходили противоречивые известия. С одной стороны, посол де Ферриоль был «туркофилом» и даже перенял некоторые турецкие обычаи, с другой — мог бы служить примером патриота и мужественного дипломата. Вот какой случай описал князь Дмитрий Кантемир: во время праздника по случаю рождения внука короля во французском посольстве устроили фейерверк. Вдруг явился визирь султана с отрядом янычар и потребовал прекратить праздник. Граф де Ферриоль бесстрашно заявил: «Если вы насильственно посягнете на честь моего владыки короля и мои привилегии посла, то я... порохом, который тут собран, взорву этот дом, а вместе с ним — и себя самого, и моих гостей, и тех, кто захочет совершить насилие; моему королю я оставляю право отомстить за нанесенное оскорбление». Турки решили не связываться с этим бешеным французом. Однако уже в этом эпизоде чувствуется нарастающее нервное напряжение, первые признаки душевного нездоровья де Ферриоля. Впоследствии его экстравагантные выходки все больше раздражали турок, он вел себя заносчивей султана, не раз превышал свои полномочия. Известно, что в последние годы своего посольства он, как настоящий «турецкоподданный», купил рабыню и прогуливался с ней под руку по Стамбулу, чем просто шокировал правоверных. Кончилось тем, что в 1709 году г-н де Ферриоль был отстранен от должности. Но его безумие зашло так далеко, что он не подчинился и отказался сдать дела. И только два года спустя его удалось отправить во Францию, насильно погрузив на корабль.

Итак, в 1711 году граф Шарль де Ферриоль окончательно вернулся на родину и присоединился к обитателям особняка на улице Нев-Сен-Огюстен. Родные ли стены, воздух ли Франции или дочерняя забота мадемуазель Аиссе произвели это чудо, но болезнь отступила, и граф буквально ожил. А когда взор его прояснился, он обратил его на мадемуазель Аиссе и обнаружил, что она прелестна и изысканна. Она же

понимала и глубоко переживала двусмысленность их сосуществования под одной крышей, что называется, в «общих покоях». Мадемуазель Аиссе просила дать ей свободу, но благодетель отказал. Сохранилось его письмо, в котором он излагал свои чувства и намерения: «Когда я вырвал вас из рук неверных и купил вас, я не предполагал причинить себе такие огорчения и сделаться столь несчастным. Я рассчитывал, следуя велению судьбы, определяющей участь людей, располагать вами по своему усмотрению и сделать вас когда-нибудь дочерью или возлюбленной. Опять-таки судьба пожелала, чтобы вы стали той и другой, поскольку я не могу отделить дружбу от любви и отеческую нежность от пламенных желаний».

Граф сделал мадемуазель Аиссе предложение вступить с ним в законный брак, она ему отказала. Как отказывала многим вельможам, даже самому регенту — Филиппу II герцогу Орлеанскому. В одном из великосветских салонов регент увидел ее — и влюбился. Он заручился даже поддержкой г-жи де Ферриоль — но без успеха. Когда его ухаживания превратились в форменные преследования, мадемуазель Аиссе заявила регенту: «Если вы будете принуждать меня, я немедленно удалюсь в монастырь». Это был просто ошеломляющий ответ для Филиппа Орлеанского. До сих пор самые знатные дамы домогались его, мечтали оказаться в его постели. Но эта черкешенка!.. Регент нехотя отступился.

И все-таки с графом де Ферриолем мадемуазель Аиссе осталась до конца. Они прожили вместе свыше десяти лет, мадемуазель Аиссе пользовалась относительной свободой: принимала гостей, выезжала в свет, посещала театры. Но конечно, глубоко переживала подневольность своего положения. Принадлежать — не важно кому — без любви было стыдно и унижительно. Однако не могла она пренебречь своим долгом перед благодетелем, ухаживала за дряхлеющим графом и относилась к нему с почтением. Она жалела его, всю жизнь потом называла в письмах «бедным посланником». И в то же время отдавала ему должное, именуя за глаза «турком». В последние годы жизни граф Шарль де Ферриоль совсем потерял рассудок. Он умер в 1722 году в возрасте 75 лет после долгих и мучительных страданий.

Граф оставил мадемуазель Аиссе ренту в 4000 ливров, что на самом деле обеспечивало довольно скромное существование для женщины ее круга. Гораздо более щедрым подарком было то, что покойный обязал семейство Ферриоль выплачивать мадемуазель Аиссе из своей части наследства целых 30000 ливров. Но г-жа де Ферриоль, чья скупость становилась с годами просто неприличной, всячески затягивала исполнение обязательства. Она так замучила мадемуазель Аиссе жалобами и попреками, что во время очередной возмутительной сцены черкешенка бросила бумагу с обязательством в пылающий камин. Не получила она денег и по завещанию своего искреннего доброжелателя и друга молодых братьев Ферриолей — принца де Бурнонвиля: его завещание загадочным образом исчезло. Мадемуазель Аиссе заметила по этому поводу:

— Я очень рада, что оно не сохранилось. Ведь те, кто ничего не знает о дружеском его ко мне расположении в ту пору, когда он бывал частым гостем г-на де Ферриоля, бог знает что стали бы болтать по этому поводу.

Завещание принца де Бурнонвиля исчезло неспроста, и причина всем была известна, о ней шептались в парижских гостиных:

— Уже через четверть часа после его кончины было объявлено, что его вдова выходит замуж!

— А сводниками у постели умирающего были матушка вдовы и ее дядя-кардинал.

— Так обделываются дела в Париже!

Вобщем, мадемуазель Аиссе не суждено было стать обеспеченной, она всегда будет нуждаться в деньгах, делать долги, задерживать жалованье даже своей верной Софи, служанке и наперснице.

Тем не менее после смерти графа мадемуазель Аиссе обрела независимость и средства к существованию. Дом де Ферриолей уже давно стал ей родным. Здесь она познакомилась со многими выдающимися личностями своего времени. Но мало кто по-настоящему понимал мадемуазель Аиссе. Еще меньше было посвященных в ее тайны. Может быть, именно загадочность этой дамы привлекала к ней внимание тайных и явных воздыхателей.

Восток — дело тонкое!

Она вошла, и в салоне зашептались:

— Та самая черкешенка!..

— Бывшая рабыня...

Мадемуазель Аиссе словно не замечала сплетников и сплетниц, она с приветливой улыбкой кивала знакомым. Вот она увидела Вольтера и оживленно заговорила с ним. Стоявший неподалеку молодой аббат в фиолетовой сутане, с вьющимися белокурыми волосами, обрамлявшими румяное и полное лицо, не сводил глаз с мадемуазель Аиссе. Это был Антуан Франсуа Прево, автор уже известного романа «Записки знатного человека, удалившегося от света». Недавно как раз вышел VII том романа, в который аббат Прево включил новую повесть — «История кавалера де Грие и Манон Леско».

Аббат Прево залюбовался черкешенкой. Несмотря на духовное звание, он знал толк в женской красоте и пережил страстные романы, прежде чем их описать. Вольтер заметил Прево и подвел мадемуазель Аиссе к нему.

— Это наша черкесская нимфа — мадемуазель Аиссе! — представил он. — А это аббат Прево, автор...

— О! Автор «Записок знатного человека!» — перебила его мадемуазель Аиссе. — Здесь все читают ваш роман.

Она не стала ни хвалить, ни ругать книгу, но, когда заговорила о «Манон Леско», ее голос дрогнул:

— Эти сто девяносто страниц я читала, обливаясь слезами!

Обсудили другие литературные новости. Мадемуазель Аиссе заговорила о книге «Путешествия Гулливера» доктора Свифта:

— В ней много остроумия, выдумки и тонкой насмешливости.

Тут мадемуазель Аиссе позвали, и она, извинившись, удалилась.

— Как вам понравилась прекрасная черкешенка? — спросил Вольтер.

— Она — мой новый роман, — ответил аббат Прево.

Такова одна из легенд, связанных с именами аббата Прево и мадемуазель Аиссе. Впрочем, многие исследователи считают, что они никогда не виделись и Прево знал об Аиссе по рассказам Вольтера и братьев де Ферриоль. Прево хотел познакомиться с мадемуазель Аиссе, от нее самой узнать ее подлинную историю... К несчастью, вскоре для самого аббата настали черные дни, он долго скрывался за границей, а когда вернулся — мадемуазель Аиссе уже не стало.

Но история черкешенки уже не давала аббату покоя, наполнялась все новыми персонажами, обрастала живыми деталями. Он долго изучал записки путешественников о Турции и Востоке, прежде чем засесть за роман.

Восток и в особенности Турция были чрезвычайно модной темой в европейской литературе, в искусстве, и не только. «Процесс пошел» еще в XVII веке благодаря развитию торговых и политических связей. В начале XVIII века на европейские языки были переведены сказки «Тысячи и одной ночи», и с тех пор восточные мотивы и персонажи потеснили классических героев и мифологические сюжеты Греции и Рима со страниц романов и с театральных подмостков. Книжки и пьесы о «восточных приключениях» изображали преимущественно некую условную действительность, фантастические, полусказочные страны и события. Особенно будоражил воображение европейцев гарем, сераль. Если мыслителей Просвещения волновала прежде всего проблема свободы личности вообще и женщины в частности, то для большинства читателей гарем, притом в художественном изображении европейца, был воплощением эротических фантазий. Какой мужчина, в особенности француз, не воображал себя эдаким пашой, владыкой гарема! Но и некоторые дамы «галантного века» охотно разыгрывали роли одалисок. Кстати, именно тогда появилась мода на женские тюрбаны, этот головной убор время от времени возвращался в гардероб женщины и в XIX, и в XX веках.

Не все, конечно же, писали о Востоке легкомысленно. Для критических умов восточный антураж служил лишь ширмой, за которой скрывалось изображение современных европейских порядков и нравов. Достаточно вспомнить «Персидские

письма» Монтескье (1721), положившие начало жанру философского романа Просвещения.

Не перечить всем произведениям первой трети XVIII века, навеянных Востоком. Их стало даже чересчур! Знаменитый французский романист Кребийон-сын в 1736 году предсказывал: «...переведутся герои, которые попадают в плен к туркам, едва сев на корабль; никто больше не будет похищать из сераля султаншу, беспримерной хитростью обманув бдительность евнухов...» Но пророчество не сбылось, «восточные приключения» плодились и размножались, а сам Кребийон выпустил в 1742 году роман «Софа». Похождения французов в турецких шароварах продолжались.

«Прекрасная черкешенка» становится гречанкой

Роман аббата Прево «История современной гречанки» совсем о другом. В нем тоже есть увлекательный сюжет: тайна рождения, освобождение из сераля, коварные соперники, предательства и погони. Но роман не об этом. Он, как и «Манон Леско», о чувствах и страстях, которые в конечном счете определяют судьбы человеческие.

Французский посол выкупает из гарема знатного турка юную гречанку Теофею. Он совершает этот поступок из благородных побуждений, тайно, через подставное лицо — другого турецкого вельможу, который, в свою очередь, влюбляется в прекрасную гречанку. Посол рассказывает Теофее о свободе, которой пользуется европейская женщина, об идеале добродетельной жизни. И Теофея буквально пере рождается, она осознает постыдность прежней жизни, стремится забыть ее. «Как видите, горестная судьба моя объясняется не склонностью к наслаждениям: я не опустилась до порока, а родилась в нем», — признается она своему благодетелю. Посол поначалу относится к Теофее как благородный покровитель: «Природная шепетильность не позволяла мне питать какое-либо более нежное чувство к юному созданию, только что освободившемуся из рук турка». Но прошло

совсем немного времени, и желание обладать побеждает благородный порыв: «...я не сомневался, что она будет уступчивой». При этом он придерживается правила: «...просить у Теофеи только то, что сама она склонна мне даровать». На деле он всякий раз глубоко оскорбляет девушку своими притязаниями, а она умоляет об одном: позволить ей любить его как отца, наставника и спасителя. Сопротивление рождает страсть. В душе посла борются высокие и низкие чувства, но побеждают всякий раз последние, распалаемые к тому же ревностью. Потому что у посла появляются соперники, они пытаются похитить гречанку, отбить ее у посла... Значительная часть повествования связана с двусмысленными ситуациями, которые как будто дают послу основания подозревать Теофею в коварстве и измене, но все подозрения оказываются ложными. Ревнивец лишь ненадолго успокаивается. В результате он отравляет жизнь и себе, и возлюбленной. Неутоленная страсть превращает его в больного старика, а гречанка умирает совсем молодой женщиной, так и не изведавшей ни свободы, ни любви, ни счастья.

В отличие от посла, который довольно понятен, в образе Теофеи есть какая-то недосказанность, загадочность. Может быть, оттого, что все события мы видим глазами посла и оцениваем их с его точки зрения. Теофея — родная сестра Манон Леско, но, как это бывает у сестер, с иным характером и противоположными устремлениями. Многим кажется неубедительным стремительное перерождение героини. Но это потому, что читатель замечает в истории гречанки лишь перемену участи, а не перемену ее самой. Так библейская Мария Магдалина не просто расстаётся с ремеслом блудницы, она расстаётся с прежней Марией и становится праведницей, святой. Такие преобразования действительно сродни чуду, их вообще мало кому удавалось изобразить.

В русском переводе роман аббата Прево вышел под названием «История одной гречанки», без определения «современной». А жаль, ведь автор считал книгу созвучной идейным и духовным исканиям эпохи Просвещения. Впоследствии, как это часто бывает с выдающимися произведениями, каждая новая эпоха приоткрывала новые смыслы в старом тексте. И сегодня мы по-прежнему задумываемся: а может быть,

деве Востока (гречанке только по рождению) было бы лучше, останься она гаремной женою, в неведении о том, как живут женщины в другом, чужом для нее мире? Ведь в начале романа Теофея была вполне довольна своим положением, у нее самой были рабы, а престарелый господин явно не утруждал свою любимицу. И сегодня, когда конфликт цивилизаций принимает порой форму кровопролитной войны, особенно ясно понимаешь, что насильственная европеизация или тем более американизация Востока — опасна и что «цивилизаторы» так же мало понимают другие народы, как во времена Прево.

Сходство героев «Истории современной гречанки» с мадемуазель Аиссе и г-ном де Ферриолем очевидно. Хотя аббат Прево приписал послу излишнюю чувствительность, которой прототип не обладал. Зато автор каким-то образом проник в суть конфликта двух незаурядных личностей, догадался о многом сокровенном, что мучило их. Одна светская дама так выразила общее мнение в письме к подруге: «Я стала читать “Гречанку” по причине, о которой вы мне сказали: полагают, действительно, что мадемуазель Аиссе послужила поводом к ее созданию».

Но сам аббат Прево отрицал это, он боялся бросить тень на доброе имя мадемуазель Аиссе. В предисловии ко второму изданию романа автор писал: «Читателю не следует видеть в героине ту прелестную черкешенку, которую знали и уважали многие порядочные люди и история которой не имеет никакого сходства с излагаемой историей». Но такое наивное отрицание очевидного сходства фактически указывало читателю на конкретную личность «прелестной черкешенки», послужившую прототипом гречанки Теофеи.

Вероятно, это издание 1741 года с предисловием аббата Прево читала молодая француженка с газельими глазами, совсем недавно вышедшая замуж и ставшая виконтессой де Нантиа. Она роняла слезы на страницы книги, пожалуй, чаще других, самых чувствительных читательниц. Потому что мадемуазель Аиссе была для виконтессы де Нантиа самым близким человеком на свете.

Из Парижа с любовью...

Много лет спустя оказалось, что мадемуазель Аиссе сама раскрыла все свои тайны. Она поведала о себе, своих друзьях и недругах, своем времени и своей любви — с мудростью философа, искренностью исповедницы и подлинно французским литературным мастерством. В 1787 году были впервые опубликованы тридцать шесть писем мадемуазель Аиссе к задушевной подруге Жюли Каландрини. Г-жа Каландрини была старше на двадцать пять лет, обладала возвышенной душой и высокими моральными качествами. Их переписка отразила семилетний, самый драматический период в жизни мадемуазель Аиссе.

Из ее писем мы узнаем, в какой обстановке она жила. Ее уважали, любили и защищали от несправедливых нападков выросшие сыновья Ферриолей — граф Антуан де Пон-де-Вель и граф Шарль-Огюстен д'Аржанталь. Дружила мадемуазель Аиссе с лордом Болингброком и его женой. (Наши зрители знают этого философа и политика, друга Франции, по пьесе Эжена Скриба «Стакан воды» и одноименному фильму Юлия Карасика с Кириллом Лавровым в главной роли.) Но вот отношения мадемуазель Аиссе с женской половиной дома Ферриолей были подчас мучительными. «Совместное существование с хозяйкой сего дома намного труднее, нежели была моя жизнь с бедным посланником, — признавалась мадемуазель Аиссе. — Я раз сто на дню вынуждена напоминать самой себе, что обязана ее уважать. Нет ничего горше, как выполнять свой долг из одного только чувства долга».

Еще хуже были отношения с младшей сестрой хозяйки — г-жой де Тансен. Эта дама проложила себе путь в высшее общество благодаря связям известного свойства. В частности, она долгое время была любовницей аббата Дюбуа, наставника будущего регента, а затем и самого Филиппа Орлеанского. Наверное, на этом основании г-жа де Тансен требовала к себе особо почтительного отношения. Смолоду эта «прекрасная негодяйка», как назвал ее Дени Дидро, постриглась в монахини, затем бежала из монастыря, при содействии брата-кардинала получила от Папы Римского освобождение от обета,

но без права вступления в брак. Вернувшись в Париж, она пустилась во все тяжкие, родила ребенка, судьбой которого никогда не интересовалась (ее сын-подкидыш стал знаменитым философом д'Аламбером). Мадемуазель Аиссе упоминает «подвиг» г-жи де Тансен: знатный дворянин Ла Френе, измученный любовницей-сердцеедкой, застрелился в ее кабинете, и его завещание оказалось форменным обвинительным актом против г-жи де Тансен. Эта дама больше трех месяцев провела в Бастилии, пока ее не оправдали.

К домашним неурядицам мадемуазель Аиссе добавлялись постоянные денежные затруднения: финансовый кризис в государстве нарастал, правительство сокращало ренты. «Деньги, деньги! Сколько вы подавляете честолюбий! Сколько благих намерений вы обращаете в дым», — писала мадемуазель Аиссе. Впрочем, она сознавала ничтожность этих своих неприятностей, как и домашних переживаний: «Мне стыдно становится своих жалоб, когда я вижу вокруг такое множество людей, которые стоят большего, нежели я, и куда меня несчастнее».

Мадемуазель Аиссе сообщает г-же Каландрини о событиях при дворе, последних назначениях, парижских новостях. И своими наблюдениями дополняет картину нравов. Одни из них курьезны, как, например, «история с панье» (панье — дословно «корзина», в данном случае — каркас, на который надевались юбки): королева сочла, что слишком пышные юбки принцесс заслоняют ее собственную; пришлось первому министру кардиналу де Флери установить дистанцию между королевой и принцессами; тогда принцессы возмутились и потребовали отодвинуть от них герцогинь... Другие истории довольно мрачные, как, допустим, смерть выдающейся актрисы Андриенны Лекуврер, будто бы отравленной по приказу ревнивой соперницы, герцогини Бульонской, женщины «жестокосердной, необузданной и чрезвычайно распутной», по словам мадемуазель Аиссе. Если она и заблуждается, то совершенно искренно: «...я знаю все это из уст близкой подруги Лекуврер». Или наконец, происшествие, что называется, из ряда вон, «от которого волосы встают дыбом — до того мерзкое, что невозможно написать о нем»: речь идет о преступлении в больнице и приюте Отель-Дье — какой-то

извращенец проник в палату, изнасиловал молодого человека, находившегося в беспомощном состоянии, и скрылся. Мадемуазель Аиссе заключает это письмо такими словами: «Иной раз мне кажется, что уже ничто не способно поразить меня, но на завтра же я убеждаюсь, что ошибалась». В другой раз она подытоживает свои наблюдения пророчеством, вполне сбывшимся в 1789 году: «Но все, что случается в этом государстве, предвещает его гибель».

Письма мадемуазель Аиссе пестрят сообщениями об амурных похождениях: «Госпожа де Парабер рассталась с г-ном первым конюшим, и г-н д'Аленкур теперь неотлучно при ней»; «У госпожи де Нель состоял в любовниках г-н де Монморанси — связь эту в свое время устроил Рион, теперь он счел своевременным ее разорвать и подсунул своему приятелю госпожу де Буффлер. Госпожа де Нель в отместку пустила слух, будто он зарится на королеву»; «Принц де Кариньян все так же влюблен в свою Антье. Эта тварь увлеклась генеральным откупщиком г-ном де Ла Поплиньером, острословом и слагателем песенок», — и так далее, и так далее... «Видите, чем забавляются наши прекрасные дамы и кавалеры... Я вся киплю от негодования. Вот что происходит на наших глазах, на виду у всего света...» — пишет мадемуазель Аиссе. Ей почти нечего противопоставить распущенности света, разве что следующее: «У короля по-прежнему любовницы нет», — последнее обстоятельство кажется мадемуазель Аиссе настолько странным, что она поверяет его задушевной подруге. Но вот действительно пример верной любви: сын распутного регента Филиппа Орлеанского — герцог Луи Орлеанский после смерти жены удалился от света, вел жизнь уединенную, а затем и вовсе ушел в монастырь.

Удивительно, но близкими знакомыми мадемуазель Аиссе сделались едва ли не самые известные куртизанки того времени — г-жа де Парабер, бывшая фаворитка регента, сменившая затем множество любовников, и г-жа дю Деффан, тоже «дама приятная во всех отношениях» и хозяйка великосветского салона. Они тянулись к добродетельной черкешенке, а она не отталкивала их, хотя осуждала разврат, но делала это не лицемерно. Потому что и сама носила в сердце муку раскаянья и потому что умела разглядеть в падших доб-

рое, чистое. Она писала о г-же де Парабер, что та «сердечна, великодушна, у нее доброе сердце, но она рано была ввергнута в мир страстей и у нее были дурные наставники». В общем, мадемуазель Аиссе поступала истинно по-христиански, ведь и Христос протянул руку блудницам и мытарям. В свою очередь, и куртизанки открылись по отношению к мадемуазель Аиссе с наилучшей стороны, особенно когда она уже была безнадежно больна. Она надеялась, что «все, чему ныне они являются свидетелями, заронит искру в их души и, даст Бог, будет способствовать и их обращению».

Впервые и навсегда

В 1720 году мадемуазель Аиссе встретила мужчину, который пленил ее сердце. Это был шевалье Блез-Мари д'Эди, рыцарь Мальтийского ордена (отсюда титул шевалье — рыцарь, кавалер, дословно «всадник»). Кавалеры Мальтийского ордена составляли цвет европейского рыцарства; вступая в орден, они давали обет безбрачия наравне с монахами. Шевалье д'Эди воевал, служил при дворе и незадолго до знакомства с мадемуазель Аиссе получил чин полковника. Несмотря на то что шевалье был приближен ко двору регента Филиппа Орлеанского, а затем входил в окружение его дочери герцогини Беррийской, он всегда оставался «рыцарем без страха и упрека», как писал о нем Вольтер. Более того, в трагедии «Аделаида Дюгеклен» Вольтер вывел его в образе благородного рыцаря де Кузи.

Ему было двадцать восемь лет, ей двадцать семь, когда они полюбили друг друга, впервые и навсегда. Остается только поражаться тому, что они сумели сохранить в тайне и свои отношения, и беременность мадемуазель Аиссе, и рождение дочери Селины 26 апреля 1721 года. А ведь еще жив был «турок» — граф де Ферриоль! Об их любви знали только самые близкие друзья, а про их дитя — лишь супруги Болингброк. Впоследствии, разумеется, еще г-жа Каландрины.

Шевалье д'Эди с самого начала их отношений предложил мадемуазель Аиссе руку и сердце. Но черкешенка отказала

и ему, хотя именно брака с ним она желала больше всего на свете. Но она не могла допустить, чтобы д'Эди из-за нее нарушил обет мальтийского рыцаря, потерял имя благородного человека в глазах света, сломал блестящую карьеру. Кроме того, Аиссе была «не ровней» возлюбленному, их брак явился бы мезальянсом, к тому же на ней пятном лежало сожительство с де Ферриолем; шевалье д'Эди мог бы пожалеть о своем выборе, а мадемуазель Аиссе не хотела стать причиной его разочарования и страданий. Одним словом, она поступила в соответствии со своими представлениями о чести. Но этим обрекла себя и возлюбленного на постоянные мучения другого рода: всегда таиться, лгать, жить в разлуке с дочерью. Несмотря на то что в свете на внебрачные связи смотрели сквозь пальцы, для добродетельной мадемуазель Аиссе такие отношения были источником постоянных мучений. Да и старшая подруга г-жа Каландрини осуждала порочную, с ее точки зрения, связь. «Но любовь моя непреодолима, все оправдывает ее, — отвечала мадемуазель Аиссе. — Сердце мое открыто перед вами. Не стану писать об угрызениях совести, которые терзают меня, они рождены моим разумом; шевалье и страсть к нему их заглушают».

Девочку вскоре после рождения отдали на воспитание в монастырь в городе Санс. В метрической книге родителями Селини были записаны морской офицер Блез Ле Блон и Шарлотта Мери, то есть частично названы подлинные имена настоящих отца и матери. Мадемуазель Аиссе навещала дочь, жила в монастыре по нескольку дней, но не открывала, кем она приходится девочке на самом деле. Можно представить чувства матери во время этих свиданий. Видимо, Селини каким-то сверхъестественным образом чувствовала, что эта добрая дама ей не чужая. «Меня бедняжка любит до безумия, — писала мать после посещения монастыря, — она до того обрадовалась, увидев меня, что едва не лишилась чувств». Тем тяжелее были их расставания: «...тут бедняжка залилась слезами и упала на стул, потому что у нее не было сил держаться на ногах, и все обнимала меня и говорила: “У меня нет ни отца, ни матери, прошу вас, будьте вы моей матерью, я люблю вас так, как если бы вы и в самом деле были ею”. Представьте себе, сударыня, в какое состояние повергли меня ее слова...»

Жизненные невзгоды и болезнь усугубляли нравственные страдания мадемуазель Аиссе, и в последний год своей короткой жизни она решила прекратить связь с д'Эди, принести покаяние и получить отпущение грехов. О своем решении она, конечно, известила шевалье д'Эди и с волнением ждала его ответа. Он ответил также письмом, опасаясь «обнаружить слезы, кои не властен буду удержать». «Будьте спокойны, будьте счастливы, моя дорогая Аиссе, — писал он, — мне безразлично, каким образом вы этого достигнете — я примирюсь с любым из них, лишь бы только вы не изгоняли меня из своего сердца».

После покаяния мадемуазель Аиссе почувствовала облегчение: «Слава Богу, я свершила то, что вам обещала, я исполнилась благодати. Это принесло душе моей покой...» Незаконная связь была прекращена, но не любовь. Такая любовь не умирает даже после смерти одного из возлюбленных.

Последнее письмо мадемуазель Аиссе особенно печально, а заключительные строки исполнены горьких откровений: «Жизнь, которой я жила, была такой жалкой — знала ли я хотя бы мгновение подлинной радости? Я не могла оставаться наедине с собой, я боялась собственных мыслей. Угрызения совести не оставляли меня с той минуты, когда открылись мои глаза, и я начала понимать свои заблуждения. Отчего стану я страшиться разлучения с душой своей, если уверена, что Господь ко мне милосерден и что с той минуты, как я покину сию жалкую плоть, мне откроется счастье?»

Этими словами заканчивается последнее письмо мадемуазель Аиссе, и на этом обрывается и жизнь ее. Она умерла от чахотки 13 марта 1733 года. Ее предсмертная тоска естественна. Но возможно, прав был французский писатель Поль де Сен-Виктор, написавший о мадемуазель Аиссе: «Если она страдала, то она и любила, а один час страсти стоит сам по себе целой вечности». Ее письма к тому же стали «маленьким шедевром» французской литературы.

Шевалье д'Эди после смерти возлюбленной забрал дочь из монастыря и воспитал в ней глубокое уважение к матери. Общая любовь к мадемуазель Аиссе стала своеобразным семейным культом. Д'Эди вскоре вышел в отставку, жил в родовом поместье в Перигоре, а в преклонном возрасте

перебрался к дочери, в поместье Нантиа. Он никогда даже не помышлял о том, чтобы соединить свою судьбу с другой женщиной.

Позднее читатели и критики высказывали такой упрек аббату Прево: зачем, мол, он не отобразил в романе подлинную судьбу мадемуазель Аиссе? Ну, во-первых, аббат Прево не знал многих обстоятельств ее жизни. А во-вторых, у нас появилось две разные книги о судьбе черкешенки Айшет: «История современной гречанки» и «Письма к госпоже Каландрини», и обе по-своему прекрасные.

Пан Мазепа и «мазепаны»

В начале 1824 года, во время южной ссылки, Пушкин ненадолго покинул Одессу и отправился в Бендеры. Там, в бывших турецких владениях, за сто с лишним лет до этого стоял лагерем шведский король Карл XII с остатками своего войска, разбитого под Полтавой. Там же вскоре после бегства умер гетман Мазепа. Пушкин искал следы шведского лагеря и могилу Мазепы. Но...

Напрасно гетмана могилу
Я в думу погружен искал, —

писал он четыре года спустя в черновике «Полтавы». В окончательном тексте поэмы, в эпилоге, личные воспоминания поэта отразились так:

И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор;
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доньне,
Грозя, гремит о нем собор.

Его не то чтобы забыли — о нем не любили вспоминать. В России имя Мазепы стало нарицательным именем предательства, как имя Иуды. На Украине выражение «Проклята Мазепа!» — относилось не только к плохому человеку, но и к любому злу.

Сейчас — другое дело. Кто и каким словом поминает Мазепу? И кем он был на самом деле?

«Чародій»

До нас дошло больше десятка портретов Мазепы, но среди них практически нет похожих друг на друга, он словно человек с множеством лиц. Таким он был и в жизни: на Украине одним, в России другим, с поляками и шведами третьим... Даже год рождения Мазепы точно не установлен, исследователи называют 1629, 1639 и 1644 годы.

Доподлинно известно, что Иван Степанович Мазепа-Колединский был польский шляхтич украинского происхождения и православного вероисповедания. Родился он в селе Мазепинцы недалеко от Белой Церкви, на подвластной Польше территории Правобережной Украины.

В молодые годы Иван попал ко двору польского короля Яна-Казимира. Этот король благосклонно относился к украинской знати, хотя вся польская шляхта презирала украинцев. Поэтому Мазепе не совсем уютно было при дворе. Тем не менее он был назначен «покоевым» (камер-юнкером), учился в коллеже иезуитов. Начиная с 1659 года Мазепа уже выполнял ответственные поручения короля: его отправляли с посланиями к гетманам Левобережной Украины, подвластной России, к Ивану Выговскому и Юрию Хмельницкому. Насколько важными были эти поручения, стало известно позднее: и Выговский, и Юрий Хмельницкий изменили России, переметнувшись к Польше. Так юный Мазепа набирался политического опыта.

В 1663 году король Ян-Казимир отправился в поход на Левобережную Украину. Возле Белой Церкви Мазепа покинул войско и остался в родных местах. Есть на этот счет

и другая, полулегендарная версия. Ян Пасек, паж при дворе Яна-Казимира, впоследствии писал, что Мазепа покинул двор из-за любовной интрижки, окончившейся для него позором. Будто бы Мазепа был любовником жены помещика Фальбовского. Муж узнал об этом от слуг и однажды подстерег Мазепу. Фальбовский приказал усадить Ивана на его собственного коня лицом к хвосту и привязать в таком положении. Затем коня испугали криками и выстрелами, так что он помчался домой через заросли, овраги и реки. Мазепа был так изранен, что его слуги насилу признали хозяина... Вряд ли это правда. Пасек был зол на Мазепу за то, что Иван разоблачил его участие в заговоре. Правда, пажу удалось как-то оправдаться. По этому или по другому поводу Пасек и Мазепа поссорились, да так, что Мазепа обнажил шпагу, а при дворе это было строжайше запрещено и каралось смертью. Правда, король рассудил, что Мазепа поступил так неумышленно.

История, поведенная Пасеком, не оригинальна, подобные сюжеты встречаются в литературе XVI—XVII веков. Но к имени Мазепы эта легенда пристала крепко. Впоследствии многие сочинители, писавшие о Мазепе, пересказывали ее как подлинное событие. Она послужила, в частности, основой сюжета поэмы Байрона «Мазепа» (1819 год). Может быть, авантюрный сюжет оказался сродни характеру Мазепы, к тому же он смолоду был весьма любвеобилен. Кроме того, еще современники в один голос утверждали, что он «чародій». Это качество — умение производить впечатление, внушать доверие — вознесло Мазепу на вершину власти.

В ту пору гетманом Правобережной Украины был Павло Тетеря. Мазепа поступил к нему на службу. Гетманы сменялись часто, и скоро Тетеря был смещен, на его место был избран Петро Дорошенко. Он сразу оценил знания, способности и приятное обхождение молодого шляхтича и назначил его сперва ротмистром надворной службы, а затем генеральным писарем, то есть личным секретарем и главой своей канцелярии.

Во время службы у Дорошенко пан Мазепа женился на богатой вдове Фридкевич. От первого брака у нее был сын Крыштоф, а своих детей Мазепа с нею не нажил.

Гетман Дорошенко вел сложную, тройную игру. Формально оставаясь подданным польского короля, гетман отправил Мазепу с посланием к гетману Левобережной Украины Ивану Самойловичу с уверениями, что желает служить русскому царю. Но уже через несколько месяцев Дорошенко послал Мазепу к турецкому султану — просить помощи у извечного врага православных. А в подарок султану Дорошенко отправил с Мазепой «ясык» — пятнадцать рабов из козаков, захваченных на левой стороне Днепра.

По пути Мазепу с «гостинцами» захватили запорожские козаки. Тогда кошевым атаманом Запорожской Сечи был Иван Сирко, тот самый, что писал со своими козаками знаменитое письмо турецкому султану. На послание Магомета IV: «Повелеваю вам, запорожским козакам, сдатьсь мне добровольно без всякого сопротивления», — был дан ответ в таком духе: «Свиняча ты морда, кобыляча срака, кусача собака, нехрещеный лоб, мать твою... Не будешь ты и свиной христианских пасти. Теперь кончаемо, ибо числа не знаемо, календаря не маемо, а день такой как и у Вас, за что поцелуй в сраку нас!»

Почему атаман Сирко, этот неистовый защитник православных, заклятый враг татар и турок, не отрубил Мазепе голову на месте, как поступал он обычно с пособниками бусурман, — можно объяснить только сверхъестественными причинами. На этот раз атаман отступил от своих правил и отправил Мазепу к гетману Самойловичу. Оттуда его затребовало московское правительство к себе для дальнейшего разбирательства.

Так, не по своей воле, Мазепа впервые попал в Москву, но это путешествие оказалось для него счастливым. Он сумел не только оправдаться, но и понравиться боярину Артамонову Матвееву, руководившему Малороссийским приказом, и московскому воеводе Ромодановскому. Мазепу представили самому царю Алексею Михайловичу. Чары Мазепы опять подействовали: он убедил царя, что Дорошенко расположен к русской державе. Для пушей убедительности он целовал в том образа Спаса и Пресвятой Богородицы. Ну как было не поверить! Мазепе вручили призывные грамоты к Дорошенко и с тем отправили обратно.

Но Мазепа уже не вернулся на правый берег. Он, поляк по воспитанию и образованию, считавший королевский двор в Кракове настоящей Европой, увидел полуазиатскую Москву и, вероятно, понял: вот где настоящая сила, подлинное богатство и крепкая власть!

Гетман Левобережной Украины Иван Самойлович уже знал Мазепу, ценил его ученость и ловкость, а потому охотно взял его домашним учителем для своих сыновей. Мазепа в короткое время стал генеральным есаулом — должность высокая и почетная. Он еще несколько раз ездил в Москву и каждый раз укреплял свои связи в верхах. Уже скончался государь Алексей Михайлович, завершилось краткое царствование его старшего сына Федора Алексеевича, и вот на троне два брата-подростка — Петр и Иван, но правит Россией их сестра Софья Алексеевна. Мазепа быстро вошел в доверие к ее фавориту Василию Голицыну.

Теперь должность генерального есаула сделалась Мазепе не по росту. Он уже метил на место Самойловича. В это время завершился очень неудачный поход русского войска и козаков против крымского хана. Василий Голицын свалил вину на Самойловича, а на того уже была заготовлена челобитная. Как свидетельствует современник, ее составили «обозный, есаул и писарь войсковой». Обозным, вторым человеком после гетмана, был Василий Борковский, есаулом Мазепа, а писарем Василий Кочубей. Они обвиняли гетмана и его сыновей-полковников в разных злоупотреблениях и присвоении войсковых денег. Москва неохотно «сдала» Самойловича — он верно служил России и Украине, причем необычайно долго, пятнадцать лет. Но и смута на Украине была не нужна, а Мазепа считался «своим». По этой челобитной, а вернее сказать — доносу, отрубили голову сыну Самойловича — Григорию (между прочим, ученику Мазепы в бытность его домашним учителем), а остальных Самойловичей отправили в Сибирь. Правдой было только то, что Самойлович действительно воровал и после его низложения были конфискованы огромные богатства. Говорили, что половина гетманских денег и ценностей не поступила ни в московскую казну, ни в войсковую. Зато точно известно,

что Мазепа заплатил Голицыну десять тысяч рублей за свое избрание. Не жалел он денег на пиры и щедрые подношения для войсковых старшин и полковников — из того же источника. Поэтому выборы гетмана на генеральной Раде прошли, как было задумано.

Стоявшие ближе к начальству козаки стали выкрикивать имя Мазепы, майдан подхватил. Прозвучало, правда, еще имя обозного Борковского, но это предложение заглушили крики:

— Мазепа, Мазепа, нехай буде гетман!

25 июля 1687 года Иван Степанович Мазепа получил «клейноты» гетманской власти — булаву и бунчук.

ГЕТЬМАНЩИНА

«Украйна глухо волновалась», — писал Пушкин в «Полтаве». Эти слова можно отнести ко всему полувековому периоду украинской истории, получившему название Гетманщины. Чтобы оценить «неспокойное хозяйство», которое приняла под свою руку Россия в 1654 году, и понять последующие действия гетмана Мазепы, полезно обратиться не только к документам и исследованиям, но и к классической литературе, передающей не столько «букву», сколько «дух». Вот характерный эпизод из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя.

Старый козак Тарас Бульба с сыновьями приехал в Запорожскую Сечь, когда был заключен мир, когда «время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он все придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю. Наконец в один день он пришел к кошевому и сказал ему прямо:

— Что, кошевой, пора погулять запорожцам?».

Кошевой атаман Сечи Запорожской — это высшая выборная должность всего войска, то же, что позднее гетман всей Украины. И вот кошевой атаман объясняет Бульбе, слов-

но оправдывается: «Не имеем права. Если б не клялись еще нашею верою, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, не можно».

«“Постой же ты, чертов кулак! — подумал Бульба про себя, — ты у меня будешь знать!” И положил тут же отомстить кошевому. Сговорившись с тем и с другим, задал он всем попойку, и хмельные казаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые били сбор на раду... Литавры грянули — и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные тучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего боя показались наконец старшины: кошевой с палицей в руке — знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока».

Понятно, что прежний атаман был смещен и выбран новый, более сговорчивый. «А на другой день Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вдоль и поперек запорожцев и сначала сказал: “Не можно клятвы преступить, никак не можно”. А потом, помолчавши, прибавил: “Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберется народ, да не то что по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы со старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Конечно, Гоголь — не историк (хотя и начинал писать «Историю Малороссии», и, может быть, это была бы самая правдивая история Украины, изложенная природным украинцем). Конечно, и Запорожская Сечь — это особая вольница. Конечно, и описываемые события происходили почти за сто лет до гетманства Мазепы. Но поразительно, насколько верно изображена «майданная демократия», методы манипулирования настроениями толпы, своеобразное отношение к священной клятве, к договорам и к законам.

Власть атаманов сменилась властью гетманов. Немецкое слово «Hauptmann» — начальник превратилось в поль-

ское «hetman» — в значении «командующий войском», а на Украине гетман стал верховным правителем всех украинцев, военных и гражданских. Во второй половине XVII века всю Левобережную Украину начали неофициально именовать Гетманщиной. В мягком южном произношении — Гетьманщина. И в этом «геть!» заключалась одна из главных опасностей для власти: старшина, полковники и значные козаки (то есть назначенные или выбранные на командные должности) всегда могли сместить гетмана. Так действовал и Мазепа со старшиною, погубив Самойловича. За тридцать лет после смерти Богдана Хмельницкого и до избрания Мазепы сменилось пять гетманов. И трое из них оказались предателями. Частые измены были продиктованы все тем же недовольством старшины, вечно колебавшейся между Москвой и Польшей.

Ну а крестьяне и прочие «тяглые» люди должны были содержать козачье войско. В период Гетманщины началось активное присвоение земель и закрепощение свободных крестьян старшиной и значными козаками. Эти прежде вольные рыцари Украины становились подобием польской шляхты. В правление Мазепы закрепощение посполитых (крестьян) приняло особенно широкий размах. Сам гетман был, пожалуй, самым крупным крепостником на Украине, да и в России он владел дарованными поместьями с тысячами душ. Мало того что он одаривал маетностями (поместьями) угодных ему старшин и значных, он щедрою рукой отписывал деревеньки и послушным ему православным иерархам, словно католическим «князьям церкви».

Только в Запорожье не знали крепостной неволи. Оттуда часто звучали призывы идти громить Гетманщину. В обличительных листах запорожцы писали: «Мы думали, что после Богдана Хмельницкого народ христианский не будет уже в подданстве; видим, что напротив, теперь бедным людям хуже стало, чем при ляхах было».

В таких условиях у простого люда и рядовых козаков оставалась одна надежда — на русские власти, одна защита — московские воеводы в нескольких городах и крепостях Украины. И хотя гарнизоны содержались, а крепости строились на счет царской казны, старшина решительно проти-

вилась размещению российских войск и возведению укреплений на Украине, так как привыкла творить произвол без стеснения. На Раде в Глухове в 1668 году, в ответ на очередные просьбы о выводе воевод из украинских городов, московский боярин Григорий Ромодановский прямо спросил:

— Какую вы дадите поруку в том, что измены никакой не будет?

Козаки молчали, и он продолжал:

— И прежде были договоры, перед святым Евангелием душами своими их крепили, и что ж? Соблюди их Ивашка Выговский, Юраська Хмельницкий, Ивашка Брюховецкий? Вы беретесь все города оборонять своими людьми, но это дело несбыточное. Сперва отберите от Дорошенки Полтаву, Миргород и другие; а если бы в остальных городах царских людей не было, то и они были бы за Дорошенком.

В словах Ромодановского была горькая правда не только об изменах, но и о неспособности козачьего войска защищать Украину. Бывали прежде удачные походы и славные победы, но теперь козачьи полки воевали успешно только в составе регулярных войск. Дошло до того, что и в мирное время для охраны границ гетманы принуждены были набирать охотничьи (наемные) полки, а деньги на их содержание выпрашивали у Москвы. Приходилось напоминать, что «всякие доходы в Малороссии за гетманом, старшиною и полковниками, и бить еще челом о деньгах стыдно». Позднее и Петр I подтверждал: «...ни единого пенезя в казну нашу во всем малороссийском краю с них брать мы не повелеваем».

Гетманщина как форма правления сохранила архаические черты военной демократии, вечевой республики, давно изжитые повсюду. Военная демократия средневекового образца годилась для племенного союза или княжества, но не для формирующейся нации, обширной автономии в составе империи. Однако старшина и значное козачество упорно цеплялись за свои «вольности», которые были не правами, а привилегиями олигархов. Гетманщина уже давно нуждалась в реформировании — и в военной области, и в гражданской жизни, но гетманы даже не ставили перед собой таких задач, все помыслы и силы были направлены на сохранение

власти. А попытки Москвы что-то изменить встречали явное или скрытое сопротивление старшины — этого «козачьего панства».

...Принимая от генеральной Рады гетманские «клеюты» — булаву и бундук, — Иван Степанович Мазепа понимал все опасности, которые постоянно угрожают его власти.

Особенности национальной политики

Мазепа начал с того, что одарил своих сообщников по свержению Самойловича и тех, кто поддерживал его кандидатуру на выборах. Среди последних получили обширные маестности новоизбранный генеральный есаул Войце Сербин и переяславский полковник Дмитрашко Райча.

Одновременно Мазепа повел борьбу с бывшими соратниками и приверженцами Самойловича, привлекая к расправе московские власти. Он отправил в отставку полковников Леонтия Полуботка и Михайлу Галицкого, но посчитал, что этого недостаточно, и послал на них доносы, будто Галицкий распространяет про него «плевосеятельные слова», а Полуботок переписывается с крымским ханом. Чернил Мазепа и князя Юрия Четвертинского, жениха дочери Самойловича. Доносил Мазепа и на митрополита Гедеона, уверяя, что он человек злобный, мстительный и следует опасаться его тайных и явных происков. Так Мазепа топил «бывших», а заодно готовил Москву к возможным челобитным на него самого, попросту опередив доносителей.

Вскоре пришел черед взяться и за собственных друзей. Они представляли опасность, потому что на опыте убедились, как это, в сущности, нетрудно — свергнуть одного гетмана и выбрать другого. Мазепа для видимости продолжал оказывать милости генеральному есаулу Сербину и полковнику Райче, а между тем послал на них лживые доносы. В результате Райчу затребовали в Москву для дальнейшего разбирательства. Но в этом случае, возможно, у Мазепы был и сугубо личный расчет: Райча жаловался, что Мазепа специально удалил его, чтобы «делать стеснения» его жене.

Кто сеет ветер — пожнет бурю: появился первый донос и на самого Мазепу. В нем говорилось, что гетман тайно сговаривается с поляками, потихоньку скупает маестности в Польше. Впоследствии доносы на гетмана только множились, в них появились новые обвинения: что Мазепа продавал в рабство своих единоверцев, что раздаст земли, должности и богатства из войсковой казны кому захочет и сколько пожелает... По большей части это было правдой, но московские власти верили Мазепе и отправляли доносчиков к нему же на расправу. А если донос был анонимным, то Мазепа старался изобразить дело как заговор и приплести к нему своих недобитых врагов. «Подозреваю Михайла Васильевича Галицкого, — докладывал Мазепа в Москву по поводу подметного письма, — природа у него такая, что влечет к тому, чтобы другим делать зло и в людях посеять смуту... вместе с Михайлом участниками были Дмитрашко Райча и Полуботок... Вот еще этот князь Юрий Четвертинский, пьяница, рассеивает в народе худые слухи на мой счет». Интриги Мазепы достигли цели: после неустанных наветов на Галицкого тот был подвергнут жестоким пыткам и сослан в Сибирь. Леонтий Полуботок сам бежал в Россию, чтобы там оправдаться, но ничего не добился и был сначала сослан в свое имение, а затем заключен под стражу вместе с сыном Павлом.

В марте 1689 года русские войска под командованием Василия Голицына выступили в поход на Крым. Поход мыслился как удар по Турции, потому что Крымское ханство было турецким вассалом. На Украине к Голицыну присоединился Мазепа с козачьими полками. Поход был очень тяжелым из-за недостатка воды и бескормицы, окончился он, как и предыдущий, скорее поражением, чем просто ничем. Но Голицын убедил правительницу Софью Алексеевну, что над неприятелем одержаны блистательные победы. На участников похода посыпались награды. Слабоумного царя Ивана нетрудно было обмануть, но юный Петр не захотел участвовать в этой комедии и укатил в Преображенское. Назревала гроза. Тут Петру сообщили, что стрельцы — сторонники Софьи замышляют убить его и мать, царицу Наталью Кирилловну. Петр бежал в Троице-Сергиеву лавру. Там образова-

лась как бы вторая столица. Бояре, патриарх, служилые люди постепенно переходили на сторону Петра.

В этот самый неподходящий момент в Москву прибыл гетман Мазепа со старшиной, полковниками и огромной свитой — больше трехсот человек. Мазепа любил приезжать в столицу с «сопровождающими лицами». Так он демонстрировал Москве свою власть и влияние в Малороссии; так он оказывал уважение своему окружению и одновременно показывал старшине, что в столице он всех знает и с ним считаются... На этот раз Мазепа дал маху — начал расхваливать подвиги Голицына:

— Никогда еще не бывало бусурманам такого страха, как от князя Василя Васильевича, ближнего боярина!

Гостей с Украины тоже наградили, поселили в Посольском дворе — и забыли на месяц. Только тут гости узнали, что происходят грандиозные события. Правительница Софья Алексеевна по требованию Петра выдала ему стрельцов-заговорщиков, а ее фаворит Голицын приехал к Петру сам, но не был допущен к царю, а сразу отправлен в ссылку. Мазепа ждал беды и на свою голову, старшины за его спиной уже сговаривались, кого избрать новым гетманом... Наконец Петр позвал посольство в лавру, и 10 сентября 1689 года Мазепа предстал перед молодым Петром.

Украинцам сразу дали понять, что гетман и его войско верно исполняли свой долг, а в преступлениях московских начальников они не повинны. Мазепа приободрился. Он начал с жалоб на трудности своего сана, упомянул о преклонных годах и о якобы нездоровье. Потом он заговорил увереннее и обещал служить царю верой и правдой до последней капли крови. Был у Мазепы и туз в рукаве: он поднес заготовленную челобитную, в которой «сдавал» своего поверженного благодетеля. Мазепа писал, что Голицын вымогал у него деньги и подарки — из конфискованного у Самойловича и из собственного «именьишка». Далее перечислялось: 11 тысяч рублей червонцами и ефимками, серебряной посуды более трех пуд, драгоценностей на 5 тысяч рублей, три коня турецких с убором... «Чародій» опять сумел выйти сухим из воды.

Моя хата с краю...

Около десяти лет, до начала Северной войны, Мазепа спокойно правил Украиной. Его ценили в Москве, он ладил со старшиной. Недовольство шло только из низов, но кто их слушал? Он своими силами справлялся с внутренними смутами и отбивал набеги татар. А если собственных сил не хватало, звал на помощь русских. После позорного крымского похода Мазепа редко сам водил войска, а назначал одного из полковников наказным гетманом с полномочиями командующего.

С Польшей у России был заключен мир, правда, охотники нарушить его с польской стороны находились. Мазепе предлагали вступить в переговоры, но гетман пока отказывался и даже выдавал посланцев русским властям.

Как человек образованный, Мазепа покровительствовал Киево-Могилянской академии, выстроил учебный корпус, присылал книги для библиотеки. Он построил и украсил две или три церкви за свой счет и еще примерно столько же перестроил из казенных средств — все в стиле барокко. Часто навещал он Печерский Вознесенский женский монастырь в Киеве, в который постриглась, овдовев, его мать — Мария-Магдалина Мазепа. После избрания сына гетманом она стала игуменьей.

Положение Мазепы сильно упрочилось после участия козаков в Азовской кампании. Командовал козачьими полками черниговский полковник Лизогуб, назначенный наказным гетманом, а сам Мазепа с небольшим отрядом в составе войска Шереметьева стоял табором на реке Берестовой, не подпуская к Азову подкреплений неприятеля. 17 июля 1796 года крепость Азов была взята, Россия закрепилась на берегу Черного моря. На обратном пути Петр I встретился с Мазепой, наградил и щедро одарил гетмана и его полковников.

Впоследствии в заграничных сочинениях появилась версия о личной обиде, будто бы нанесенной Петром Мазепе, она отразилась и в пушкинской «Полтаве»:

...Под Азовом

Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал...
Я слово смелое сказал.
...Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил...

Но Мазепа, как мы знаем, не был с Петром под Азовом. Он никогда не отважился «слово смелое сказать» царю. И он был обласкан Петром, а не оскорблен. Немного позднее, в 1700 году, Мазепа стал одним из первых кавалеров ордена Андрея Первозванного, высшей награды империи. Легенда об усах Мазепы имеет, вероятно, более древнее происхождение: оскорбление усов и чуба издревле считалось величайшим унижением для запорожского козака. Известно, например, что Богдан Хмельницкий потребовал от поляков остриженный ус своего заклятого врага.

Положение на Украине стало меняться с началом Северной войны. Над Европой взошла звезда шведского короля Карла XII. Он был непобедимым полководцем, кумиром, новым викингом. Славу Карла затмил через столетие только Наполеон. Молодой русский царь, заняв часть побережья Балтики и основав там Санкт-Петербург, бросил вызов самому грозному противнику XVIII века.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Украина оказалась перекрестком движения российских войск. С этого времени к гетману постоянно поступали жалобы от полковников и старшины на притеснения, чинимые русскими военными. Не в оправдание, а для понимания таких случаев надо заметить: у русских военных был приказ,

и если для его выполнения требовались лошади, волы, фураж, их реквизировали. Но незаконные грабежи и насилия жестоко наказывались, мародеров казнили. (Справедливости ради надо заметить, что козаки в своих походах частенько грабили россиян, и совершенно безнаказанно).

По приказу Петра гетман Мазепа отправлял полки и отряды козаков далеко от дома — то на северо-запад России, то в Саксонию, то в Польшу. Козаки были недовольны обращением с ними российских офицеров и отношением местного населения. Правда, участвуя в боевых действиях с союзными польскими войсками, козаки претерпели куда больше. Полковник Мирович доносил: «Поляки бесчестят наших людей, хлопами и свинопасами называют, плашмя саблями бьют, заспоривши за какую-нибудь связку сена или за поросенка», — видно, козаки Мировича в Польше пошаливали. А полк Апостола своевольничал в Саксонии. К зиме Мирович и Апостол воротились домой, жалуясь на холод и голод. Царь хотел их повесить за самовольный уход со службы, но гетман выпросил для них прощение. Кроме того, в самой Украине козаков привлекали к строительству укреплений, рытью рвов, насыпке валов. Начальство требовало с них как с простых мужиков, а козакам это не нравилось, иногда они бросали работу и расходились по домам.

В общем, настроение было такое: это не наша война, нехай москали сами воюют. Мазепа прекрасно понимал обстановку и поддерживал недовольство полковников и старшины.

— Какого ж нам добра вперед надеяться за наши верные службы? — говорил он. — Другой бы на моем месте не был таким дураком, что по сие время не приклонился к противной стороне...

В то же время Петру он писал совсем иное: «Наш народ глуп и непостоянен, он как раз прельстится... Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу, пусть изволит, не отлагая, прислать на Украину доброе войско солдат, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве».

Война растянулась надолго. После неудачи под Нарвой Петр избегал генерального сражения. Его союзники — датча-

не, саксонцы и поляки — были и слабы, и ненадежны. Карл, напротив, казался непобедимым, и немногие могли предугадать его будущее:

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.

Мазепа, как и многие, считал, что победа будет за шведами, и начал осторожные переговоры. Через иезуита Зеленского и графиню Дольскую он наводил мосты, пока не давая никаких обещаний.

Любовь и ненависть

«**Б**огат и славен Кочубей» — так начинается «Полтава», так с первых строк разворачивается трагедия этой семьи. Василий Леонтьевич Кочубей, потомок крымского бея, приехавшего на Украину в XVI веке, был примерно одного возраста с Мазепой. Их «послужные списки» тоже весьма схожи. Кочубей воевал, выполнял дипломатические поручения, служил у Дорошенко, затем перешел в Самойловичу, участвовал в его свержении. Женился на полковничьей дочери и при новом гетмане достиг чина генерального писаря, а позднее был избран генеральным судьей.

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни
Как солью, хлебом и елеем,
Делились чувствами они.

А затем и породнились: племянник гетмана — Обидовский женился на старшей дочери Кочубея — Анне, а младшей Кочубеевне — Матрене — Мазепа был крестным отцом. На Украине, надо заметить, кумовство почитается как духовное родство, крестные родители опекают крестников, пока они не встанут на ноги, а потом крестники должны заботиться о крестовых родителях.

В 1702 году Мазепа похоронил жену и вдовел два года. В ту пору ему было за шестьдесят, а Матрене Кочубей — шестнадцать (в «Полтаве» героиня зовется Марией). Есть много толкований их взаимоотношений, Пушкин изложил свою, романтическую историю любви Марии и Мазепы. Если же придерживаться документов, дело обстояло примерно так. На глазах Мазепы росла и хорошела прелестная девушка. Конечно, он стар, но —

...чувства в нем кипят и вновь
Мазепа ведает любовь.

«Чародій» пустил в ход приемы польской галантности, оказывал крестнице знаки внимания, говорил ей «Ваша Милость» и «разлюбезная Мотронько». Вероятно, Матрене еще не приходилось слышать изысканных речей, столь сладостных для девичьего ушка, да еще от такого величавого господина. Наверняка возникло ответное чувство, иначе Мазепа не решился бы просить у Кочубея руки его дочери. Но родители решительно воспротивились этому предложению. Официальная причина отказа была в церковном запрете на браки между крестным отцом и крестницей. Однако такой опытный человек, как Мазепа, не заслал бы сватов, если бы не рассчитывал, что церковные власти снимут для него запрет (в особых случаях такие исключения делались для высокопоставленных персон). Думается, главная причина отказа была другая. Скорее всего, Кочубеи прекрасно сознавали, кто такой Мазепа и в какую пропасть он может всех завести:

Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

После неудавшегося сватовства Матрене пришлось выслушать от родителей немало горьких попреков, ее с тех пор не выпускали из дома. Но Мазепа и не думал отступать. Он при-

сылал своего слугу Демьяна к дому Кочубеев, и через пролом в ограде посланец гетмана переговаривался с Матреной. Затем Мазепа и сам приходил на свидания. К чему он склонял девушку, не известно, но кончилось тем, что Матрена бежала к гетману. Возможно, этот безрассудный шаг не планировался заранее, а был следствием тягостного положения девушки в семье. А может быть, Мазепа рассчитывал, что теперь родители смирятся с выбором самой дочери. Но Кочубеи, обнаружив бегство Матрены, ударили в набат — в буквальном смысле слова. То есть вынесли свое горе на людской и Божий суд. А со стороны ситуация выглядела очень некрасиво: старик Мазепа похитил у родителей юницу-дочь. Гетман понимал, что этого ему не простят, и, по здравому размышлению, отослал Матрену в родительский дом. Сколько времени она провела в покоях Мазепы и как далеко зашли их отношения, доподлинно не известно. Но некоторые строки из писем Мазепы к Матрене (их передавали слуга Мазепы Карп и служанка Кочубеев Малашка) дышат более чем нежностью: «Мое серденько», «Моя сердечно кохана», «целую все члонки тельца твоего беленького», «Помни слова свои, под клятвою мне данные, в тот час, когда выходила ты из моих покоев...» Из писем Мазепы видно, что Матрена сердится за то, что гетман отослал ее домой, что родители ее ругают (Мазепа негодует и называет ее мать «катувкой» — палачихой, советует в крайнем случае уйти в монастырь). Но какой-то план действий у Мазепы был заготовлен, и об этом он напоминает возлюбленной: «Я с великою сердечною тоскою жду от Вашей Милости известия, а в каком деле, сама хорошо знаешь». Что задумал неугомонный старик?..

Кочубею Мазепа писал надменно и даже оскорбительно: «А что поминаешь в своем пасквильном письме о каком-то блюде, того я не знаю и не разумею». Он упрекал Кочубея в каких-то прежних проступках и вдобавок обвинял судьбу в том, что он находится под влиянием жены-злодейки. (Характеристика Веры Федоровны Кочубей как домашнего деспота попала в труды историков только со слов Мазепы, но можно ли ему верить? Известно, что прежде он весьма ценил Веру Федоровну и вел с ней доверительные беседы. Возникшая взаимная ненависть Веры Федоровны и Мазепы наводит

на подозрение: а не подкатывался ли к ней гетман в свое время? Тогда гнев обманутой женщины и оскорбленной матери становится более понятным.) В душе Матрены в это время обида на Мазепу боролась с любовью к нему. Гетман замечал это охлаждение: «Вижу, что Ваша Милость совсем изменилась своею любовью прежнюю ко мне. Как знаешь, воля твоя, делай что хочешь! Будешь потом жалеть...» Разумеется, и в этой перемене Мазепа винил Кочубеев, а он был не из тех, кто умеет прощать: «...больше не буду терпеть от врагов своих, сумею отомстить, а как, сама увидишь», — писал он в последнем послании к Матрене.

В конце концов общая обида Кочубеев вновь сплотила семью. Ослабели чары Мазепы, прошла и любовь Матрены. Утихла справедливая ярость родителей. Осталась только боль. Та боль, которую одна месть способна утишить.

Трагедия Кочубея

Наружно страсти улеглись. Через два года к Матрене посватался молодой шляхтич Чуйкевич, и Кочубей, по обычаю, обратился за советом к куму. Мазепа ответил, что готов благословить брак крестницы, но рекомендовал судье не торопиться: в скором времени мы подыщем ей знатного пана, пообещал он. Эти слова окончательно убедили Кочубея, что Мазепа готовит измену. Дальнейшие действия Кочубея невозможно объяснить исключительно жадной мести. Как показал под следствием поп Святайло, «Кочубей зело плакал и говорил, что из-за измены гетманской быть Украине под ляхами».

В 1707 году Кочубей отправил в Москву попа Святайлу, затем монаха Никанора с устными предостережениями: «Гетман Иван Степанович Мазепа хочет великому государю изменить и Московскому государству учинить пакость великую». Делу хода не дали, только взяли Кочубея на заметку как «злосеятеля». Видя, что проку от таких посланцев мало, Кочубей отправил своего друга, бывшего полковника Искру,

к российскому полковнику Федору Осипову с сообщением о готовящейся измене. Просили Осипова передать эти сведения на самый верх, дабы друзья Мазепы не предупредили гетмана.

Но Мазепа все равно об этом проведал, написал Петру, что его снова оклеветали.

«И кто же? Искра, Кочубей,
Так долго был его друзьями!...»
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей...

Гетман попытался сам схватить Кочубея и Искру, но те успели сдаться полковнику Осипову, и таким образом их «дело» рассматривали царевы люди в Витебске. Кроме Кочубея и Искры под следствием находились поп Святайло, монах Никанор, еще один гонец — выкрест Петр Яценко, сотник Кованько и еще несколько человек, оказавшихся в курсе дела. Полковник Осипов был вне подозрений и выступал как свидетель.

Дознание вели канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиров. Они не были «запечных дел мастерами», занимались преимущественно дипломатией, но следствие вели, как положено. Сначала сняли показания с Кочубея. Генеральный судья Украины выдвинул против Мазепы обвинения по 33 пунктам. Все они были правдой, а если в чем-то и не соответствовали действительности, то это было искренним заблуждением Кочубея. Главное, он сообщал о переговорах Мазепы с неприятелем и даже называл связных — иезуита Зеленского и графиню Дольскую. Кроме того, Кочубей сообщал, что гетман окружил себя поляками, что держит для своей охраны 300 сердюков — наемников из иностранцев, что препятствует бракам и другим родственным отношениям украинцев с русскими; что укрепления городов пришли в упадок и не обновляются; что гетман отбирает маестности у семей заслуженных полковников и забирает их себе или дарит своим близким, в частности, села покойного полков-

ника Солонины передал своей матери, игуменье Магдалине; что самовольно распоряжается войсковою казною, «берет из нее сколько хочет и дарит кому и сколько хочет». Значительная часть обвинений содержала высказывания Мазепы в присутствии разных лиц, в которых открыто или иносказательно говорилось о намерении изменить. К сожалению, почти все пункты не подкреплялись доказательствами. Правда, Кочубей предъявил стихотворное сочинение Мазепы — «Думу», в которой автор сетовал на разобшенность украинцев, на то, что они служат то «поганым», то ляхам, то Москве, а в завершение писал:

Самопалы заряжайте,
Остры сабли вынимайте,
Хоть за веру вы умрете
И свободу сбережете! —

но смысл этого призыва представлялся неопределенным.

Роковую роль в «деле Кочубея» сыграл 14-й пункт обвинений. Кочубей свидетельствовал: Мазепа в своей гетманской столице Батурине узнал, что к нему едет государь. Мазепа заподозрил, что царь хочет его захватить и увезти в Москву, поэтому собрал своих сердюков для обороны.

Головкин и Шафиров сверили обвинения Кочубея с показаниями Искры и других «фигурантов». В проклятом 14 пункте обнаружилось расхождение. Искра, рассказывая о батуринском эпизоде полковнику Осипову, малость сгустил краски. По его словам выходило, что Мазепа намеревался захватить Петра и выдать шведам либо убить. На очной ставке Кочубей и Искра стояли на своем, потому что изменить показания означало признаться в клевете, тем более что речь шла о покушении на государя! Такое существенное расхождение в показаниях давало следователям законное основание применить пытку.

Однако решающим обстоятельством в этом деле явилось доверие Петра к Мазепе. Царь писал следователям о доносителях: «...чаю в сем деле великому их быть воровству и неприятельской подсылки». Судьбы Кочубея и Искры были предрешены. К ним применили пытку — секли кну-

том, а кнут палача рассекал кожу и мясо до костей. Искра отрекся от своих слов еще до бичевания, но ему все-таки дали десять ударов. Кочубей понял, что его дело проиграно, и попытался хотя бы спасти семью от полного разорения. Он написал признание, что «чинил донос на него, на гетмана, за домовую свою злобу, о которой, чаю, известно многим». И перед подписью своею вывел: «...погубитель дому и детей своих». Ему дали пять ударов, минимальное количество, но и это едва не погубило 68-летнего судью. Бичевали также попа Святайлу и сотника Кованько. Когда их сняли с дыбы и положили на рогожи (чтобы кровь не пачкала пол), сотник сказал попу:

— Отче Иване! Яка московская плеть сладкая. Купить бы жинкам в гостинец.

— А чтоб тебя! — простонал поп. — Мало разве тебе спину исписали?

По царскому указу Кочубея и Искру приговорили к смерти и выдали гетману для показательной казни. Перед казнью Мазепа приказал еще раз пытаться Кочубея, чтобы тот выдал, где спрятаны его деньги и ценное имущество. Кочубея жгли каленым железом всю ночь перед казнью, и он рассказал, где спрятаны деньги и кто ему должен. Эти «кровавые деньги» поступили в сокровищницу гетмана. 14 июля 1708 года безвинным страдальцам отрубили головы.

Мазепа тогда натерпелся страху, но в результате почувствовал себя даже увереннее, чем прежде. Он расправился с опаснейшими врагами, а царь еще раз доказал свою приязнь: «...клеветникам на тебя, ложно наветующим, никакая вера не дается».

Оставались считанные месяцы до измены Мазепы — Петру, России, Украине и украинцам.

...Обезглавленные тела Кочубея и Искры были переданы родственникам и погребены в Киево-Печерской лавре. Впоследствии на гробовом камне высекли надпись:

Поскольку нам смерть повелела молчати,
Сей камень о нас должен людям вешати:
За верность к Монарху и преданность нашу
Страданья и смерти испили мы чашу...

Хроники предательства

В 1708 году Карл XII начал наступление на Россию. До этого он добился больших успехов в Европе: занял часть Польши, включая Варшаву, а в Германии захватил Саксонию. Курфюрст Саксонии и одновременно король Польши Август лишился польской короны и заключил со шведами мир. Карл посадил на польский трон своего ставленника Станислава Лещинского. Отказалась от продолжения борьбы со шведами и Дания. Россия осталась один на один с грозным врагом. Положение России казалось молодому царю настолько тяжелым, что он подписывался — «печали исполненный Петр».

Польша и Швеция все настойчивее склоняли Мазепу на свою сторону. Гетман считал, что Россия скоро падет, начнется «передел собственности». Без хозяина Украина, конечно, не останется, опять отойдет к Польше. Но на первых порах польское правление будет довольно мягким, а потом... Да сколько ему осталось-то, Мазепе? Лишь бы при власти!

Гетманы всегда предавали Россию в самый трудный момент. При этом и речи не шло о «нэзале́жности» и «самостийности», а только о смене подданства и о временных выгодах для гетмана и его окружения. Но теперь Мазепа еще выжидал и ограничивался скрытым саботажем. Час открытой измены еще не пришел. Хотя поляки и шведы торопили, требовали от гетмана определенности. Графиня Дольская присылала зашифрованные письма. Она призывала Мазепу «начинать преднамеренное дело», обещала, что скоро ему будут присланы предложения короля Станислава Лещинского и гарантии короля Карла XII. Мазепа медлил.

В это время русские войска в битве при деревне Лесная разгромили шведский корпус генерала Левенгаупта. Это была первая и очень важная победа русского оружия в Северной войне. Карл XII отказался от похода прямо на Москву и повернул на Украину, рассчитывая в том числе на помощь Мазепы. Теперь гетман уже не мог только выжидать, надо было выступить на той или другой стороне. Однако непо-

средственно подтолкнули Мазепу к действиям обстоятельства, можно сказать, эмоционального порядка.

Мазепа давно видел соперника в царском любимце князе Александре Даниловиче Меншикове. Когда-то Мазепа сватал своего племянника Войнаровского за сестру Меншикова, и князь его обнадежил, а потом отказал. Мазепа этого не забыл. И вот Петр приказал Мазепе с козаками в случае необходимости повиноваться распоряжениям Меншикова. Гетман воспринял это как прямое оскорбление:

— Не жалостно было бы, если б меня отдали под команду Шереметева или иного какого-нибудь великоименитого или от предков заслуженного человека!

Малороссийский снобизм Мазепы не отличался от великорусского барства — Меншикову вечно напоминали, как он мальчишкой пирогами торговал. А тут еще на обеде в Киеве Александр Данилович, будучи «маленько шумен и силен» (в подпитии, значит), указал на старшин и сказал Мазепе:

— Пора приниматься за врагов!

Мазепа возразил:

— Опасно, не окончив одной войны с неприятелем, начинать другую, внутреннюю.

Потом Мазепа растолковал старшинам:

— Вот всегда мне ту песенку поют. Не допусти им токмо, Боже, исполнить то, что думают!

Хотя ничего нового в речи Меншикова не содержалось — Петр I давно желал переустроить Гетманщину, и сам Мазепа был не прочь, но при условии, чтобы оставаться у власти. Но сейчас Мазепе требовалось соучастие старшины, и он умело раздувал ее опасения и недовольство. И не только их — он везде искал союзников:

Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Страшают буйную ватагу
Самодержавием Петра.

А тут еще пришла очередная шифровка от графини Дольской, в которой она сообщала, что Меншиков «яму под ним роет и хочет, отставя его, сам в Украине быть гетманом». Большого удара для Мазепы и выдумать было нельзя. Гетман решился.

Первым, кого Мазепа вовлек в заговор, был генеральный писарь Пилип (Филипп) Орлик. Он давно и верно служил гетману, выполнял все его приказы, даже самые жестокие. Это Орлик пытал несчастного Кочубея. Однако приказа изменить не бывает. Не без колебаний Орлик примкнул к гетману. Мазепа заставил Орлика присягнуть на распятии и Евангелии в верности его замыслам. А затем присягнул и сам. Если задуматься, в чем они божились? Поразительно — они клялись в предательстве. Затем этот кошунственный ритуал совершили и примкнувшие к Мазепе старшины — обозный Ломиковский, полковники Горленко, Апостол и Зеленский. Мазепа сумел повернуть разговор так, что сами заговорщики просили его отправить гонца к шведскому королю. В окончательном виде договор Мазепы с Карлом XII и Станиславом Лешинским был таков: гетман просил шведского короля вступить на Украину и освободить ее от московской тирании; обязывался подготовить для шведов зимние квартиры в нескольких укрепленных городах; доставлять шведскому войску провиант; обещал привести под его знамена 20 000 козаков, а кроме того, склонить к союзу со шведами донских казаков и калмыцкого хана Аюку.

Был еще заключен отдельный, секретный договор со Станиславом Лешинским. Мазепа отдавал всю гетманскую Украину под власть Речи Посполитой (союза Польши и Литвы); Мазепе за это были обещаны во владение воеводства Полоцкое и Витебское и княжеский титул (то есть по европейским меркам он становился герцогом, подобно Курляндскому и другим). Разумеется, содержание этого «секретного протокола» Мазепа не сообщил своим сторонникам. Он прекрасно знал, что украинцы по своей воле не пойдут под власть поляков. Наоборот, Мазепа убеждал заговорщиков, что хочет вернуть Украине «вольности, от которой москали оставили только тень».

Чем ближе в развязке, тем больший страх переживал Мазепа. Для русских он уже давно прикидывался больным, а теперь, заключив предательский договор, стал уверять, что чуть ли не при смерти. На совещание к Меншикову вместо себя он отправил племянника Войнаровского. 23 октября 1708 года Войнаровский тайком вернулся и сообщил Мазепе, что Меншиков сам едет к гетману и назавтра будет здесь. Войнаровский будто бы подслушал разговор двух русских офицеров: «Помилуй, Господи, этих людей! Завтра они будут в кандалах». Это известие не считал достоверным даже Орлик, полагая, что «Мазепа научил его (Войнаровского) так говорить, чтоб нас всех обольщать». Скорее всего, Мазепа так боялся разоблачения, что у него попросту сдали нервы. Он «порвался как вихорь» и поспешил в свой Батурин. Там он прихватил часть своей казны, наскоро организовал оборону и бежал дальше. 25 октября Мазепа переправился через Десну, с ним было не больше пяти тысяч козаков. Только здесь они узнали, что гетман ведет их не против шведов, а против русских. Мазепа обратился к своему отряду с речью, содержание которой излишне пересказывать. Козаки выслушали речь гетмана молча, размышляя про себя: продолжить ли с ним гибельный путь или дать тягу при первом удобном случае... В тот же день Мазепа был уже в расположении шведских войск. Измена свершилась. Через три дня Мазепа привел свой отряд к присяге. По разным сведениям под его началом оставалось от нескольких сот до полутора тысяч козаков.

Краh

План Мазепы и надежды Карла XII начали рушиться с самого начала. Сколько-нибудь значительного перехода козаков на сторону противника не произошло и впредь не ожидалось.

Петр был, конечно, потрясен предательством Мазепы. Но быстро предпринял решительные меры. Он разослал во все полки, города и крепости манифест об измене «иуды Мазе-

пы»: «Известно нам, великому государю, учинилось, что гетман Мазепа, забыв страх Божий и крестное к нам целованье, изменил и переехал к неприятелю нашему... дабы малороссийскую землю поработить». Царь обещал амнистию и сохранение чинов и маестностей всем, кто оставит изменника и вернется к прежней службе. Наконец, он заявлял о верности украинцев союзу с Россией и запрещал попрекать их предательством Мазепы. Затем Петр I созвал старшину, полковников и значных козаков в город Глухов для избрания вольными голосами нового гетмана.

В то же время и Мазепа рассылал свои «универсалы», но они никого больше не соблазнили. Напротив, из всех полков и городов стали поступать челобитные царю о преданности козаков и простых украинцев, притом даже из мест, не занятых русскими войсками. То есть эти изъявления преданности никак нельзя считать вынужденными.

Только часть запорожцев-сечевиков соблазнились предложениями Мазепы и шведов. Три тысячи козаков во главе с атаманом Костей Гордиенко явились в шведский лагерь. Они сразу поразили союзников своим буйством. Мазепа пригласил запорожцев в свой шатер на обед. Сечевики перепились и начали тащить со стола серебряную посуду. А когда кто-то сделал им замечание, его тотчас зарезали. Впрочем, это были отчаянные рубаки. Те, кто уцелел, остались с Мазепой до конца.

А Меншиков уже давно был под Батурином — он приехал, еще не зная об измене, его должен был ждать «мнимый больной», а встретил Александр Данилыч запертые ворота замка с вооруженными сердюками под командованием атамана Чечеля. Батурин надо было брать немедленно — там Мазепа собрал провиант, артиллерию и боеприпасы для шведов и своего мятежного войска. К тому же Карл XII с Мазепой также спешно двигались к Батурину. Часть жителей покинула город, жены и домочадцы некоторых полковников вернулись из осажденного Батурина в свои поместья и даже с обозами, но некоторых горожан сердюки загнали в крепость и подожгли посады. Атаман Чечель просил у Меншикова три дня на сдачу, но это была явная уловка. Штурм начался, и 31 октяб-

ря Батури́н был взят, почти все начальники сердюков попали в плен.

5 ноября в Глухове состоялось символическое отрешение Мазепы от должности — с куклы, изображавшей Мазепу, была снята кавалерия — андреевская лента, затем муляж был повешен (такие политические спектакли уже разыгрывались во Франции и в Англии). А на другой день новым гетманом Украины был избран стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский. После принятия присяги новым гетманом киевский митрополит с другими иерархами предали Мазепу анафеме — церковному проклятию.

Со школьных лет остается такое воспоминание, что измена Мазепы совершилась чуть ли не на поле Полтавской битвы. Может быть, оттого, что эти два события совмещены и в пушкинской «Полтаве». На самом деле между бегством Мазепы в лагерь шведов и Полтавским сражением прошло восемь месяцев. В том числе исключительно холодная для Украины зима 1708—1709 годов. От трех до четырех тысяч шведов погибли только от холода, еще множество получили увечья от обморожения. С первых шагов шведских войск по украинской земле население оказывало им сопротивление. В основном жители разбегались при приближении шведов, уводя скот и пряча добро. Нередки были и нападения крестьян и горожан на обозы и небольшие отряды шведов. Мазепе нелегко было оправдываться перед Карлом. Кажется, оба начинали понимать, что ошиблись — как друг в друге, так и в своих стратегических расчетах. А главное, Мазепа переоценил самого себя, если он и вправду думал:

Петру я послан в наказанье;
Я терн в листах его венца...

Мазепа решил «отыграть назад»: он послал к царю полковника Апостола с предложением ни много ни мало предать в его руки шведского короля с генералами, а взамен просил полного прощения и возвращения прежнего гетманского достоинства. Предложение было такое смелое, что Петр не сразу поверил Апостолу. Посовещавшись с министрами, царь

послал свое согласие, но только в случае, если Мазепа сумеет «добыть главнейшую особу». Думается, со стороны Мазепы это был блеф — сил для пленения Карла не было. Петр наверняка это понимал. Очередная авантюра Мазепы окончилась ничем, но веры к нему теперь не стало и у ближайших соратников. Полковник Апостол и многие его товарищи вернулись под царскую руку.

Во время Полтавской битвы Мазепа находился в обозе — по болезни, притворной или настоящей, теперь уже не скажет никто. Сколько верных ему козаков сражалось на стороне шведов, точно не известно. Карл XII, считавший себя чуть ли не богом, по преданию, накануне битвы верхом подъехал к русским постам. У костра сидели козаки. Карл из какого-то молодечества выстрелил по ним из пистолета, козаки открыли ответный огонь и ранили короля в ногу. На другой день его вынесли на поле битвы на носилках.

Пушкинское описание Полтавской битвы не просто лучшее в русской поэзии. Пушкин задолго до историков показал, что в этой битве решался исход Северной войны, да и всех петровских «славных дел». И сам царь в поэме под стать мифическому герою-демиургу:

Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.

Прекрасный и ужасный одновременно — в этом весь Петр! И вот два полубога сошлись в решающей схватке — один верящий только в свою счастливую судьбу, другой — в судьбу Отчизны.

Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Из этого пекла одним суждено было выйти на авансцену мировой истории, другим с нее сойти...

Потом было бегство Мазепы с Карлом и остатками его войска. Старик даже опередил короля, первым переправившись через Днепр. Он знал, что для Карла даже плен будет почетным, а вот его ждет позорная казнь... Беглецы перевели дух, только оказавшись в Бендерах, во владениях турецкого султана.

Петр I очень хотел заполучить Мазепу и предложил туркам большие деньги за его выдачу. Но Мазепа заплатил еще больше и таким образом откупился. У него оставалось еще очень много денег. Но по большому счету у него не было ничего: ни жены, ни детей, ни настоящих друзей. А что имел — потерял: поместья, крепостных, власть — все осталось позади и в прошлом. Жить стало незачем. И Мазепа умер 22 августа 1709 года в селе Варница близ Бендер. Ходили слухи, что старик отравил себя ядом, чтобы не быть выданным Петру I. Мазепу похоронили в монастыре Св. Георгия в румынском городке Галац. Позднее поверх гроба Мазепы захоронили какого-то молдавского боярина. По шведским же источникам, останки Мазепы вскоре перезахоронили в Яссах. Немудрено, что Пушкин в 1824 году не отыскал могилу Мазепы. Зато нашел свою «Полтаву».

С тех пор многие авторы — писатели, историки, политики и публицисты — давали оценки Мазепе как личности и как исторической персоне. Но лучше Пушкина не скажешь: «Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковью анафеме, не может избежать проклятия человечества».

Все так. Но оказалось, что Мазепа оставил наследников. Господа «мазепаны» продолжают «делать из него героя свободы».

Наследники Мазепы

Продолжателями политики Мазепы, или «дела Мазепы», как говорили его сторонники, были генеральный писарь Филипп Орлик и самый близкий к Мазепе человек, его племянник Андрей Войнаровский. Кроме того, Войнаровский унаследовал и часть богатств Мазепы, в том числе, возможно, и долговое обязательство Карла XII — король занял у Мазепы 240 000 талеров. Вряд ли швед смог расплатиться.

В 1710 году в Бендерах состоялась рада — козаки, бежавшие с Мазепой, выбирали «гетмана в изгнании». Эти два сравнительно молодых человека — Орлику под сорок, Войнаровскому едва за тридцать — оказались соперниками. Орлик даже «подозревал у Войнаровского замыслы на свою жизнь». Козаки не любили Войнаровского с давних пор, подозревали, что Мазепа готовил его себе в преемники. Скорее всего, так оно и было, покойный гетман даже объяснялся по этому поводу с московскими властями. К тому же, по мнению козачков, Войнаровский был слишком молод. Но главное, кандидатуру Орлика одобрил Карл XII. В результате Филипп Орлик был избран гетманом — понятно кого, но неизвестно чего.

Орлик подписал «статьи», или новый договор, с Карлом XII, в котором признавался вечный протекторат Швеции над Украиной. Этот документ, составленный в жанре политической фантастики, мазепаны громко окрестили «Конституцией Филиппа Орлика». В 1711 году Орлик вместе с крымскими татарами участвовал в набеге на Украину. Но уже к 1714 году у гетмана Орлика почти не осталось подданных. Он перебрался в Швецию и жил там на субсидию шведского правительства. Затем, по одним сведениям, поехал в Турцию и был там убит при неизвестных обстоятельствах в 1728 году, по другим — еще долго ездил то в Германию, то в Польшу, то во Францию, стараясь организовать интервенцию в Россию, и только потом уехал в Турцию, где и умер в 1742 году.

Покойный Мазепа сознательно готовил племянника Андрея Войнаровского к политической карьере. Один проект в отношении Войнаровского был такой: женить его на сестре Меншикова и породниться таким образом с «полудержав-

ным властелином». Не удалось. Другой план, по некоторым сведениям, заключался в следующем: передать власть племяннику без выборов, основав новую правящую династию в Европе. Дядя отправил Андрея учиться в Киево-Могилянскую академию, затем в немецкий университет. Впоследствии Войнаровский выполнял ответственные поручения Мазепы, последовал за ним в изгнание и, наконец, закрыл ему глаза на смертном одре.

Еще в студенческие годы, в Дрездене, Андрей встретил графиню Аврору Кенигсмарк, даму из высшего света. Она была не только хороша собой, но и образованна, талантлива, сочиняла стихи и музыку и даже написала одну оперу. Несколько раньше Аврора была фавориткой саксонского курфюрста и польского короля Августа и родила от него сына. А теперь увлеклась красивым и образованным малороссом... Потом они надолго расстались — Войнаровский вернулся на Украину, где был свидетелем и активным участником драматических событий.

Еще в Бендерах Андрей женился на Анне Минович, дочери бывшего полковника Миновича, тоже похороненного в чужой земле. Затем уже в чине полковника шведской армии Войнаровский колесил по Европе и повсюду искал союзников для борьбы с Россией. Летом 1716 года Войнаровский приехал в ганзейский «вольный город» Гамбург, там в это время жила графиня Кенигсмарк. Продолжение романа оказалось «с интересом»: Аврора была хозяйкой великосветского салона, в котором бывали и аристократы, и дипломаты. Здесь политэмигрант близко сошелся с английским дипломатом Матесоном. Пропаганда Войнаровского совпадала с озабоченностью английского кабинета усилением России в Европе и в особенности на Балтике. Войнаровский просил прямой поддержки:

— Козачья нация нынче уничтожена в своих правах и вольностях. Англия знает, какое это страдание для всей нации быть в неволе, тем более что козачья нация является свободолюбивой.

Петр I был уже научен горьким опытом тайных сговоров, поэтому приказал захватить Войнаровского. Местному агенту Фридриху Биттигеру было поручено организовать похищение и денег на это не жалеть. Кроме того, в Гамбург коман-

дировали группу офицеров под командованием Александра Румянцева (он впоследствии вывез из Вены царевича Алексея Петровича).

11 октября 1716 года Андрей Войнаровский, отобедав у Авроры, вышел к своей карете, но тут подкатила другая, с зашторенными окнами, эмигранта толкнули в нее и увезли в русское дипломатическое представительство. Уже на следующий день об инциденте с украинцем дипломаты доносили своим правительствам. Чуть позднее о том же писали ведущие газеты европейских столиц. Особенно резко выступили, естественно, Швеция и союзная ей Франция. Власти Гамбурга пребывали в растерянности — страдал престиж вольного ганзейского города.

Петр I мог решить проблему очень просто: драгунские полки фельдмаршала Шереметева стояли в Магдебурге, в одном переходе от Гамбурга. Но царь не захотел укреплять репутацию «русского медведя» (так его первым назвал английский журналист Даниель Дефо, впоследствии автор «Приключений Робинзона Крузо», правда, потом извинялся за «медведя» перед русским посланником). Петр нашел более изящное решение. В Гамбург приехала гофмейстерша императрицы, бывшей в то время на сносях, — Екатерине почему-то захотелось рожать именно в Гамбурге. Гофмейстерша подыскивала приличный дворец и хороших лекарей. Между прочим, она встретила с графиней Кенигсмарк и сообщила, что, если Войнаровский сдастся добровольно, царь поступит с ним «благосклонно». В результате 5 декабря Войнаровский неожиданно обратился в гамбургский магистрат с просьбой выдать его русским властям, что и было с готовностью исполнено. Войнаровского тотчас увезли в Россию в той же карете с зашторенными окнами.

Семь лет в Петропавловской крепости не назовешь «благосклонностью», впрочем, если сравнивать с колесованием... Затем Войнаровского отправили в Якутск, с ним ехала только жена. Да, любовницы сопровождают мужчин в оперу или во дворец, но в ссылку за ними едут только жены.

На этом окончилось «дело Мазепы» и началось «слово»: «герой свободы» переместился из жизни в литературу, в историческую науку и в публицистику.

Культ личности Мазепы

Первым, кто попытался изобразить положительный литературный образ Мазепы, стал русский поэт-декабрист Кондратий Рылеев. В поэме «Войнаровский» и Мазепа, и его племянник предстали демократами и тираноборцами. Правда, им свойственны сомнения. Войнаровский вспоминает, как Мазепу в последние дни терзала совесть, как являлись ему тени замученных Искры и Кочубея. Как смутился он, когда пленный козак с русской стороны бросил ему в лицо:

Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду...

Так и сам Войнаровский, уже в глухой сибирской ссылке, погружен в «думу смутную», вспоминает роковые дни измены:

Ах, может, был я в заблужденье,
Кипящей ревностью горя, —
Но я в слепом ожесточенье
Тираном почитал царя...

Однако героизация Мазепы и Войнаровского в поэме так сильна, что Пушкин отметил: «Некоторые писатели хотели сделать из него (Мазепы) героя свободы». А на Украине поэма Рылеева была воспринята образованной молодежью с энтузиазмом и в середине XIX века, как писал современник, «"Войнаровский" и "Исповедь Наливайки" переписывались в наших тетрадях рядом с произведениями Шевченко».

Тарас Григорьевич явно сожалел, что Мазепа не исполнил задуманного:

Было время, добывали
Себе шведы славу,
Убегали с Мазепою
За Днестр из Полтавы...

Вскоре после опубликования пушкинской «Полтавы» в России появился загадочный документ — рукопись под названием «История Русов или Малой России». Ее привез с Украины Григорий Полетика. Он приписывал авторство «Истории» Георгию Конисскому, архиепископу Белорусскому. Первая часть «Истории» в основном повторяла древнерусские летописи, зато вторая представляла «новый взгляд» на формирование украинской нации и государственности. И Мазепа предстал там во всей красе, как устроитель земли малороссийской. Многие сразу отметили, что «История Русов» — именно сочинение, притом публицистическое, а не историческое. Потом выяснилось, что архиепископ Конисский не имеет к нему никакого отношения, что его написали, скорее всего, сам Полетика и его сын Василий. Уже первые оценки историков характеризовали рукопись как «мутный источник», в котором содержится «много неверностей» и «ложные воззрения на прошлое Малороссии».

С конца XIX века в российской и советской исторической науке считалось неприличным использовать «Историю Русов» как документальный источник. Только украинские авторы зарубежья охотно пересказывали ее. Так, историк Александр Оглоблин объявил «Историю Русов или Малой России» — «декларацией прав украинской нации» и «вечной книгой украинского народа». Настоящая фамилия Оглоблина была Мезько, он происходил из знатного белорусско-украинского рода Лашкевичей, затем взял фамилию отчима. В 1922 году Оглоблин стал профессором Киевского рабоче-крестьянского университета, через четыре года защитил докторскую диссертацию. Сразу после фашистской оккупации Оглоблин был назначен первым бургомистром Киева. Благодаря его усилиям вновь пошли трамваи, заработали телефонная сеть, водопровод, электростанция. В период его правления начались казни в Бабьем Яре. Одним из первых расстреляли предшественника Оглоблина — председателя Киевского горсовета Ивана Шевцова. После войны Оглоблин бежал в США. Главную свою книгу — монографию «Гетман Иван Мазепа и его правление» Оглоблин написал к 250-летию смерти Мазепы. «Правление Мазепы — это время возрождения Украины — политического, экономического,

культурного», — утверждал он. По его мнению, цели Мазепы были благородны, замыслы дерзновенны: «Восстановление мощной автократичной гетманской власти и строительство державы европейского типа, со сбережением системы козацкого строя». Совместимо ли все перечисленное в принципе: автократия, европейское государство и козачья вольница? А главное, из какого «мутного источника» почерпнул он эти сведения, остается загадкой.

Другой автор «из прекрасного далека», И. Боршак, восклицал: «Украина, Мазепа! Два слова памятливы для всех, кто задумываются над историей Восточной Европы. Гораздо меньше знают они об их роли в западноевропейской истории» (Канада, 1931). Еще один, Теодор Мацкив, утверждал: «Едва ли не важнейшим итогом политики и жизни Мазепы был украинско-шведский договор, который имел такое стратегическое значение, что его оценили уже современники» (Германия, 1988).

Все это перекочевало в сочинения историков и публицистов постсоветской Украины. Заголовок в киевской газете «Иван Мазепа: оправдан историей» — исчерпывает все содержание статьи; «Самый блистательный из правителей Украины», — мимоходом утверждает журналист в заметке из пяти строк; «Мазепинское возрождение... мазепинское барокко... И где оно теперь?» — негодует автор, намекая, что москали все порушили; «Мазепа поднял на высокий уровень интеллект, духовность и самосознание Украины, поставив ее в один ряд с высокоразвитыми европейскими странами...» — ну и так далее.

Очень популярен якобы исторический сюжет «Батуриная резня» — здесь есть где разгуляться воображению и перу. «Говорят, полноводный Сейм покраснел от крови, — пишет кровожадная журналистка. — Русские солдаты быстро мастерили плоты, прибывали к ним казаков и пускали по реке... Не пошадил ни женщин, ни стариков, ни младенцев». Видимо начитавшись таких статей, Виктор Ющенко, в бытность свою кандидатом в президенты, посетил Батурина, воздвиг там крест в память 21 тысячи (!) погибших и предложил ежегодно отмечать день их памяти. А в день инаугурации уже президент Ющенко получил в подарок сомнительную

реликвию — нателный крест отлученного от церкви Мазепы. (Неужели он носит его на груди?!)

По сравнению с таким публицистическим «потокосом самосознания» одинокая статья просто добросовестного журналиста «Мазепа — слуга пяти господ» — глас вопиющего в пустыне. Неудивительно, что в учебнике по истории Украины для пятого класса теперь утверждается, что «Иван Мазепа стремился сделать Украину великим европейским государством, освободить из-под гнета Московского царства».

Культ Мазепы подкрепляется монументальной пропагандой. Первый памятник ему был поставлен в Мазепинцах на Киевщине еще в 1994 году. При участии Украины в 2004 году установлен памятник Мазепе в румынском городе Галаце. Широко обсуждался проект памятника в Полтаве...

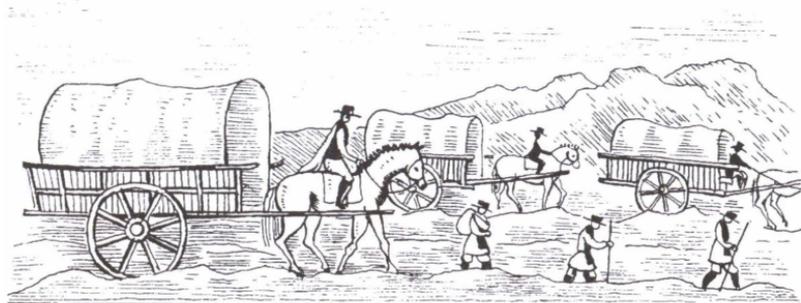
Фильм знаменитого кинорежиссера В. Ильенко «Молитва о гетмане Мазепе» переводит все вышесказанное на язык кинокошмара, где кровь течет рекой, головы рубят как капусту, жена Кочубея мастурбирует с отсеченной головой мужа, а Петр I насилует солдат. Впрочем, есть в фильме глубоко символический эпизод: царь стоит над могилой Мазепы, вдруг из-под земли появляется рука гетмана и хватает Петра за горло. Да, иногда *они* возвращаются! Воистину мертвые хватают живых!

Отдельная история — борьба церковных и светских мазепанов за отмену анафемы Мазепе. Хотя имя его не поминается в церковных службах с 1865 года, но когда в Воскресенье Торжества Православия проклинали еретиков, отлученных от церкви, то подразумевается, что Мазепа среди них. Как пробный шаг к отмене анафемы, 10 июля 1918 года в Киеве на площади перед Софийским собором состоялась панихида по Мазепе. Это мероприятие было задумано как ответ Москве на празднование годовщины Полтавской битвы. Однако ни гетман Скоропадский, ни члены его кабинета, ни митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) не решились явиться на панихиду. Затем разговоры об отмене анафемы притихли, но в конце столетия снова оживились в печати. Основным аргументом мазепанов таков: анафема была наложена нецерковным органом — Священным Синодом. Но тогда получается, что все решения Синода за полтора столетия незакон-

ны и должны быть отменены. А на самом-то деле в 1708 году Синод еще не был учрежден. Правда, и патриарха не было, но церковь управлялась, как и положено, местоблюстителем Патриаршего престола — им был тогда Стефан Яворский, природный украинец. Если поборники отмены анафемы этого не знают — стыд, если знают и обманывают людей — срам.

Очевидно, что украинцам навязывают Мазепу, отредактированного до неузнаваемости, как главного национально-героя. А Мазепа в головах — это нескончаемая гетманщина в действительности: управляемый майдан, своекорыстная рада, тайная власть старшины, заискивание перед границей — и непрерывная цепь предательств...

«Шпион» №1, или Чужой среди своих

Шпионаж зародился в глубокой древности, но стал профессией и получил общественное признание лишь тогда, когда о разведке заговорили во всеуслышание. А для этого должна была появиться книга о настоящем разведчике — о герое-разведчике, которым движет не авантюризм, не алчность, а беззаветная любовь к родине. Книга не только о его подвигах, но и о чувствах, мучительных сомнениях, нравственном выборе.

И такая книга появилась в 1821 году. Первый шпионский роман назывался незатейливо — «Шпион», но имел подзаголовок: «Повесть о нейтральной территории».

Роман на пари

Сквозь густой лес вдоль берега озера Отсега легкой индейской поступью бежал мальчик лет десяти. Он прятался за стволами деревьев, ужом скользил в траве.

— Джеймс! Хватит прятаться! — кричали ему братья. — Ты выиграл, мы уходим домой. Смотри, отец тебе выплет!

Сыновья судьбы и крупного землевладельца Вильяма Купера постоянно играли на воле, прекрасно ориентировались в лесу, метко стреляли из лука. Но Джеймс превосходил братьев во всем.

Когда мальчики вернулись домой, они увидели там Джеймса, листающего книгу со скучающим видом.

— Где вы пропадали? — спросил он.

Братья привыкли к его способности незаметно исчезать и внезапно появляться, все примечать, оставаясь невидимым, и даже называли иногда шпионом.

Прошло немало лет. Джеймс Фенимор Купер учился в Йельском колледже, потом служил на флоте, побывал в Лондоне — то есть, по тогдашним американским меркам, повидал мир. Наконец женился, обзавелся собственным домом и фермой, у него самого появились дети.

По вечерам, уложив дочурок спать, Джеймс и его жена Сюзан по очереди читали вслух английские романы. Книжные новинки долго плыли в Америку, а затем ехали к читателям на перекладных. Американская литература еще не заявила о себе, писатели по большей мере подражали европейским авторам, а местные поэты воспевали выдуманную природу, похожую на регулярный английский парк, и трели соловья, хотя этих птиц в Америке нет, не замечая чудесного пения американских дроздов...

В тот вечер Джеймс дочитывал длинный сентиментальный роман. Закончив, он в сердцах отбросил книгу прочь и заявил:

— Я бы написал не хуже!

— Вечно ты задаешься, — мягко заметила Сюзан, — у тебя нет никакого литературного опыта.

— Бьюсь об заклад! — воскликнул Джеймс. И тут же пожалел о сказанном. Но идти на попятный не захотел, и пари было заключено.

Жена была не совсем права. Во-первых, чтение для внимательного и вдумчивого читателя — тоже литературный опыт. А Джеймс читал много и воспринимал глубоко. Во-вторых, проба пера уже состоялась.

Одиннадцатилетним мальчишкой, начитавшись романов о рыцарях, Джеймс решил сочинить что-нибудь в духе

Вальтера Скотта. Но вот беда, он писал медленно и такими каракулями, что и сам не мог разобрать. Тогда мальчик договорился с наборщиком местной газеты, что надиктует ему книгу, а издатель даже согласился печатать ее с продолжением. Но фантазии на рыцарскую тему скоро наскучили юному автору, и роман остался ненаписанным.

Позднее, в юношеском возрасте, Джеймс написал балладу по просьбе одного бродячего певца. Это случилось вскоре после окончания второй войны с Англией, когда все только и говорили о жестокости англичан. Баллада называлась «Сожжение Буффало, или Ужасный пожар». Типография все той же газеты «Отсего геральд» отпечатала несколько экземпляров текста. Джеймс вскоре позабыл о своем поэтическом дебюте. Однажды он был в гостях у одного из соседей. Перед ужином, желая занять гостя, дочь хозяина села за пианино и неожиданно запела... «Сожжение Буффало». Автор скромно промолчал, но аплодировал с двойным жаром — исполнительнице и себе самому.

Теперь Джеймс взялся за перо более решительно, и в 1820 году уже читал рукопись друзьям, вкусу которых он доверял. Купер сказал слушателям, что это сочинение его хорошего знакомого. Роман назывался «Предосторожность», автор следовал традициям английских сентиментальных и семейных романов. Мужчины одобрили сочинение, а дамы даже усмотрели в нем влияние их любимых писательниц Джейн Остин и Амелии Опи. Окрыленный такими оценками, Купер отдал свое детище в нью-йоркское издательство, и скоро оно вышло в свет под длинным названием «Предосторожность, или Предупреждение лучше, чем лечение», но без указания имени автора. Книгу перепечатали даже в Англии.

Но в глубине души молодой писатель прекрасно сознавал подражательность своей книги и говорил жене:

— Книги не пишутся по случаю. Да и можно ли написать хорошо о чужой стране, чужих нравах! Нет, моя первая книга впереди.

Это был горький, но полезный опыт: Джеймс Фенимор Купер понял, о чем и как нельзя писать. Он твердо решил рассказывать только о том, что знает и любит.

— Знаешь, о чем я напишу по-настоящему? — сказал он жене. — Об Америке и американцах. Я постараюсь написать так, чтобы это было интересно самим американцам. Чертовски сложно, но я очень этого хочу!

Рассказ о неизвестном герое

С детства Джеймс Фенимор Купер любил слушать истории. В доме его отца собиралось много интересных людей, некоторые из них участвовали в Войне за независимость Северной Америки. Их рассказы еще не подернулись мифологическим глянцем, старики говорили без прикрас: долгая и кровопролитная освободительная война была одновременно и революцией, и ожесточенной гражданской войной — ведь на стороне англичан воевали до пятидесяти тысяч американцев, верных британской короне. Вдобавок с той и с другой стороны на нейтральной территории орудовали отряды мародеров. Американских мародеров называли «скиннерами» (живодерами), английских — «ковбоями» (это были в основном кавалеристы, промышлявшие угоном скота американских фермеров).

Была среди американцев и пятая колонна — некоторые беспринципные дельцы только ждали победы королевских войск, а пока наживались на военных поставках и взвинчивали цены, пользуясь тяжелым положением колонистов. Даже Джордж Вашингтон горестно замечал: «Такого отсутствия чувства гражданского долга, такой спекуляции, такого множества всяческих ухищрений для получения той или иной выгоды я никогда еще не видел...» (Вообще говоря, в эти годы американцы относились к коммерсантам весьма настороженно. Запомним это обстоятельство.)

Позднее Купер встречал ветеранов той войны в семье своей жены и среди соседей. Особенно запомнились ему долгие разговоры с Джоном Джем, видным государственным деятелем США. В годы Войны за независимость президент Джордж Вашингтон назначил Джея в Комитет по безопасности — первую разведывательную службу молодого госу-

дарства. Именно Джей должен был собирать информацию о передвижении, а по возможности и о замыслах англичан — «красных мундиров», как называли их колонисты. Джон Джей получал донесения от своих агентов через нарочных, но, бывало, и сам выходил на связь.

— Бывали и другие способы передачи сведений, особые приметы, — рассказывал старик, попыхивая трубкой. — Вот, допустим, на веревке сушится белье. Судя по тому, что и как развешано, агент узнавал, можно ли переправиться на нашу сторону, не ждет ли его засада.

Больше других потрясла писателя судьба безымянного героя-разведчика, имени которого Джон Джей так и не назвал. Это был простой фермер, живший на нейтральной территории, куда заходили и англичане, и американцы. У него была репутация, как говорится, «пособника врага». Благодаря «дружбе» с английскими офицерами он добывал и передавал ценные сведения командованию континентальных войск, как называли американские вооруженные силы. Понятно, американцы люто ненавидели «предателя», он не раз был на волосок от смерти. Даже после войны истинное лицо шпиона продолжали скрывать, последняя встреча Джона Джея с агентом была тайной. Джей принес немалые деньги — плату не только за смертельно опасную службу, но и за опозоренное навсегда имя... Но фермер отказался от платы и заявил: «Эти деньги пригодятся моей родине после войны, а я сам заработаю на хлеб». Как жил он впоследствии, под каким именем, осталось тайной.

Учитель в тылу врага

О другом герое тайной войны Джеймс узнал еще в колледже — там учился когда-то и Натан Хейл, ставший национальным героем североамериканских штатов. Позднее Джеймсу рассказывал о нем родственник жены — Бенджамен Толмедж, генерал, бывший член Конгресса. Во время войны майор Бенджамен Толмедж руководил армейской разведкой.

Бенджамен Толмедж и Натан Хейл были однокашниками. После окончания колледжа Хейл работал учителем. В 1775 году друзья вместе вступили в армию Вашингтона. Хотя Натану было всего двадцать лет, он проявил себя как храбрый и находчивый офицер и вскоре получил чин капитана.

В начале сентября 1776 года английские войска вытеснили американцев из Нью-Йорка и с Лонг-Айленда. Последних защитников Манхеттена буквально выкурили из домов, где они держали оборону, — пожар, устроенный англичанами, вошел в историю как Большой Нью-Йоркский Пожар. Всех захваченных с оружием в руках англичане казнили.

Генерал Вашингтон требовал усилить разведывательную деятельность. В этот трудный для родины час капитан Натан Хейл сам вызвался идти в тыл врага.

Глухой ночью Натан спустился к проливу. Он знал, что на той стороне у него нет ни явок, ни связи. Ему предстояло на утлой лодчонке проскользнуть мимо сторожевых кораблей, упоя на одного союзника — кромешную тьму.

Легенда разведчика всегда убедительна, если содержит часть правды. Вот и Натан выдавал себя за учителя, который ищет частных уроков. Когда его останавливали английские патрули, он произносил ритуальную фразу: «Боже, храни короля!» — и начинал жаловаться на свою несчастную судьбу, разрушенную бунтовщиками. Так он пересек весь Лонг-Айленд и пробрался в Нью-Йорк. Из подслушанных разговоров и наблюдений он составил довольно полное представление о расположении и передвижении неприятельских частей. Он делал записи на латинском языке, наивно полагая, что этот шифр спасет его в случае ареста.

На обратном пути разыгралась непогода — сильный ветер и косой дождь стеной. Вдобавок туман накрыл пролив, переправиться было невозможно. Хейл решил переждать в прибрежной таверне. Вероятно, излишняя любознательность янки уже вызвала подозрение у англичан, и за ним установили слежку. Как только он вышел за порог, его арестовали.

Найденные при обыске записи полностью изобличали Натана Хейла как шпиона. Но его мужество вызывало уважение. Английский генерал Хау лично встретился с аресто-

ванным, пытался завербовать его, предлагал чин капитана королевской армии и большие деньги. Хейл отказался.

— В таком случае, — сказал генерал, — вы должны знать правила войны: солдату — пуля, шпиону — веревка.

Утром 22 сентября 1776 года немногочисленных жителей Нью-Йорка согнали в район нынешней 66-й улицы Манхэттена — смотреть на показательную казнь.

Палач, надевая петлю на шею осужденного, усмехнулся:

— Разве это подходящая смерть для офицера?

— Любая смерть за родину почетна, — спокойно ответил Натан Хейл. И, возвысив голос, обратился к соотечественникам: — Я сожалею только об одном: что у меня лишь одна жизнь, которую я могу отдать за отчизну!..

СМЕРШ по-американски

В ходе войны стало очевидно, что враг тоже получает сведения из лагеря американцев, участились случаи провалов надежной агентуры. Майор Бенджамен Толмедж начал заниматься и контрразведкой. В этом качестве он был известен своей агентуре под псевдонимом Джон Болтон. Об одной тайной операции старик Толмедж поведал молодому писателю.

К тому времени в тылу у англичан работало уже несколько агентов. Они не только присылали ценные сведения военного характера, но и следили за подозрительными связями британцев. Из их донесений стало известно, что офицер английской разведки майор Джон Андре зачастил на передовой рубеж «красных мундиров» и что готовится переброска агента под именем Джон Андерсон.

Вскоре Толмедж получил депешу от коменданта крепости Вест-Пойнт с просьбой предоставить охранительные документы торговцу по имени... Джон Андерсон. Появление в секретной переписке одного и того же имени дважды, почти одновременно, наводило майора Толмеджа на серьезные размышления.

Комендантом Вест-Пойнта был генерал-майор Арнольд. Несколько лет назад он храбро воевал в континентальной армии, в бою потерял ногу, получил генеральские эполеты и был назначен военным губернатором штата Пенсильвания. Но на этом посту генерал оскандалился в связи со спекуляциями на военных поставках, вынужден был уйти в отставку, его дело разбирал Конгресс. Учитывая былые заслуги генерала, ему вынесли лишь мягкое порицание. Главнокомандующий Вашингтон даже выразил надежду, что Арнольд восстановит свой авторитет на службе в армии.

В британской разведке внимательно следили за делом Арнольда. Майор Андре решил, что это перспективная фигура в тайной игре.

Майор Андре был хорошо известен в лучших домах Нью-Йорка — блестящий светский офицер, талантливый постановщик любительских спектаклей, в которых часто исполнял ведущие роли, немного поэт, отчасти музыкант. Среди его знакомых была молодая красивая актриса Пегги Шиппен (возможно, даже больше, чем просто знакомая). Разведчик стал ей нашептывать: есть, мол, на той стороне не старый еще генерал, недавно овдовевший, немного хромот, но и на одной ноге далеко пойдет. В скором времени Пегги стала генеральшей. Через цепь курьеров и благодаря влиянию Пегги установилась прямая связь между майором Андре и генералом Арнольдом, начались переговоры. Цена за измену была очень высока, а генерал слишком алчен, чтобы устоять.

Вскоре он обратился к Вашингтону с просьбой назначить его комендантом Вест-Пойнта. Майор Андре знал, что делал, продвигая генерала на этот пост: Вест-Пойнт был важнейшим укреплением на реке Гудзон, здесь были сосредоточены интендантские склады. Тут часто останавливались офицеры с особыми поручениями, обладавшие ценнейшей информацией.

Теперь уже в чине генерал-майора Арнольд сообщал противнику интересующую информацию: кого из видных политиков и конгрессменов можно склонить к сотрудничеству, сведения о дислокации войск, расположении коммуникаций

и складов. Наконец, он сдал англичанам нескольких тайных агентов, о которых ему удалось случайно узнать.

Но майор Андре готовил генерал-майора для более важной миссии. Он предложил коменданту сдать англичанам Вест-Пойнт, склонив на их сторону часть гарнизона. Возможно, это решило бы исход сражения на Гудзоне.

Генерал-майор Арнольд запросил за предательство пятьдесят тысяч долларов золотом и патент бригадира королевской армии. Для заключения окончательного соглашения и уточнения деталей плана требовалась личная встреча разведчика и предателя. Под именем торговца Джона Андерсона на ту сторону отправился сам майор Андре.

А в это время майор Толмедж ломал голову над странным совпадением имен и решил установить скрытое наблюдение за комендантом Вест-Пойнта. Но пока он размышлял, тайная встреча уже состоялась, в ночь на двадцать первое сентября 1780 года. Майор Андре гарантировал генерал-майору Арнольду двадцать тысяч фунтов и высокий пост в британской армии, а комендант передал вражескому офицеру подробный план Вест-Пойнта.

На рассвете за майором Андре должна была приплыть шлюпка и доставить его на британский корабль. Но американская береговая батарея обстреляла судно, и корабль уплыл. Разведчику пришлось возвращаться сушей. Уже на нейтральной территории его остановил патруль ополченцев. Человек, крадущийся на рассвете в расположение англичан, показался им подозрительным, они не поверили ни объяснениям, ни представленным документам и тщательно обыскали задержанного. В правом сапоге была обнаружена карта Вест-Пойнта. Майор пытался откупиться, предложил сто гиней и свои золотые часы (кстати, на внутренней крышке часов было начертано его подлинное имя). Но командир патруля ответил: «Даже за десять тысяч гиней вы не сделаете ни шагу».

Пленного отправили к непосредственному командиру — подполковнику Джемсону. Тот решил известить коменданта Вест-Пойнта о поимке важного шпиона. Генерал-майор немедленно исчез и в тот же день оказался на стороне противника.

По приговору военного суда майор Джон Андре был повешен. Конечно, он был схвачен и разоблачен почти случайно. И все-таки разработанный им план вряд ли мог осуществиться: комендант Вест-Пойнта был уже «под колпаком».

А на нейтральной полосе цветы...

Такие истории и впечатления вдохновили Джеймса Фенимора Купера и послужили реальной основой его новой книги. Буквально в первых строках автор сообщал: «Многие, однако, носили маску, которую еще не сбросили к этому времени; и не один человек сошел в могилу с позорным клеймом врага...» Главного героя, патриота-разведчика, писатель назвал именем Гарви Бёрч и сделал его торговцем-разносчиком. Уже сама его работа делала репутацию Бёрча сомнительной в глазах соотечественников. «Война не препятствовала разносчику заниматься своим делом, — писал Купер, — нормальная торговля в графстве прекратилась, но это было ему на руку, и, казалось, он только и думал, что о барышах». А для шпиона трудно было придумать лучшее легальное занятие, позволявшее перемещаться, не внушая подозрений.

Местом действия писатель избрал нейтральную территорию между противостоящими армиями, которую, впрочем, каждая сторона считала своею и куда проникали и те, и другие. Поэтому, как писал, Купер, «в этой местности законность то и дело нарушалась, и решения принимались в угоду интересам и страстям тех, кто был сильнее».

Из романа мы почти ничего не узнаем о том, как Гарви Бёрч добывал секретные сведения, но видим, как он их доставляет через нейтральную территорию, какими средствами и тайными знаками пользуется. Он почти не опасается англичан, только американцы постоянно охотятся за ним — свои военные неудачи они связывали с предательством Бёрча. Его дважды арестовывали, один раз судили и приговорили к повешению, но он всякий раз ускользал. Однажды он даже решил раскрыться, выйти из игры:

«Он вытащил из-за пазухи жестяную коробочку и открыл ее — там лежал маленький клочок бумаги. Мгновение глаза разносчика были прикованы к этой бумажке...

— Нет... Это умрет вместе со мной. Я помню условия моей службы и не куплю жизнь тем, что нарушу их...»

С этими словами Гарви Бёрч проглотил спасительную записку.

Поступки шпиона сегодня вызывают удивление: ну ладно бы он хранил тайну перед врагами, но почему даже на пороге смерти он таится перед своими?

В то время шпионаж все еще был малопочтенным занятием, делом авантюристов и вообще людей морально нечистоплотных. Командование всегда дистанцировалось от шпионов, а в случае их провала никогда не признавало их своими агентами. Заслуга Джеймса Фенимора Купера в том и состояла, что он изобразил «солдата невидимого фронта», достойного высокой награды в случае победы, а в случае поражения — пули, а не петли. Но в те годы дело обстояло совершенно иначе, и Гарви Бёрч с горечью говорил: «...тому, кто служит своей родине как шпион, будь он самый верный, самый бескорыстный человек, достается всеобщее презрение, и его казнят, как самого подлого преступника».

В романе бегло описаны истории, слышанные Купером от ветеранов разведки: о гибели Натана Хейла, о поимке и казни майора Андре. Но они не получили развития, упомянуты лишь для придания роману ощущения документальности и как бы подчеркивают реальную опасность, грозящую главному герою.

Когда миссия Гарви Бёрча была завершена, он тайно встретился со своим шефом, генералом, который в романе появляется лишь дважды под именем мистер Харпер. «Только я, один я в целом свете, знаю, что вы действовали из глубокой любви к свободе Америки», — сказал генерал и предложил шпиону деньги за героическую службу. «Неужели вы думаете, ваше превосходительство, что я рисковал жизнью и опозорил свое имя ради денег? Нет, нет, я не возьму у вас ни доллара, бедная Америка сама в них нуждается!» — так ответил герой, как и его реальный прототип. Но генерал помнил,

что Бёрч знает многих законспирированных агентов, поэтому напутствовал его: «Не забывайте, что маску, скрывающую ваше истинное лицо, вам не позволят снять еще много лет, а быть может, никогда».

В финале романа Гарви Бёрч появляется уже седым стариком. Во время англо-американской войны 1812–1815 годов он снова оказался на переднем крае борьбы за свободу родины, но теперь уже с мушкетом в руках. В одном из сражений он был убит. При нем обнаружили жестяную коробочку с запиской:

«Гарви Бёрч многие годы верно и бескорыстно служил своей родине. Если люди не воздадут ему по заслугам, да наградит его Господь!

Джордж Вашингтон».

Действительно ли это шпионский роман? И да, и нет. Хотя в целом это книга о шпионе-патриоте, она еще и о судьбах американцев, военных и мирных граждан, в смутное время: они придерживались разных убеждений, и это придавало особый драматизм их любви, дружбе, родственным отношениям. К тому же само место действия — нейтральная территория — представало в романе своего рода метафорой зыбкости моральных принципов в эпоху гражданской войны.

Наконец, в книге немало изображений девственной природы Америки, мощных рек, величественных лесов — эти картины наиболее полно предстанут потом в любимой читателями всех стран трилогии Купера «Зверобой», «Следопыт» и «Последний из могикан».

Кто же вы, мистер Бёрч?

Роман «Шпион, или Повесть о нейтральной территории» появился на книжных прилавках в декабре 1821 года. Публика приняла его восторженно. Отзывы критики последовали не сразу, а через пару месяцев. Рецензент «Северо-Американского обозрения» выразил, пожалуй, общее мнение: «Мы мечтали о том дне, когда на американской почве и исключи-

тельно из наших материалов будет воздвигнуто здание современного исторического романа во всей его национальной силе и изяществе».

К тому времени «Шпион» уже издали в Лондоне. Английские критики, ревниво поглядывавшие за океан, теперь вынуждены были признать: американская литература существует и это ее первый большой успех.

Конечно, нашлись и недовольные. Многим не нравилось, что герой — простолюдин. А если бедный, да еще шпион — это уж совсем неприлично. Вдобавок в книге говорилось о многом таком, о чем хотелось позабыть; американцы вообще не любят признавать своих ошибок и преступлений, а уж тем более каяться.

Очень скоро «Шпион» был переведен на многие европейские языки, к автору пришла мировая слава. Сам Бальзак, по его признанию, «рычал от восторга», читая Купера.

Конечно, читателей очень волновал вопрос: кто послужил прототипом главного героя? Купер всегда отвечал уклончиво, в предисловии ко второму изданию книги добавил только, что об этом герое рассказал ему «мистер Х» — писатель имел в виду Джона Джея.

Прошло несколько лет, Джеймс Фенимор Купер был уже знаменитым романистом. Он получил выгодную дипломатическую службу — пост консула в Лионе. Ему нравилась жизнь в Европе, но писал он о родной Америке.

И вот в 1827 году произошло знаменательное событие. В нью-йоркском суде слушалось дело о наследстве, и в качестве свидетеля был вызван пожилой фермер по имени Инок Кросби. Кто-то из уважаемых граждан города узнал его и воскликнул:

— Я полагал, что вы давно погибли! — и тут же сообщил окружающим, что это и есть «подлинный Гарви Бёрч из романа Купера».

Вокруг старика поднялась шумиха, о нем писали газеты. Через несколько дней Кросби пригласили в театр, где шла пьеса «Шпион». Гостя представили публике, и весь зрительный зал рукоплескал ему. Вернувшись домой, растроганный фермер написал благодарность в газету: «С моей стороны было бы ненужной сдержанностью, если бы я не выразил

мою признательность гражданам Нью-Йорка за их внимание, оказанное мне во время последнего посещения города. И особенно благодарю руководство театра, пригласившего меня на представление спектакля под названием “Шпион”. Представление доставило мне истинное удовольствие».

И ни слова в подтверждение или опровержение того, что он и есть Гарви Бёрч.

В следующем году некий делец от литературы Г. Л. Барнаум написал небольшую книжку под длинным названием «Шпион без маски, или Мемуары Инока Кросби, он же Гарви Бёрч, герой Повести о нейтральной территории г-на Купера. Подлинное описание секретных поручений, которые он выполнял для своей страны в годы революционной войны. Рассказано им самим со множеством интересных фактов и эпизодов, никогда раньше не публиковавшихся». Автор снабдил свое творенье подобострастным посвящением:

«Джеймсу Ф. Куперу, эсквайру, чье перо первым обессмертило предмет этих мемуаров».

Насколько правдиво и документально было повествование Барнаума и действительно ли оно основано на рассказе Инока Кросби — неизвестно.

Эта книжка попала на глаза Куперу только в 1831 году. Он посчитал Инока Кросби самозванцем и отвечал на вопросы о нем с раздражением. Впоследствии, когда ажиотаж вокруг «прототипа» утих, Купер писал более спокойно: «Мне ничего не известно о человеке по имени Инок Кросби. Я никогда вообще не слышал его имени, пока по возвращении из Европы не увидел его в сочетании с именем героя “Шпиона”. История этой книги изложена в предисловии к последнему изданию».

Американские историки и литературоведы до сих пор спорят: был ли Инок Кросби одним из тайных агентов континентальной армии или не имел к секретным службам никакого отношения. Зато многие поколения читателей не сомневаются, что Гарви Бёрч — реальное историческое лицо.

NN из «донжуанского списка» Пушкина

«Елисавету втайне пел...»

Многие знают пушкинские строки:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Их часто цитируют как выражение гражданской позиции поэта; школьникам рекомендуют ставить их эпиграфом к сочинению на тему «Пушкин о назначении поэта». Не все знают, что в этом стихотворении автор воспел императрицу Елизавету Алексеевну. Тема довольно странная для поэта-задиры, ведь в это же самое время он написал самые смелые свои стихи, в том числе сатиру на царя:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.

Неудивительно, что Александр I вскоре отправил Пушкина в ссылку.

И вдруг — панегирик жене «деспота» Елизавете Алексеевне. Теперь становится понятно, почему Пушкин в начале стихотворения словно оправдывается за похвалу императрице.

...Свободу лишь учась славить,
 Стихами жертвуя лишь ей,
 Я не рожден царей забавить
 Стыдливой музою моей.

И лишь затем автор признается, что для одной только венценосной особы сделал исключение:

...Елисавету втайне пел.

Видите как — ругал царя почти открыто (стихи ходили в рукописях по Москве и Петербургу), а царицу воспевал втайне!

...Я пел на троне добродетель
 С ее приветною красой.
 Любовь и тайная свобода
 Внушали сердцу гимн простой...

В советских изданиях это стихотворение озаглавлено «К Н. Я. Плюсковой». На самом деле оно называлось «Ответ на вызов написать стихи в честь ея Императорского Величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны». Эти два названия в совокупности отчасти объясняют историю создания произведения. Наталия Яковлевна Плюскова была фрейлиной императрицы, и вызов исходил от нее. Она была начитанной дамой, знала многих литераторов лично. Вероятно, она рекомендовала своей госпоже прочитать те или иные произведения, в том числе и ходившие в рукописях. Возможно, в кругу литераторов зашел разговор о «нетипичной» императрице: о ее разнообразных интересах и талантах, ее сострадательном сердце, ее не показной бла-

готворительности. Наверное, вспомнили и недавние стихи о ней Н. М. Карамзина:

Корона на главе, а в сердце добродетель...

В стихах Пушкина содержался и, так сказать, общественный вызов: Елизавета Алексеевна в эти годы была, как говорили, «забытой императрицей» — царственный супруг к ней охладел, двором заправляла свекровь, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Проницательный французский дипломат писал о Елизавете: «Царствующая императрица живет в полном уединении. Она много занимается умными вещами, она много читает, много рассуждает о наших великих писателях, мало говорит...» Русский дипломат добавлял: «Она — жертва политики: у нее нет славы и популярности в общественной жизни и счастья в личной».

Казалось бы, и этих поводов Пушкину было достаточно, чтобы ответить на вызов — вызовом. Но были и другие тайные мотивы, зашифрованные в строке «Любовь и тайная свобода...».

О какой любви писал поэт? Какую свободу он имел в виду?

«Утаенная любовь»

В день открытия Царскосельского лицея торжество посетила императорская чета. Елизавета Алексеевна покорила всех — от лицеистов до профессоров. В ее облике величие сочеталось с простотой и неподдельной искренностью. Однако в глазах ее была заметна затаенная печаль, и держалась она несколько отстраненно от супруга и свиты. Во время обеда императрица запросто подошла к лицеисту Корнилову, тот хотел было встать, но Елизавета удержала его легким прикосновением и спросила:

— Карош суп?

Мальчик так смутился, что ответил невпопад:

— Oui, monsieur!

Все рассмеялись. Корнилова потом долго дразнили «monsieur».

С тех пор Пушкин не раз видел Елизавету Алексеевну, чаще всего она гуляла в саду в сопровождении фрейлины. Однажды в темном коридоре флигеля, где находились покои фрейлин, Саша услышал шорох платья и легкие шаги, появилась неясная фигура дамы. Пушкин бросился к ней, но... обо-знулся. Уже на другой день немолодая фрейлина княжна Вол-конская пожаловалась государю, а тот выговорил директору лицея Е. А. Энгельгардту: «Что ж это будет? Твои воспитан-ники не только снимают через забор мои наливные яблоки... но теперь уже не дают проходу фрейлинам жены моей». Воз-можно, муж догадался, что поцелуй предназначался вовсе не фрейлине...

И вот в юношеских стихах Пушкина появился возвышен-ный образ, который нельзя соотнести ни с одной из возлюб-ленных поэта. Особенно часто такие строки встречаются в стихах 1816 года, когда венценосные супруги жили в Цар-ском Селе:

Одну тебя в неверном вижу сне...

Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый...

А вот и некоторые узнаваемые черты:

Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица.

Это никак не почтенная Е. А. Карамзина, и не смуглянка Бакунина, которыми Пушкин увлекался в эту пору. Чудес-ные глаза и белоснежная кожа запомнились всем, кто видел Елизавету Алексеевну.

Наконец, через год, Пушкин признался близкому другу в любви к недостижаемому божеству:

Я знал любовь, но я не знал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.

И наконец, еще через год назвал ее по имени:

Елисавету втайне пел...

Пушкин был невоздержан на язык. Он часто и много говорил о своих серьезных романах, легких увлечениях и амурных похождениях. Но только не об этой «утаенной любви». В известном «донжуанском списке», составленном самим Пушкиным, лишь одно имя зашифровано литерами NN. Хронологически оно приходится как раз на царскосельский период. Елизавета Алексеевна была единственной, чье имя поэт не мог открыть даже намеком. По крайней мере, при жизни императрицы. Да и не хотел поминать ее имя всуе, тем более в легкомысленном списке, в ряду прочих женщин. Она была — из ряда вон.

«Тайная свобода»

К о времени создания «Ответа на вызов...» в России уже сложилась оппозиция существующей власти, действовал «Союз спасения», затем образовался «Союз благоденствия» — предвестники тайных обществ, подготовивших восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Когда-то сам будущий император Александр I был в оппозиции к своему отцу. Великий князь Александр с близкими друзьями мечтал о конституционной монархии, освобождении крестьян, но это была отчасти игра в заговорщиков; при дворе кружок великого князя Александра в шутку прозвали «якобинской шайкой».

В начале царствования Александра I встречи молодых реформаторов стали регулярными, теперь их кружок называл-

ся «Негласным комитетом». Однако реформы были робкими, а результаты весьма скромными. Постепенно Александр все более отдалялся от государственных дел: реформатору Сперанскому он предпочел «эффективного менеджера» Аракчеева. Царь много разъезжал по стране и за рубежом и, по меткому замечанию современника, правил Россией «с почтовой коляски».

Наконец нежелание царя проводить реформы стало очевидным, и тогда сформировалось движение, оппозиционное к бывшему оппозиционеру.

Всех «несогласных» той поры именуют декабристами. На самом деле далеко не все просвещенные и свободолюбивые люди входили в названные тайные союзы, и уж совсем немногие ратовали за уничтожение монарха и монархии. Существовало много более умеренных просветительских «вольных обществ», таких, как «Зеленая лампа», которую посещал и Пушкин. Наконец, идеалы просвещения и свободы проповедовали в многочисленных масонских ложах. Одна из лож была основана с разрешения государя и названа в честь молодой императрицы «Елизавета к добродетели». «Елизаветинские масоны» носили звезду с вензелем императрицы, ложа славилась щедрой благотворительностью.

В творческой среде сложился своего рода культ почитания Елизаветы Алексеевны. Князь Вяземский писал, что она «единственный человек в семье», — так обычно переводят эту фразу с французского. А можно перевести «le seul homme de la famille» как «единственный мужчина в семье». Это будет вернее, исходя из стилистики текста, изобилующего остроумиями, да и по существу: внешне хрупкая прелестная женщина обладала завидным мужеством, которое позволяло ей выживать в непростых обстоятельствах да еще поддерживать мужа, а он частенько в этом нуждался.

Сокрытые до поры силы и возможности Елизаветы усматривали в ней и люди научного склада. Незадолго до нашествия Наполеона известный ученый Паррот, хорошо знавший семью императора, прислал Александру I секретную записку: он предлагал, в случае отъезда императора в армию, провозгласить Елизавету Алексеевну регентшей. «У нее высокий дух, верное видение вещей», — писал ученый.

Александр I не последовал совету Паррота. Но императрица и без того много сделала во время Отечественной войны для раненых, сирот и обездоленных. Она следовала за императором в заграничном походе 1813 года, буквально в арьергарде наступающей русской армии. Знаменитая французская писательница мадам де Сталь, ознакомившись с благотворительной деятельностью Елизаветы Алексеевны, назвала ее «ангелом-хранителем России».

В 1820 году, когда тучи сгустились над головой Пушкина, к императрице обратился Карамзин с просьбой заступиться за опального поэта. Вероятно, благодаря ее участию Пушкин отправился не в Сибирь, а в южную ссылку.

Тогда же состоялось тайное собрание «Союза благоденствия» на квартире Федора Глинки, полковника генерального штаба и поэта. Стихи он писал так себе, но человек был достойный. У Глинки обсуждался главный вопрос: быть России республикой или оставаться монархией? Все решительно выступали за республику, и только Глинка стоял за монархию, но при условии, что на трон будет возведена Елизавета Алексеевна. Свою позицию он обосновывал тем, что императрица умна, образованна, в ее окружении есть толковые люди, например ее секретарь Лонгинов, получивший образование в Англии. Простой народ привык к заздравным молитвам в честь Елизаветы, а люди сведущие смотрели на нее как «на страдательное лицо из всей царской фамилии, всегда брали в ней особенное участие, и поэтому, смело можно сказать, все сердца на ее стороне». Вдобавок России не привыкать к женскому правлению, почти весь прошлый век правили императрицы. А главное, что у Елизаветы нет наследников, это дает в будущем возможность мирного перехода к республиканскому правлению.

Глинку не поддержали, но он не отступился и стал активным членом «Общества Елизаветы», в которое входил и секретарь императрицы Лонгинов. По просьбе «елизаветинцев» императрица оказала благотворительную помощь одному несчастному семейству. Об этом было объявлено в журнале общества «Соревнователь Просвещения и Благотворения», а сам Глинка добавил стихи:

...О, милосердная! Здесь все тобой одной
 Живет, и чувствует, и дышит —
 И часто в тишине ночной
 Создатель о тебе сердец моления слышит.

Позднее к мнению Глинки присоединился декабрист барон Владимир Штейнгель. Незадолго до восстания он убеждал руководителей, «что в России республика невозможна, и революция с этим намерением будет гибельна... Если же непременно хотят перемены порядка, то лучше признать царствующею императрицей Елизавету Алексеевну...». Утром накануне восстания он принес подготовленный им манифест, который оканчивался такими словами: «...нам осталась мать в Елизавете. Виват — Елизавета Вторая и Отечество!» Штейнгеля на этот раз поддержали Сергей Трубецкой и Гавриил Батеньков, но переубедить остальных они не смогли...

В общем, с именем Елизаветы Алексеевны связывали надежды на либеральные перемены. Так думал и Пушкин, когда писал о «тайной свободе».

И все они ошибались. Императрица всегда и во всем поддерживала мужа, даже в таких жестоких экспериментах, как создание военных поселений. Правда, она была либеральнее в своих литературных оценках, милосерднее к простым людям. Но ее страшила сама возможность революции или дворцового переворота. Память об ужасных обстоятельствах свержения Павла I пугала императрицу всю жизнь.

Была ли она столь же верна императору в семейной жизни?

Коварство и любовь

Брак Александра и принцессы Баденской, в православном крещении — Елизаветы, устроила бабка, Екатерина II. Жениху было тогда шестнадцать лет, невесте всего четырнадцать. Даже по тем временам этот брак считался слишком ранним. А проще говоря, они были почти детьми, но столь прелестными, что их тотчас окрестили — Амур и Психея.

Старик Державин откликнулся на помолвку стихами в стиле рококо:

Амуру вздумалось Псишею
Резвяся поймать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.
Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него;
А он как будто бы робеет
От случая сего.

Между женихом и невестой вспыхнула влюбленность со всеми неизменными приметами: замиранием сердец, трогательными записочками, первым неумелым поцелуем...

Искушенная в делах любви бабушка решила подготовить жениха и направила к нему опытнойшую свою фрейлину. 28 сентября 1793 года Александр и Елизавета стали супругами. То ли урок пошел не впрок, то ли молодые действительно были не готовы к физической близости, но их интимная жизнь, мягко говоря, не заладилась. Только пять лет спустя у них родилась дочь, которая прожила меньше года. Вероятно, после этого муж окончательно охладел к супруге. Но они все-таки любили друг друга, каждый по-своему. Александр — с чувством явного превосходства и, конечно, со свойственной ему тягой к актерству. Она — с обожанием и готовностью все принять и все простить.

Молодых спланивало и сложное положение при дворе. Им приходилось лавировать между Екатериной и родителями Александра — великим князем Павлом Петровичем и его супругой Марией Федоровной. Во время царствования Павла I ситуация стала еще напряженней...

Но вот Александр сам вступил на престол и произнес двусмысленную фразу: «Все будет как при бабушке!» Многие поняли это как поощрение распушенности.

Доходило до полной дикости: брат царя великий князь Константин решил отомстить своей неприступной возлюбленной самым мерзким образом. Он обманом заманил ее в свою резиденцию и изнасиловал. Затем беспомощностью

дамы воспользовались его адъютанты, камердинер и лакеи. Бедная женщина умерла. Дело было замято, император объявил, что цесаревич Константин никакого касательства к оному инциденту не имел. Может, кого-то вердикт императора убедил, но только не жену Константина — великую княгиню Анну Федоровну: она уехала за границу и больше не вернулась.

Александр I тоже пустился во все тяжкие. За короткое время император удостоил своим вниманием графиню Бобринскую и нескольких французских актрис. Он уже пресытился неискушенностью жены и теперь отдавал предпочтение дамам более опытным. Вскоре император увлекся красавицей Марией Нарышкиной. Ее супруг получил сразу две должности: официальную — обер-егермейстера и неофициальную — «снисходительного мужа». Говорили, что при назначении начальника охотничьего хозяйства Александр I шепнул любовнице: «Я наставил ему рога, поэтому поручаю ему своих оленей».

Эта многолетняя связь была у всех на виду, о ней доносили иностранные дипломаты. Нарышкина, дама, что называется, без комплексов, даже сообщила Елизавете Алексеевне о своей беременности, когда еще признаки были незаметны. «Каким бесстыдством надо обладать?!» — писала униженная Елизавета Алексеевна матери.

Александр I, конечно, нашел себе оправдание: «...так как союз наш заключен в силу внешних соображений, без нашего взаимного участия, то мы соединены лишь в глазах людей, но перед Богом оба свободны».

Елизавете Алексеевне было всего двадцать три года, но она почувствовала себя немолодой, одинокой и усталой женщиной... Так продолжалось до тех пор, пока в начале 1803 года она не встретилась взглядом с молодым кавалергардом, дежурившим в тот день в охране дворца. Что привлекло ее? Может быть, та же затаенная, нездешняя печаль в глазах, какую видели и в ее взоре.

Его звали Алексей Охотников, он был из семьи богатых воронежских помещиков. В 1801 году он поступил в Кавалергардский полк, через год произведен в поручики. Позднее получил должность казначея полка и чин штаб-ротмист-

ра. Охотников часто появлялся в светских гостиных, на балах и приемах. Как и многие его товарищи, он иногда нес караульную службу во дворце. Наконец Алексея начали узнавать в высшем свете, его запомнил император.

Внимание к нему императрицы перевернуло всю жизнь Охотникова. Теперь во всякую свободную минуту он мчался туда, где мог хотя бы мимолетно увидеть Елизавету Алексеевну. Когда она ехала на прогулку в коляске, он как будто случайно несколько раз попадался ей навстречу. Если гуляла в парке, то вдруг обнаруживала вырезанные на стволе дерева слова: «Я был здесь, чтобы видеть вас». Если же они встречались на людях, это была сладкая мука — они замечали друг друга, но не могли прямо смотреть в глаза. Иногда Елизавета Алексеевна бешено ревновала. Однажды на бале Охотников оживленно беседовал с красавицей Натальей Загрязской (будущей тещей Пушкина), а бедная Елизавета Алексеевна украдкой кусала губы.

Императрица кратко описывала свои встречи с Охотниковым в дневнике:

«После обеда я случайно глянула из окна диванной комнаты на набережную, когда он проезжал, он не мог меня видеть, я заметила только его плюмаж и узнала коляску... Но это мгновение произвело во мне извержение вулкана, и часа два потом кипящая лава заливала мое сердце...»

«Пасхальной ночью... по дороге в церковь очаровательный взгляд, говорящий как никогда, глаза сияли... они впервые как будто говорили: Ах, я вновь вижу вас — а вы разве меня не видите?.. Этот язык глаз был столь ясен, что он не мог не думать того, о чем глаза говорили.»

Летом Елизавета Алексеевна решила избавиться от пагубной страсти, запретила себе не только смотреть, но и думать об Охотникове. Но, промучившись полтора месяца, сдалась: «Прелестен (подчеркнуто в дневнике. — С. М.), прощай борьба, продолжавшаяся 6 недель, один этот миг сделал напрасными все мои страдания».

Этот роман взглядов, тайных знаков и затаенных вздохов продолжался почти два года. В дневнике императрица называла его *Vosdu* — может быть, оттого, что он был живительным *воздухом*, которым она не могла надышаться.

Кавалергарда век недолог...

В 1805 году русская армия во главе с императором выступила в заграничный поход, в том числе и Кавалергардский полк. Но Охотников остался в столице — его назначили интендантом, он закупал для полка провиант и амуницию и только иногда ездил в действующую армию. Вероятно, это назначение объясняется еще и тем, что Алексей, по свидетельству полковых лекарей, страдал «грудной болезнью» — чахоткой. Елизавета Алексеевна знала об этом, всегда с грустью отмечала в дневнике, когда он плохо выглядит, и ликовала, когда он имел здоровый вид. Это придавало их отношениям оттенок обреченности.

С той поры между влюбленными началась регулярная переписка, а затем и тайные свидания. Чаще всего летом, когда императрица жила во дворце на Каменном острове или в Таврическом. Ночью Охотников забирался в окно императрицы, они проводили вместе несколько часов, а под утро любовник спускался вниз. Только примятые цветы под окнами любимой могли бы выдать его.

Когда свидания были невозможны, они засыпали друг друга нежными письмами. В них Алексей называл возлюбленную «мой Бог, моя Элиза», «моя маленькая жenuшка»... Удивительно, что роман императрицы так долго оставался секретом. Об этом знали только две фрейлины и сестра Елизаветы, принцесса Амалия. Но случилось то, что должно было случиться, — в 1806 году императрица понесла. Когда признаки беременности стали очевидными, тайна открылась императору, его сестре, брату и матери — они-то знали, что Александр I давно забыл дорогу в спальню жены. Но дальше этого круга молва не пошла.

Трагическая развязка наступила незадолго до родов. Вечером четвертого октября Охотников вышел из театра. В это время к нему быстро подошел неизвестный, нанес быстрый удар кинжалом и тотчас смешался с толпой. Раненого в карете привезли домой, уложили на постель. Скоро явил-

ся доктор, осмотрел рану, сделал перевязку. Рана показалась ему неопасной, но врач ошибся. Возможно, и хроническая болезнь подтачивала силы раненого.

История не получила широкой огласки, ходили слухи, что Охотников был ранен на дуэли. Цесаревич Константин Павлович приказал не возбуждать следствия по этому делу. А штабс-ротмистру предложили подать прошение об отставке.

Есть полуполюгендарное свидетельство, что Елизавета Алексеевна посетила раненого возлюбленного: «Они оба заплакали, обрывочные слова сквозь рыдания были свидетельствами их общей муки. В последнем усилии молодой человек схватил ее руку и покрыл жгучими поцелуями, в то время как, склонившись над ним в порыве глубокого отчаяния, Елизавета видела лишь милые черты, искаженные страданием...»

Через месяц после ранения Алексей Охотников стал отцом — Елизавета Алексеевна родила девочку, нареченную также Елизаветой. А еще через три месяца Охотников умер. Скоро над его могилой на Лазаревском кладбище Александрово-Невской лавры появилось скульптурное надгробие: под сломленным деревом плачет женщина с погребальной урной, ее лицо прикрыто покрывалом...

Александр I признал родившуюся девочку своей дочерью. Никто не слышал, какая гроза бушевала тогда в царской семье. Елизавета Алексеевна всю свою любовь перенесла на Лизоньку. Но несчастья продолжали преследовать мать — девочка прожила чуть больше года. Императрица словно окаменела от горя.

Кто же направил руку убийцы? Скорее всего, заказчиком преступления был цесаревич Константин Павлович. Так он вступился за честь брата-императора. Но были у него и другие мотивы. Елизавета Алексеевна никогда не скрывала своего презрительного отношения к грубому и жестокому деверю; она всегда защищала и поддерживала его несчастную жену Анну Федоровну. Злопамятный Константин давно мечтал свести с нею счеты, разве мог он упустить такой случай!

Прощание с NN

Шли годы. Царственные супруги сохраняли дружеские, часто доверительные отношения. Елизавета Алексеевна по-прежнему была опорой для государя. А ему было от чего горевать: его реформаторская деятельность не состоялась, а реализованные проекты рухнули, военные поселения бунтовали, восстал его любимый Семеновский полк, доносили о тайных обществах и зреющих заговорах. Это было тяжелое прозрение для самолюбивого государя — Россия его не любит!

Когда Александр I болел, Елизавета Алексеевна не отходила от его постели. Самым тяжелым ударом для них обоих стала смерть от чахотки дочери Софьи, рожденной от Нарышкиной. Императрица и сама привязалась к Сонечке, это была и ее утрата. Совместное горе, как в былые времена, сплотило супругов. «Я наказан за мои грехи», — признался Александр. А Елизавета в эти дни писала: «Стоит мне полюбить кого-нибудь, как Бог отнимает его у меня».

Елизавета Алексеевна всегда болела как-то тихо, незаметно, словно не желая беспокоить окружающих. К 1825 году ее состояние всерьез встревожило врачей, они опасались, что осень и зиму в столице она не перенесет. Надо было везти больную на юг, в Италию или во Францию. Александр неожиданно выбрал захолустный Таганрог на берегу Азовского моря. В конце сентября семья обосновалась на этом, с позволения сказать, курорте.

Здоровье императрице укрепилось. Она была счастлива, оттого что почти всегда была с мужем. «Все свитские, радуясь такой семейной жизни государя с императрицей, называли их между собою молодыми супругами», — вспоминал очевидец.

Но и эта скромная радость длилась чуть больше месяца. Во время поездки в Крым император подхватил лихорадку и через двадцать дней умер. «Я не понимаю себя, не понимаю своей судьбы, — писала Елизавета Алексеевна, — мне ничего не нужно, ничто меня не интересует, у меня нет никаких желаний».

Она устала жить.

На обратном пути, в уездном городе Белёве Тульской губернии, Елизавета Алексеевна тихо скончалась во сне.

Она завешала передать свои дневники историку Карамзину, с которым у нее были доверительные отношения. Она не хотела, чтобы ее любовь навсегда канула в Лету. Но Карамзин только что умер, и все бумаги доставили новому императору Николаю I. В спальне покойной императрицы обнаружили письма Охотникова, его портрет и прядь его волос. Царь сжег все бумаги, но перед этим дал прочитать письма Охотникова жене, императрице Александре Федоровне. Она, в свою очередь, выписала отрывки в свой дневник.

Благодаря этим выпискам, воспоминаниям современников, посвященных в тайну, и двум чудом сохранившимся фрагментам дневников самой Елизаветы Алексеевны была восстановлена эта романтическая и печальная история...

...В 1829 году Пушкин ехал на Кавказ. Он сделал большой крюк, чтобы заехать в Белёв. Там поэт посетил дом купцов Дорофеевых, где скончалась Елизавета Алексеевна, и долго стоял над склепом, в котором покоилась часть ее останков. Может быть, тогда родились строки, опубликованные год спустя:

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса...
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Так Пушкин простился с загадочной NN, не узнав ее главной тайны.

Что скрывал Толстой-Американец

Федор Толстой по прозвищу Американец еще при жизни сделался человеком-легендой. Его любили, им восхищались, его боялись и ненавидели. Он послужил прототипом персонажей «второго плана», как теперь сказали бы, в произведениях отнюдь не второстепенных — в «Горе от ума» и в «Евгении Онегине».

Детство, отрочество, юность

Родовое древо графов Толстых напоминает тот знаменитый дуб из «Войны и мира». И чем удаленнее простирались ветви от ствола, тем беднее становились семьи, мельче их поместья. Семья нашего героя владела имением в Кологривском уезде Костромской губернии. Отец его вышел в отставку генерал-майором, зажил помещиком, избирался предводителем кологривского дворянства. Женился он на девице из рода Майковых, у них родилось семеро детей, три мальчика и четыре девочки. Сын Федор появился на свет 6 февраля 1782 года.

Сызмальства Федя был отменно здоров и буен, рассказывали о его склонности к жестоким забавам. Только отец, человек военный, мог до поры обуздывать Федин дикий нрав. Впоследствии Лев Толстой утверждал, что дикие наклонности — родовое свойство Толстых.

Но вот настало время учиться и служить. Федор Толстой поступил в Морской корпус в Санкт-Петербурге. Но служить отправился не на флот, как следовало, а почему-то был зачислен в гвардейский Преображенский полк. И тут его безудержная натура проявилась в полной мере — попойки, карты, дуэли.

Надо сказать, в те годы среди молодежи, особенно военной, было в моде молодечество. Удалец пренебрегал опасностью, презирал традиции и правила, ни в грош не ставил жизнь и достоинство окружающих за исключением близких приятелей.

Таким *enfant terrible* был и Федор Иванович Толстой. Его облик покорял каким-то демоническим обаянием: он был невысок, но крепок, смуглолиц, темные волосы вились крупными кудрями, черные глаза блестели, когда он бывал оживлен и весел, но в минуты гнева в них страшно было заглянуть. Дуэлистом он считался опаснейшим, потому что стрелял из пистолета без промаха, владел шпагой не хуже Севербека — известного учителя фехтования, и столь же искусно рубился на саблях. Он вспыхивал от малейшей обиды, но сам злословил и сплетничал постоянно; мог мгновенно пуститься в самое отчаянное предприятие, но становился хладнокровным за карточным столом и под дулом пистолета.

Довольно скоро Федор Толстой сделался столичной знаменитостью. Похоже, он упивался славой, самоутверждаясь все новыми подвигами. Как это часто случается, ему приписывались и отчаянные поступки, которых он, скорее всего, не совершал. Например, рассказывали, что он летал на воздушном шаре с французским воздухоплавателем Ж. Гарнереном. На самом деле с французом поднялся в воздух генерал С. Л. Львов, и этот полет считается началом русской авиации.

Начальство смотрело на буйство молодежи сквозь пальцы, но лишь пока это не касалось самих начальников. Федор

Толстой переплюнул всех! Какой младший офицер не хватает, что плюет на полковника? И только подпоручик Толстой в прямом смысле «наплевал на полковника Дризена», как писал современник. Скандал привел к дуэли. Не известно, что произошло дальше — состоялся ли поединок и чем он закончился? Последствия «наплевательского отношения» могли превратить подпоручика в рядового.

Выход был найден самый неожиданный. Как раз в это время завершались приготовления к кругосветному плаванию шлюпов «Надежда» и «Нева» под общим руководством И. Ф. Крузенштерна, «Невой» командовал капитан Ю. Ф. Лисянский. На флагмане «Надежда» плыл и камергер Николай Петрович Резанов (тот самый романтический герой рок-оперы «"Юнона" и "Авось"»), он должен был установить торговые отношения с Японией и посетить русские владения близ берегов Америки. В свиту посла входили несколько «молодых благовоспитанных особ», в том числе кузен и тезка бедового подпоручика — Федор Петрович Толстой, тоже выпускник Морского корпуса, а ныне талантливый художник. Он не переносил качки и вообще не любил моря. В ход были пущены родственные связи, и место «благовоспитанной особы» чудесным образом занял другой Толстой, Федор Иванович, сохранив при этом офицерский чин и гвардейский мундир.

Робинзон или Мюнхгаузен?

7 августа 1803 года «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта в первое в истории русского флота кругосветное плавание. Перед экспедицией стояло несколько важнейших задач — военных, политических, экономических, научных. Но в памяти потомков остался в основном подвиг русских мореходов, совершивших кругосветное путешествие.

В связи с тем, что экспедиция должна была доставить посольство в Японию и необходимые грузы колонистам Русской Америки, заходы в порты и время стоянок следовало свести к минимуму. Однако в силу разных причин плавание,

и без того изнурительное, сильно затягивалось. Вынужденное безделье и эксцентричный характер Федора Толстого сделали его сущим наказанием для всей экспедиции. Как вспоминала его родственница, он «перессорил всех офицеров и матросов, да как перессорил! Хоть сейчас же на ножи!». Выходки Толстого, если верить рассказам о нем, приобрели какой-то дикий, необузданный характер.

Рассказывают, что корабельный священник отец Гедеон был слаб на вино. Федор напоил его так, что батюшка уснул на палубе. Тогда озорник стянул у капитана печать и припечатал поповскую бороду к палубе. Когда же батюшка проснулся и захотел встать, Федор прикрикнул:

— Лежи! Видишь, государева печать!

— Помоги, Феодор! — взмолился поп.

— Как? Разве что бороду укоротить... — усмехнулся Толстой.

— Режь! — вздохнул Гедеон.

Сказано — сделано: была борода, стала бороденка.

На острове Нукагива в Тихом океане корабль посетил туземный король. Федор издевался над ним, бросая палку в море с криком «Апорт!», и монарх, рассчитывая на вознаграждение, послушно приносил палку.

На корабле была сообразительная обезьяна, и Федор Толстой учил ее разным штукам. Однажды он привел ее в каюту Крузенштерна, положил лист бумаги поверх записей капитана и начал марать лист чернилами. Потом убрал измазанный лист и вручил чернильницу обезьяне. Она тут же повторила действия человека. Записи капитана оказались испорченными.

Крузенштерн сразу догадался, кто виновник этой проделки. Он долго терпел выходки Толстого, но теперь не выдержал и высадил Федора на одном из островов у берегов Америки с небольшим запасом провианта.

Утверждали, что с ним увязалась и обезьяна, которая будто бы была ему больше чем подругой. По другим рассказам, оказавшись на острове, новоявленный Робинзон ее съел.

На этом острове жили, естественно, дикари. Сначала они будто бы решили гостя зажарить и съесть, но потом передумали и провозгласили своим царем. Там Федор Толстой

изукрасил все тело татуировкой по местной моде. Впоследствии он всегда с удовольствием показывал всем желающим татуировку на руках и груди, а если просили показать всю картину в целом, никогда не отказывал — желающие удалялись в отдельную комнату, где Американец демонстрировал наглядные доказательства своего прозвища.

Однажды новый Робинзон заметил вдали корабль, зажег костер и тем привлек к себе внимание моряков. На этом корабле он перебрался на Камчатку, оттуда на материк и через всю Расею-матушку — где на оленях, где на лошадях, а где и пешком — добрался до Санкт-Петербурга. В это самое время будто бы в столице устроили пышный бал в честь завершения кругосветной экспедиции, и Толстой явился туда в каком-то диком наряде поздравить благодетеля Крузенштерна. По другим рассказам, Толстого-Американца задержали на заставе и сразу отправили в крепость, так как жалобы на него достигли уже столицы...

Эти байки о Толстом-Американце и сегодня кочуют по страницам периодики, появляются порой и в серьезных изданиях. А творил легенды о себе сам Толстой, его друзья и близкие разносили их по гостиным Москвы и Санкт-Петербурга. Одиссея Американца обростала все новыми сюжетами и интригующими подробностями.

Но в этих фантазиях графа был и тайный умысел. Некоторые стороны знаменитого похода до сих пор известны немногим. Было что скрывать и Крузенштерну с Лисянским, и Федору Толстому.

Что скрывал Американец

Дело в том, что экспедиция снаряжалась по инициативе Русской Американской компании, крупнейшим акционером которой был сам император Александр I, поэтому государство предоставило и корабли и деньги. А камергер Резанов ко всему прочему являлся одним из директоров компании. Экспедиция должна была доставить в русские владения необходимые грузы, а оттуда забрать пушнину. Диплома-

тическая и административная миссии Резанова, его высокий чин (камергер приравнивался к действительному статскому советнику, а по военной табели — к генералу) ставили его в исключительное положение. Поэтому камергеру поручалось общее политическое и экономическое руководство экспедицией, а отчасти — и морское, например, решения о заходах в порты капитаны должны были решать совместно с Резановым. Полномочия Резанова за подписью императора были предъявлены Крузенштерну еще на кронштадтском рейде, однако капитан скрыл это от своих офицеров.

Неловкое положение Крузенштерна и Лисянского можно понять: «Надежда» и «Нева» были военными кораблями и шли они под Андреевскими флагами, на судах действовал военно-морской устав, согласно которому вся полнота власти на борту принадлежит капитану. Это верно лишь отчасти: согласно уставу, когда на корабль прибывает командующий флотом, верховная власть переходит к нему. Но Крузенштерн, по-видимому, считал унизительным для себя делить власть с сухопутным начальником. Вдобавок и капитан Лисянский ревновал к своему начальнику — Крузенштерну. Правда, оба капитана дружно объединялись против Резанова.

Резанов долго не вмешивался в дела капитанов, пока не вскрылись серьезные недостатки подготовки и командования экспедицией.

У берегов Бразилии оказалось, что на «Неве» необходимо заменить две мачты. Впоследствии и на «Надежде» приходилось устранять течи. Эти суда были приобретены Лисянским в Англии как довольно свежие, построенные два года назад. Но встреченные французские моряки опознали в «Надежде» и «Неве» гораздо более старые английские шлюпы «Леандра» и «Темза», вдобавок побывавшие в плену у французов. Лисянский отказался дать Резанову объяснения по этому поводу. Замена мачт на «Неве» заняла почти полтора месяца, были и другие вынужденные остановки. В результате миссия Резанова в Японию и в русские владения в Америке задерживалась. Ну а кому могло понравиться, если офицеры бывали настолько пьяны, что Крузенштерну приходилось самому вставать к штурвалу? В общем, Резанов считал, что экспедиция под угрозой. Но Крузенштерн отвечал на претензии Резанова:

нова своеобразно — притеснением не только его, но и спутников камергера, вплоть до запрета выходить из своих кают. Каково это было перенести в южных широтах, при скучном и однообразном питании! Резанов находился в напряженном ожидании новых бед, нервы начали сдавать, в каюте камергера постоянно находился кто-нибудь из его свиты.

«Благовоспитанная особа» Федор Толстой предал своего непосредственного начальника, принял сторону Крузенштерна и больше всех публично поносил Резанова. Не Толстой «перессорил всех офицеров и матросов», он только с жаром вмешался в драматический конфликт. То была его стихия! Вообще из всех офицеров экспедиции только лейтенант Головачев и штурман Каменщиков заступались за камергера. Кульминация наступила у Гавайских островов. Капитан и офицеры потребовали, чтобы Резанов явился на своего рода суд и предъявил свои полномочия руководителя экспедиции. Камергер поначалу отказывался. Федор Толстой порывался бежать в каюту Резанова, чтобы притащить его силой, но буяна удержали. Наконец Николай Петрович вышел к офицерам и зачитал инструкции императора. Ему и тут не поверили: императору, мол, что ни подsunут, он все подпишет! Посыпались оскорбления и угрозы. Это смахивало на мятеж.

Резанов больше не покидал своей каюты до самого порта Петропавловска-на-Камчатке. Там он сразу обратился к губернатору. Состоялось разбирательство, Крузенштерн признал свою вину. Оба капитана и офицеры явились к Резанову с извинениями. И камергер всех простил — исключительно в целях завершения экспедиции. Простил даже Толстого, но сам Крузенштерн «сдал» своего сторонника, посадил на берег и отослал домой сухим путем. Н. П. Резанов писал Александру I: «...причиною была единая ревность к славе, ослепившая умы всех до того, что казалось, что один у другого оную отъемлет. Сим энтузиазмом, к несчастью своему, воспользовался подпоручик граф Толстой по молодости лет его... Обращая его к месту своему, всеподданнейше прошу Всемилостивейшего ему прощения...»

Вместе с Толстым сошли на берег еще двое путешественников из свиты Резанова — живописец Курляндцев и док-

тор ботаники и медицины Брыкин, они уже так натерпелись, что не верили в «исправление» Крузенштерна и его команды. Еще в самом начале конфликта доктор Брыкин писал другу: «После тех наглостей, которые сделаны капитаном Крузенштерном Николаю Резанову и которые я не намерен вам описывать, потому что вы и без того их узнаете, должно опасться нам, которые придерживаются законной стороны...» Возвращались Курляндцев и Брыкин, разумеется, отдельно от Толстого.

Затем Резанов на «Надежде» отправился в Японию, а после окончания переговоров отпустил суда в дальнейший путь. Сам же отправился к берегам Америки, где задержался надолго по делам Русской Американской компании. Ему пришлось буквально спасать поселенцев от голода, налаживать снабжение всем необходимым. Для этого он купил у американцев корабль «Юнона» и на нем отплыл в Калифорнию. Там и произошла романтическая история, послужившая основой для рок-оперы «Юнона» и «Авось». Впрочем, подлинные приключения командора Резанова далеки от сценической версии и заслуживают отдельного рассказа.

Он возвращался в Санкт-Петербург посуху. В столице Резанова ожидали графский титул, возвышение... Но еще в Сибири силы оставили его, он заболел и умер.

Кругосветное путешествие продолжалось. Резанов простил всех. А простили ли его? Офицеры буквально затравили лейтенанта Головачева, защищавшего законного руководителя экспедиции. Он застрелился у себя в каюте, завещав передать свой портрет Н. П. Резанову со словами: «Он будет знать, для чего я это делаю».

Первое кругосветное плаванье завершилось триумфально. Крузенштерн и Лисянский были увенчаны заслуженной славой. Н. П. Резанов навсегда упокоился на кладбище в Красноярске. Наш Робинзон явился в Санкт-Петербург гораздо раньше «Надежды» и «Невы», если не с комфортом, то без особых лишений. В Сибири его видели в исправном виде, в гвардейском преображенском мундире. Уже там он поразил слушателей своими фантастическими рассказами. А в столице напустил еще больше туману. Собственно, установленной истиной является лишь его плаванье на «Наде-

жде». Татуировку ему сделал на острове Нукагива местный татуировщик — он два дня без устали трудился на «Надежде», нашлось много желающих запечатлеть на себе экзотические узоры. Но Толстой, по словам знакомого, «во всем любил одни крайности. Все, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее». Поэтому он велел татуировать все тело. Прodelки с отцом Гедеоном не было, потому что священник пребывал постоянно на «Неве», а на флагман являлся всего пару раз и ненадолго. Кстати, капитан «Невы» Лисянский притеснял Гедеона так же, как Крузенштерн — Резанова. «Капитан Ю. Ф. Лисянский и мичман В. Н. Берх — люди нрава беспокойного, — писал о. Гедеон, — много мне причиняли обид, от коих лекарством моим было великодушное терпение». И далее перечислял оскорбления и богохульства, «многократное воспрещение в воскресные и господские праздники отправлять службу Божию...». Что довольно странно для командира, флотского офицера да к тому же сына нежинского протоиерея Лисянского...

История с обезьяной особенно будоражила воображение современников. Есть много людей, которые «ради красного словца не пожалеют мать-отца». Но Толстой являлся редкостным типом, который с удовольствием злословил и о себе самом. В его чудовищную развращенность верили. Верил Пушкин, когда писал в эпиграмме на Толстого: «Развратом изумил четыре части света». Верили даже родственники. Лев Толстой в «Воине и мире» наделил Долохова некоторыми чертами Американца, и в раннем варианте романа этот персонаж признается Анатолю Куракину: «Я, брат, обезьяну любил: все то же...» О связи Американца с обезьяной писали сыновья Льва Толстого, Илья и Сергей, правда, с оговоркой «говорят, что...». В действительности, думается, отношения Американца с обезьяной не зашли дальше прodelки с бумагами Крузенштерна.

Много передавалось рассказов о том, как Толстого задерживали на заставе столицы, как его разжаловали в солдаты или переводили в гарнизоны крепостей. Однако по документам служба графа проходила гладко, его повышали в чинах вплоть до отставки по собственному прошению. Хотя не исключено, что Толстого временно командировали в другие

полки или гарнизоны, в его же интересах — пока не уляжется очередной скандал. Вот и свою кругосветку Толстой завершил в том же чине, в каком начал. Только с прозвищем Американец.

Кому война, а кому мать родна

Людям беспокойным, мятущимся натурам необходимо дело, которое захватило бы их всецело. Таким делом для Толстого была война. Как раз в это время началась война со Швецией, которая была лишь эпизодом большой общеевропейской войны. Неизвестно каким образом, но Американец оказался адъютантом у князя М. П. Долгорукова, командующего Сердобским отрядом. Князь знал Толстого и прежде, поэтому называл его просто Федей. Отношения между ними установились почти приятельские. Толстой, конечно, выполнял необходимые штабные обязанности, но иногда участвовал в боях и вылазках.

15 октября 1808 года Долгоруков приказал Толстому с отрядом казаков захватить мост и завязать со шведами перестрелку до подхода основных сил. Операция прошла блестяще.

В тот же день Долгоруков был убит вражеским ядром. Он стоял буквально в нескольких шагах от Толстого. Адъютант с другими офицерами отнесли его на руках с поля боя. Толстой поклялся не смывать кровь командира и друга со своего мундира.

Он продолжил воевать в составе своего Преображенского полка. Однажды его послали в разведку. Он исследовал пролив Иваркен и нашел удобный проход для корпуса Барклая де Толли, в результате чего была одержана крупная победа. За военные заслуги в этой кампании Толстой был награжден орденами Св. Владимира с бантом и Георгиевским крестом 4-й степени.

Но как только кампания закончилась и полк ушел на зимние квартиры, опять начались попойки, карты и дуэли. Современникам особенно запомнились две, последовавшие одна за другой, — с капитаном генерального штаба Бруно-

вым и с молодым прапорщиком Александром Нарышкиным, между прочим, сыном обер-церемониймейстера.

Чаще всему виною был язык Толстого, злой и несдержанный. Казалось, острое словцо вылетало из него, как пуля, минуя сознание. Так, он сболтнул какую-то пошлость о сестре Брунова. Они стрелялись, Брунов погиб.

Вскоре играли в карты. Толстой держал банк. Прикупая карту, Нарышкин попросил туза. «Изволь!» — воскликнул Толстой и, обнажив руку по локоть, показал ему кулак. Тогда кулак называли иногда тузом, отсюда выражение «тузить», то есть бить. Тотчас последовал вызов. Офицеры пытались их примирить, даже сам Толстой извинился перед Нарышкиным. Но юноша ответил: «Будь на его месте другой, я бы согласился. Но он привык властвовать страхом. Надобно драться». Уже встав к барьеру, юноша сказал: «Знай, что, если не попадешь, я убью тебя, приставив пистолет ко лбу!» — «Когда так, так вот тебе!» Толстой выстрелил и попал в бок Нарышкину (другие говорят, что в пах). Рана была смертельной, Нарышкин умер.

Опять пошли толки, что Толстой заточен в крепость, потом разжалован в рядовые. Никаких подтверждений тому нет. Доподлинно известно только, что гвардии капитан Ф. И. Толстой попросился в отставку и 12 октября 1811 года был «уволнен от службы», правда, без чина и мундира.

Но скоро грянула «гроза двенадцатого года», и Толстой вступил в московское ополчение. Почти сразу оказался он на Бородинском поле. Тут много неясного. Даже близкие друзья писали, что он «надел солдатскую шинель, ходил с рядовыми на бой с неприятелем и получил Георгиевский крест 4-й степени». Впоследствии в застольных куплетах его воспевали так:

А вот и наш Американец!
В день славный под Бородиным
Ты храбро нес солдатский ранец
И шеголял штыком своим.

То есть Толстой изображался как рядовой пехотинец. Герой куплета сидел тут же за столом и не возражал. Так он

творил еще одну легенду о себе: разжалованный и лишенный всех чинов рядовой ополченец в считанные месяцы дослужился до полковника.

Что в бой ходил — в том спору нету. Но не слишком ли большая роскошь — зачислять храброго и заслуженного капитана рядовым пехотинцем? На самом деле Толстой был принят командиром батальона 1-го Егерского полка Московской Земской силы в чине подполковника. Полк сразу отправился на Бородинское поле, где вошел в корпус Н. Н. Раевского.

Все разночтения о чинах Толстого и названиях полков объясняются просто: в Бородинской битве офицеры гибли сотнями; уцелевших назначали в другие полки, на месте повышали в должностях (но не в чинах — чины и награды догоняли героев много месяцев спустя). Героем показал себя и Толстой. Н. Н. Раевский писал о нем М. И. Кутузову вскоре после сражения: «Командуя баталионом, отличною своею храбростью поощрял своих подчиненных, когда же при атаке неприятеля на наш редут ранен Ладожского полка шеф полковник Савоини, то вступя в командование полка, бросался неоднократно с оным в штыки и тем содействовал в истреблении неприятельских колонн, причем ранен пулею в ногу». Раевский просил для Толстого чина полковника. Командующий ополчением генерал-лейтенант И. И. Мороков со своей стороны представил Толстого к награждению орденом Св. Владимира, который граф уже имел.

Раненный в ногу навывлет, Американец оказался в обозе. На въезде в Москву подводы с ранеными встали, сгрудились. Толстой заметил знакомого офицера, скачущего с донесением в город, и окликнул его. Вместо жалоб и просьб Толстой предложил:

— Мадеры хочешь? — и только.

Знакомый кое-как вывел его повозку на свободный путь и поскакал дальше.

После лечения в госпитале Толстой вернулся в строй. Сражался под Красным и Оршей. После окончания войны вышел в отставку окончательно в чине полковника.

«На свете нравственном
загадка»

Отставной полковник граф Толстой-Американец зажил в Москве, завел крупную карточную игру, обычно успешную. Рассказывают, он умел быстро понять тактику противника за карточным столом, оценить его эмоциональное состояние, а сам при этом оставался невозмутимым. Ну, и ловко передергивал, конечно.

— Ведь ты играешь наверняка? — спросил кто-то из своих напрямик.

Толстой усмехнулся:

— Только дураки играют на счастье!

Другому приятелю он признался, что в большой игре с ним участвуют «шавки», подручные. Они умело обрабатывали жертву, давали поначалу выиграть, а потом «раздевали» на десятки тысяч!

Какой-то смелый человек однажды сказал Толстому:

— Граф, вы передергиваете, я с вами больше не играю!

На что Американец ответил:

— Да, я передергиваю, но не люблю, когда мне это говорят. Продолжайте играть, а то я размозжу вам голову этим шандалом.

Смельчак струхнул, опять взял карты... и продолжал проигрывать.

Шальные деньги граф тратил на кутежи, цыган и свои знаменитые застолья. Стол у него был из лучших в Москве, он слыл тонким гастрономом. Продукты неизменно закупал самолично, знал мельчайшие приметы свежей дичи и рыбы. Например, выбирая живую рыбу в садке, он указывал на ту, что сильнее бьется:

— Подай-ка мне, братец, эту рыбку — в ней жизни больше!

Граф Толстой входил в шуточный «орден пробочников». «Пробочниками» были Вяземский, Батюшков, Денис Давыдов и Василий Львович Пушкин, дядя А. С. Пушкина. За столом не только лилось вино и сменялись блюда, но и звучали веселые куплеты.

Все искрится — вино и шутки!
Глаза горят, светлеет лоб,
И зачастую в промежутке
За пробкой пробка хлоп да хлоп!

Да, этот человек, наводивший ужас на одних, умел быть товарищем и интересным собеседником для других. Как писал о нем Жуковский, «был добрым приятелем для своих друзей». Ценил поэзию, его близкими знакомыми, кроме названных, были поэты Дмитриев, Батюшков, Шаликов, а впоследствии и Пушкин. Князь П. А. Вяземский был особенно с ним близок и набросал такой стихотворный портрет:

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого как лихорадка
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай...

Другую меткую характеристику дал ему Грибоедов в комедии «Горе от ума», в монологе Репетилова:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку не чист:
Да умный человек не может быть не плутом...

Рукопись комедии ходила по Москве в списках, и как-то раз ее показали Толстому. Он посмеялся, но сделал исправления. Вместо «сослан был» написал «черт носил», пояснив: «Сослан никогда не был». Слова «крепко на руку не чист» исправил на «в картишках на руку не чист»: «А то подумают, что табакерки со стола ворую!»

После гибели Грибоедова комедию поставили в театре. На одно из первых представлений пришел и Толстой. Вот Репетилов начал свой монолог, и все зрители напряглись, уставившись на Американца. Когда Репетилов закончил, Толстой

встал и, словно отвечая на обвинение, что «не может быть не плутом», обратился к залу:

— Взятки, ей-богу, не брал, потому что не служил!

Его реплика была встречена аплодисментами.

Но то, что дикий граф с улыбкой просил Грибоедову и близким приятелям, могло дорого обойтись человеку мало-знакомому. Однажды в гостях у Нашокина кто-то напомнил Толстому грибоедовские строки «ночной разбойник, дуэлист». Глаза Американца блеснули тем самым огнем, который заставлял трепетать мужчин и женщин. Он подошел к говорившему и спросил:

— Не правда ли, я черен?

— Да! — едва вымолвил незнакомец.

Все ждали, что сейчас последует пощечина или вызов. Но Толстой неожиданно заявил:

— А перед своей душою — совершенный блондин!

Все рассмеялись и вздохнули с облегчением. Прав был поэт Е. А. Баратынский, так описавший свое первое впечатление об Американце: «Занимательный человек! Смотрит добряком, и всякий, кто не слышал про него, ошибется».

Где «страстей кипящих схватка», там и дуэли. Часто драмы разыгрывались за карточным столом, а завершались у барьера. Рассказывали такой анекдот: один поэт, остряк и кутила, получил вызов. Тут же за карточным столом Толстой метал банк. Поэт попросил Американца быть его секундантом. Стреляться должны были наутро. Поэт уехал отсыпаться перед поединком, а Толстой передал кому-то колоду карт и вышел искать обидчика поэта... Утром поэт заехал за Толстым и нашел его спящим.

— Вставай, пора ехать! — позвал он.

— Не нужно. Я его уже убил, — пробурчал сонный граф.

Оказалось, еще вчера он влепил пощечину противнику поэта, стреляться решили тотчас, сели на тройки и поскакали за город. Там Толстой подстрелил несчастного и вернулся — одни говорят, что он продолжал преспокойно метать банк, другие — что завалился спать.

Где еще кипят страсти? Конечно, в цыганском таборе, в цыганском хоре. Однажды Толстой увлекся прелестной плясуньей Пашенькой Тугаевой из хора Соколо-

ва. Как положено, выкупил ее у хора и привез к себе. В ту пору такие отношения русских дворян с цыганками были нередки. Друг Пушкина — П. В. Нашокин в это же время жил с певицей Ольгой Солдатовой из соколовского хора. Но союзы эти были непрочны; цыганками увлекались — но ненадолго, да и свет предавал их анафеме. У Толстого с Евдокией Максимовной — таково настоящее имя Пашеньки — вышло иначе.

И на старуху бывает проруха — Толстой проигрался, да так, что ни отдать, ни занять. Вот-вот выставят на «черную доску» в клубе. А это позор для дворянина, тем более для такого игрока, как Толстой. Лучше пулю в лоб! Пашенька заметила, давай выпрашивать:

— Что с тобой, граф?

— Что ты лезешь? Ну, проигрался! Выставят на черную доску, а я этого не переживу!..

Пашенька не отставала и выведала, сколько денег он должен. Съездила куда-то и привезла деньги. Толстой удивился:

— Откуда ты достала столько?

— Откуда? Да от тебя! Разве ты мало мне дарил?! Я все прятала, а теперь возьми их, они твои...

После этого граф и цыганка обвенчались. После свадьбы, по обыкновению, поехали с визитами. В некоторых домах их не приняли. Толстой навсегда порвал отношения с этими снобами.

В 1821 году у графа и цыганки-графини родилась первая дочь. Ее назвали Саррой. С этих пор характер Американца начал понемногу смягчаться. Только проклятый язык подводил по-прежнему.

Враг, друг и сват

В литературном салоне князя А. А. Шаховского распространилась сплетня: будто бы Пушкина забрали в полицию или в тайное отделение и там высекли. Это была выдумка Толстого-Американца. Клевета дошла до Пушкина, когда он был уже в Южной ссылке. Очень скоро он узнал, кто

был автор поклепа. Поэт был в таком отчаянии, что чуть не покончил с собой. Не имея возможности сейчас же стреляться с обидчиком, Пушкин ответил эпиграммой:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он, — слава Богу —
Только что картежный вор.

Эпиграмма не была напечатана. Несколько позже Пушкин написал немного другой вариант и вставил эту злую карикатуру в послание к Чаадаеву. Стрела достигла цели, Толстой был уязвлен и ответил также эпиграммой, не слишком изящной, но грозной:

Примером ты рази, а не стихом пороки,
И вспомни, милый мой, что у тебя есть щеки.

Пушкин не страшился поединка с Толстым. Потому что вообще ничего не боялся и потому что верил пророчеству гадалки, говорил друзьям:

— Этот меня не убьет. Меня убьет белый человек...

Пушкин готовился к предстоящей дуэли, упражнялся в стрельбе, всегда носил тяжелую железную трость, чтобы укрепить кисть руки.

Наконец в 1826 году Пушкин вернулся из ссылки в Москву и в тот же день послал своего друга С. А. Соболевского секундантом к Толстому. К счастью, графа тогда не оказалось в Москве. Тот же Соболевский первым хлопотал, чтобы примирить Толстого с Пушкиным. Приняли близкое участие в этом деле многие друзья поэта. Возможно, решающим было влияние Жуковского — Толстой очень дорожил дружбой с Василием Андреевичем, дуэль с Пушкиным наверняка рассорила бы графа с Жуковским, Вяземским и многими его приятелями.

Примирение состоялось, и оно было искренним. Пушкин часто встречал Толстого в компании друзей и находил его общество занятым, признавал его ум. Сохранилась записка подгулявшей компании, подписанная в том числе и Пушкиным: «Сейчас узнаем, что ты здесь, сделай милость, приезжай. Упитые вином, мы жаждем одного тебя». Граф тотчас примчался, да не пустой, а с наливкой.

Отчего бы им не сойтись, в самом деле? В сущности, Пушкин и Толстой были схожи. Оба потомки славных, но обедневших семейств. Оба обладали бешеным темпераментом, но оба умели сохранять хладнокровие в решающую минуту. У Пушкина, между прочим, тоже был острый язык, который принес ему немало неприятностей. Поэтому, когда Пушкин решил свататься к Наталье Гончаровой, он просил быть его сватом Толстого. А чем не сват? Знатнейшего рода и к тому же старинный приятель Гончаровых. Сватовство не назовешь удачным, но Пушкин был доволен уже тем, что не получил отказа. Впоследствии в письмах к жене поэт называл Американца «наш сват».

Но верно говорили в старину: не выбирай невесту, выбирай свата. Можно ли поручать такую миссию человеку сомнительных нравственных качеств? Может, тут завязался мистический узел грядущей трагедии Пушкина?

Мотив отложенной, но неотвратимой дуэли Пушкин изобразил в рассказе «Выстрел», а образ главного героя — дуэлиста Сильвио навеян характером и поступками Толстого. Много точных характеристик графа содержится и в портрете Зарецкого из «Евгения Онегина»:

...Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный...

А вот, наверное, подлинное отношение Пушкина к Толстому:

Он был не глуп; и мой Евгений,
Не уважая сердца в нем,
Любил и дух его суждений,
И здравый толк о том о сем...

Вообще же из литературных произведений, в которых изображен Федор Толстой-Американец можно было бы составить объемистую антологию. Взять хотя бы графа Турбина из рассказа Льва Толстого «Два гусара»: «Уж я тебе говорю, это тот самый дуэлист-гусар, ну, Турбин известный... Саблина он убил, Матнева он из окошка за ноги спустил, князя Нестерева обыграл на триста тысяч. Ведь это какая отчаянная башка, надо знать! Картежник, дуэлист, соблазнитель; но гусар душа, уже истинно душа!»

Время грешить и время каяться

Перемена в поведении Толстого-Американца становилась все заметнее. В карты он играл теперь преимущественно в Английском клубе и других благородных собраниях, где шельмовать было недопустимо — он стал светским человеком и начал дорожить репутацией. Дуэлей избегал, но любил демонстрировать меткость в стрельбе. Герцен писал, что однажды, когда у графа пировали гости, он приказал жене встать на стол и прострелил каблук ее башмачка. Если раньше Толстой обожал, как писал Пушкин о Зарецком,

Друзей поссорить молодых
И на барьер поставить их, —

то теперь часто примирял противников. Бывало, давал зарок не пить, однажды полгода не брал в рот хмельного. Тем не менее продолжал участвовать в застольях. Как-то раз, возвращаясь с пирушки на санях с Денисом Давыдовым, он попросил гусара-поэта:

— Голубчик, дыхни на меня, хоть понюхаю винца!

Правда, когда Толстой пил, то пил в свое удовольствие, преимущественно шампанское или бордо. Однажды за столом ему посоветовали редкую закуску:

— Возьми, Толстой, вот увидишь, весь хмель отобьет!

Граф отказался:

— Нет уж, слуга покорный! За что же я два часа трудился?

К нему часто обращались как к знатоку дуэльного кодекса, своего рода эксперту в вопросах чести. Вообще он оказался очень сведущим в улаживании разного рода шекотливых дел, будь то дело чести, наследственное дело или имущественное. Много лет Толстой трогательно заботился о своем товарище, почти разорившемся и больном князе Федоре Гагарине. Когда-то Гагарин тоже был мот и повеса, каких мало. Во время войны 1812 года он поспорил, что доставит Наполеону два фунта чаю, и доставил! Наполеон великодушно отпустил храбреца. Но были у Гагарина и проделки в духе Толстого-Американца. Однажды на почтовой станции Гагарин заказал жареного рябчика, а сам вышел на минуту. Вернувшись, он увидел, что какой-то нахальный проезжающий уплетает его блюдо, хотя его предупредили, что это чужой заказ. Гагарин пожелал этому типу приятно аппетита, а затем под дулом пистолета заставил его проглотить еще одиннадцать рябчиков! У того чуть не сделался заворот кишок. Гагарин со смехом заплатил за дюжину рябчиков и укатил.

И вот теперь имение Гагарина оказалось расстроено, а сам он болен. Толстой долго хлопотал, чтобы сохранить для друга хотя бы остатки его состояния, даже заложил собственное имение, дабы сохранить поместье Гагарина. «Я сам на точке лишиться последнего верного куска, заложенного за князя Федора», — писал он Вяземскому.

Итак, наш герой, подобно пушкинскому Зарецкому, изменился:

Надежный друг, помещик мирный,
И даже честный человек,
Так исправляется наш век.

Немногие знали, что перемена была еще более резкой, и не без веских причин. «Я живу в совершенной скуке, грусти и пьянстве, — писал Толстой в 1828 году князю Гагарину. — Одна Сарра как будто золотит мое несносное существование; три месяца жена не оставляет болезненное ложе свое, родив мне третьего мертвого сына. Следовательно, надежда жить в наследнике похоронена с последним новорожденным.

Скорбь тебе неизвестная, но верь, любезный друг, что весьма чувствительная».

У Федора Ивановича и Евдокии Максимовны родилось двенадцать детей, они умирали в младенчестве, один за другим. Толстой, как Иван Грозный когда-то, завел синодик — поминальный список, куда вписал одиннадцать убитых им на дуэлях. После смерти очередного ребенка Толстой вычеркивал одно имя своей жертвы и писал на полях: «Квит».

В живых оставались две дочери — старшая Сарра и, немного младше ее, Прасковья. Обе были безмерно дороги отцу. Прасковья пошла вся в мать — цыганской породой и поведением, отец называл ее «мой цыганеночек». А Сарра вызывала восхищение и сострадание — она была душевно больной, но одаренной необыкновенно, в шестнадцать лет писала прекрасные стихи, отмеченные поэтами-современниками. А в синодике еще оставалось одно неотмщенное имя. Толстой каялся, молился на коленях до кровавых мозолей.

Но Сарра умерла от чахотки, ей было восемнадцать лет. На смерть девушки Жуковский написал стихотворение, в котором есть такие строки:

Высокая душа так много вдруг узнала,
Так много тайного небес вдруг поняла,
Что для нее земля темницей душевной стала,
И смерть ей выкупом из тяжких уз была.

В финале Жуковский изобразил духовное преображение безутешного отца:

Но в миг святой, как дочь навек смежила вежды,
В отца проникнул вдруг день веры и надежды...

Оплакав Сарру, Федор Иванович открыл свой скорбный синодик, подвел жирную черту под списком отмщенных жертв и крупно написал: «Теперь в расчете».

Он уж был не «черен», а совершенно сед, но волосы вились по-прежнему, и густые бакенбарды доходили до уголков рта. Окончательно рассеялся «мятежных склонностей дурман», даже в убеждениях графа Толстого появилась патриотическая

благонамеренность. Он, например, резко отзывался о «Мертвых душах» Гоголя, утверждая, что автор — «враг России» и что «его следует в кандалах отправить в Сибирь».

Федор Иванович Толстой-Американец умер в 1846 году, 64 лет от роду, хотя казался еще крепким нестарым мужчиной.

Злой рок не оставил и вдову графа. В 1861 году ее зарезал собственный повар. Это преступление наделало много шума. Повар сговорился с любовницей-служанкой убить и ограбить графиню. Лев Толстой упомянул этот случай в статье «Зачем люди одурманиваются»: «...когда он услал свою любовницу и наступило время действовать, он пошел было с ножом в спальню, но почувствовал, что трезвый не может совершить задуманного дела. “Трезвому совестно”. Он вернулся, выпил два стакана припасенной вперед водки и только тогда почувствовал себя готовым и сделал».

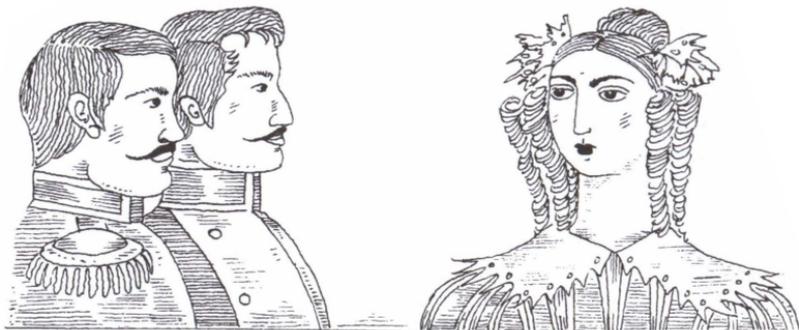
Одна лишь дочь Прасковья Федоровна прожила свой век безмятежно и счастливо. Она вышла замуж за высокопоставленного чиновника В. С. Перфильева, будущего московского гражданского губернатора и камергера двора. С этой семьей был очень близок Лев Толстой, называл их ласково: Васинька да Полинька. Некоторые черты образа Стивы Облонского из романа «Анна Каренина» напоминают характер и привычки Перфильева. После прочтения сцены в доме Облонских за утренним кофе Перфильев шутливо выговаривал автору:

— Ну, Левочка, целого калача с маслом я никогда не съедал. Это ты на меня уж наклепал!..

Дочь до конца своих дней защищала память отца, писала критические замечания на многочисленные «воспоминания» о нем. Правды не отрицала, а напраслину опровергала. И всегда держала в доме ручную обезьянку.

...И все-таки прозвище Ф. И. Толстого — Американец — противоречит его судьбе. В любой части света можно встретить человека авантюрного склада, известного дерзкими выходками. Но если он, нагрешив, начинает каяться, знайте, это истинно русский человек.

«Милая, добрая Бэла!...»

«Послушай, милая, добрая Бэла! — говорил он ей. — Ты видишь, как я тебя люблю...»

М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»

В раннем стихотворении «Черкешенка» Лермонтов набросал модный в ту пору романтический, условный образ кавказской красавицы:

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних скал.

А вот образ Бэлы из «Героя нашего времени» настолько живой, жизненный, что не покидает ощущение: Лермонтов встречался с настоящей «кавказской пленницей».

...Воспоминание раннего детства мучило ее всю жизнь. Ее звали Сатаней. Однажды в их ауле началась стрельба, загорелись сакли. Она с бабушкой и сестрой побежала к лесу. Бабушка

упала, сестра куда-то исчезла. А ее подхватил и посадил перед собой на коня бородатый казак.

Так Сатаней оказалась в станице Белореченской, в семье казака, где воспитывалась наравне с его детьми. Семилетняя девочка быстро выучилась говорить по-русски. Ее крестили, и стала она Екатериной.

Однажды к хате подошел офицер.

— Здравствуйте, ваше благородие, — приветливо поздоровалась Катя.

— Отец твой дома? — спросил гость.

— Дома, сейчас позову. Батя, батя!..

Офицер долго о чем-то говорил с хозяином. Приходил потом много раз...

Офицера звали Григорий Иванович Нечволодов. Некоторое время назад он был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ. Ему уже было под сорок, а он лишь недавно вернул себе офицерские эполеты. Судьба Нечволодова похожа на героико-авантюрный роман. Четырнадцатилетним недорослем он увязался за родным дядей, суворовским ветераном, а через четыре года и сам участвовал в итальянском походе, переходил через Альпы и Чертов мост, не раз сам Суворов благодарил безусого храбреца. Окончил он кампанию майором, с наградами исключительными для его чина и возраста. Но... Григорий Иванович дрался на дуэли со смертельным исходом, его противник был слишком знатен, чтобы дело было замято. Нечволодова лишили чинов, орденов и сослали в далекий городишко Колу. Он не вынес скуки и бежал в Англию. Жить было не на что, и Григорий Иванович завербовался волонтером в колониальные войска. Тут о нем прослышал русский посланник С. Р. Воронцов, пообещал заступиться и уговорил вернуться в Россию. Император Александр действительно помиловал Нечволодова, но орденов не вернул, их пришлось заслуживать сызнова.

Между войнами и походами вспыхнула страстная любовь Нечволодова к польской графине Тышкевич. Они поженились, но нечасто им удавалось быть вместе — муж воевал, был ранен и контужен, подлечившись, снова вставал в строй. В 1813 году Нечволодов опять в чине майора воевал в Павлоградском гусарском полку. Под Лейпцигом произвел

несколько блестящих атак, вскоре вернул себе прежние суворовские награды и получил новые.

И тут снова вмешалась судьба-злодейка: Григорий Иванович был азартный игрок (а кто тогда не играл!) и однажды просадил 17 тысяч казенных денег. Его опять разжаловали и направили на Кавказ, рядовым в Нижегородский полк. Военный министр писал при этом Ермолову, командиру Отдельного Кавказского корпуса: «Желательно, однако, чтобы Нечволодова не так скоро производили в чины».

Нечволодов и тут отличился в боях, так что сам Ермолов просил о его полном и безусловном прощении. Однако Нечволодова произвели только в прапорщики. Тогда хитрый Ермолов прикомандировал Григория Ивановича к линейным казакам, а у казаков свое начальство и свое чинопроизводство. И через четыре года Нечволодов вернул себе все награды и чин майора.

И вот, когда он служил с казаками, жена написала ему, что, поскольку детей у них нет, она хотела бы удочерить сироту, может быть, девочку-черкешенку. Тогда-то Нечволодов и обратил внимание на Катю. Не известно, как он сумел уговорить казака, но вскоре Катя переехала к нему на квартиру. Катя была живой и впечатлительной девочкой. Как и Григорий Иванович, она с нетерпением ждала приезда приемной матери. Вскоре графиня Тышкевич наконец приехала, и новая семья объединилась. Графиня полюбила девочку, а Катя так и сияла от радости, не отходила от приемной матери ни на шаг. Но общее их счастье длилось недолго. Нечволодову нужно было возвращаться в полк, который стоял в Кахетии. Дорога была долгой и тяжелой. По пути, во Владикавказе, его супруга графиня Тышкевич скорострительно скончалась от разрыва сердца...

Нечволодов с воспитанницей поселились в местечке Царские Колодцы, неподалеку от Караагача, где стоял Нижегородский полк. Катя сразу сделалась всеобщей любимицей и, как вспоминали, «дочерью полка в полном смысле слова». Среди офицеров-нижегородцев было немало блестяще образованных людей, Катю учили Лев Сергеевич Пушкин, младший брат великого поэта, ссыльные декабристы П. А. Бесту-

жев, Д. А. Искрицкий, А. Е. Рынкевич. А девочка оказалась на редкость прилежной ученицей.

Шли годы, Катя выросла. В 1830 году она стала женой Григория Ивановича Нечволодова. Летописец полка вспоминал: «Неравенство в годах не мешало их супружескому счастью, потому что все прошлое, пережитое ими вместе, делало их самыми дорогими существами друг для друга. На Нечволодова перенесла Екатерина Григорьевна ту любовь, которую питала к его покойной жене».

Дом Нечволодовых превратился в своего рода салон, где звучала музыка, читали стихи. Тут уютно себя чувствовали как ветераны, так и молодежь. Но особенно теплый прием находили здесь изгнанники — разжалованные и сосланные на Кавказ офицеры. Например, декабрист, поэт и князь Александр Одоевский, уже побывавший до этого в читинских рудниках и в ишимской ссылке. Офицер-нижегородец М. Розенгейм, впоследствии известный поэт, писал:

Да, помню я ваш дом, радушьем знаменитый,
Приют гонимых всех порою судьбой,
Для всех изгнанников приветливо открытый,
С его прекрасною хозяйкой молодой!

В доме Нечволодовых непременно бывали многие знаменитые люди, которых судьба занесла на Кавказ. Здесь был проездом в Арзерум А. С. Пушкин. А в 1837 году в Нижегородский полк был переведен из Петербурга М. Ю. Лермонтов за стихотворение «На смерть поэта». Вероятно, этот гость особенно запомнился Екатерине Григорьевне. Так поэт познакомился с настоящей черкешенкой — умной, образованной женщиной. Он проводил с нею много времени в беседах. О чем он спрашивал ее? Известно только, что Екатерина Григорьевна причастна к замыслу лермонтовского «Демона» и к образу горянки Бэлы из «Героя нашего времени».

После царского смотра Нижегородского полка Лермонтов был переведен обратно в гвардию. Как известно, ненадолго — через три года он опять был сослан на Кавказ, сменив гусарский ментик на мундир Тенгинского пехотного полка, в котором и был похоронен на Пятигорском кладбище.

Екатерина Григорьевна родила двух дочерей и надолго пережила супруга. Ее дом по-прежнему оставался открытым для офицеров полка и приезжих гостей. Отправляясь на учения или в поход и проходя мимо ее дома, военный оркестр всегда играл марш Нижегородского полка. Впоследствии и другие полки, квартировавшие в Царских Колодцах, следовали этой традиции.

Каждый год в день рождения М. Ю. Лермонтова Екатерина Григорьевна с дочерьми приезжала в Караагач, где был установлен памятник поэту. Его установил на свои средства грузинский поэт князь А. Г. Чавчавадзе. Он тоже служил в Нижегородском полку в 1837 году, хорошо знал и любил Лермонтова. А когда поэт погиб, Чавчавадзе решил увековечить его память. Екатерина Григорьевна с дочками клали к подножию памятника цветы, прибирали вокруг, потом некоторое время сидели рядом... И возвращались в Царские Колодцы.

Екатерина Григорьевна Нечволодова скончалась в 1887 году. Ее похоронили рядом с мужем. Офицеры провожали ее в последний путь с оркестром, но не траурной музыкой, а маршем Нижегородского полка.

Зверские истины «Скотного двора»

Помню, в начале 1980-х, когда советский колосс еще довольно крепко стоял на глиняных ногах, среди интеллигентной молодежи и студенчества не было более популярной книги, чем сатирическая повесть-сказка Джорджа Оруэлла «Скотный двор» (в других переводах — «Скотское Хозяйство», «Скотский Уголок», «Скотский Хутор», «Ферма животных», «Ферма Энимал», «Зверская Ферма»). Ее читали тайком, в самиздате, разумеется. Партийные идеологи объявили произведения Оруэлла антисоветскими, а самого автора — ярым антикоммунистом. Несмотря на запреты, цитаты из «Скотного двора» звучали так же часто, как остроты из всенародно любимых «Двенадцати стульев» и «Золотого тельника». Но конечно, сатира Оруэлла была не по «отдельным недостаткам», а по основам основ:

«Все звери равны, но некоторые равнее других» — таков был один из догматов социализма со скотским лицом. Читатели видели в нем изображение лицемерной касты советско-партийных бонз.

В литературе, как в жизни, ничего не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда. Одна идея наследует другой. Любая

история, в каком-то виде, уже была рассказана прежде. Вот и автор «Скотного двора» шел по следу предшественника. Кто же был его литературным предтечей?

Там русский бунт, там кровью пахнет

В последние годы жизни выдающийся русский историк Николай Иванович Костомаров написал фантастическую притчу «Скотской бунт». Костомаров и прежде писал прозу, но его сочинения были скорее литературными зарисовками из русской истории. Такого произведения, как «Скотской бунт», еще не знала наша словесность.

Поскольку издания «Скотского бунта» и сегодня очень редки, я кратко перескажу его содержание. Повествование ведется в форме письма малороссийского помещика своему другу о чудесном происшествии в их «хуторской глуши»: «События совершенно невероятные. Бунт, восстание, революция!» Местный скотник Омелько, который обладал удивительной способностью понимать язык домашних животных и птиц, с некоторых пор начал замечать у своих подопечных признаки непокорности. Скотник Омелько был человеком добрым, поэтому грешил излишним либерализмом, ибо считал, «что скоты показывают ума не меньше, как человек, а иногда даже и больше». И пока он рассуждал о разумном, добром и вечном, ситуация уже выходила из-под контроля.

Главным агитатором и пропагандистом выступил огромный бугай, настолько свирепый, что его выводили из стойла только в цепях. У некоторых быков, замечал рассказчик, как и у иных людей, «какая-то постоянная неукротимая страсть волновать без всякой прямой цели, смута для смуты, мятеж для мятежа, драка для драки... им хочется, чтобы вокруг них все бурлило, все шумело; при этом их восхищает сознание, что все это надделано не кем иным, а ими».

Речь бугая перед обитателями скотного двора содержала все те обвинения, под которыми и сегодня подписались бы защитники животных и вегетарианцы: беззащитных телят отнимают у коров и безжалостно убивают; волов изнуряют

непосильной работой, а выбившихся из сил тоже гонят на бойню — и так далее, и так далее... Жеребцы, также склонные к буйству, припомнили человеку свои, лошадиные обиды. Вобщем, все скоты и даже птицы были единодушны в оценке своих хозяев: «Тираны бессердечные! Не с нами одними они поступают таким образом; и промеж себя не лучше они расправляются! Один другого порабощает, один другого грызет, мучит... злая эта людская порода! Злее ее на свете нет. Всех зверей злее человек!»

Закончилась эта сходка яростным призывом: «Да здравствует скотство! Да погибнет человечество!»

Так вспыхнуло восстание, стада покинули пастбища и осадили господский двор. Свиньи успели проникнуть в сад и огород, потоптали цветники, разорили грядки. Но хозяин с сыновьями и слугами успели запереть ворота, оставив снаружи основную часть восставших. Внутри осажденного двора неблагонадежными оказались птицы — куры, гуси, утки, индюки и даже голуби, а также коты и кошки; хозяин опасался, что в минуту опасности они сыграют такую роль, «какую когда-то сыграл Мазепа с Петром Великим». Только собаки сохранили верность и преданность человеку.

В какой-то момент положение сложилось угрожающее, помощи ждать было неоткуда. Хозяин послал Омелько на переговоры с восставшими. Парламентер пытался образумить скотов, напомнил им, что сам Бог установил порядок подчинения домашних животных человеку. Но скоты заревели: «Какой такой Бог! Это у вас, у людей, какой-то есть Бог! Мы, скоты, никакого Бога не знаем!»

Переговоры зашли в тупик. Тогда хозяин приказал Омелько объявить скотам волю: отныне им предоставлялись в собственность поля и пастбища, но скотный двор для них становился чужим. Помещик рассчитывал, что холод и бескормица в конце концов приведут животных опять под власть человека.

Настала осень, а с нею пришли голод и первые заморозки. Животные оголодали, перессорились, передрались и, наконец, добровольно вернулись в свои загоны. Зачинщики беспорядков понесли суровую кару: бугая отправили на убой, жеребца кастрировали и запрягли в хомут для тяжелых работ.

Словом, все пошло по-прежнему. Но в последних строках письма помещик предупреждал друга: «Нельзя поручиться, чтоб в следующее лето или когда-нибудь в последующие годы не повторились виденные нами чудеса...»

Само собой, не могло быть и речи об издании этой антиутопии в России при жизни автора. Рукопись «Скотского бунта» обнаружили в бумагах Костомарова уже после его смерти в 1885 году. Она была опубликована только в 1917 году в журнале «Нива» после февральской революции, но еще до октября. Мрачное предсказание Костомарова начало сбываться: «...повторились виденные нами чудеса...» Но среди множества обличительных произведений, появившихся тогда в печати, «Скотской бунт» как-то затерялся, а последовавшие бурные события октября 1917-го и вовсе заслонили его. Наконец в 1991 году это произведение Костомарова вновь вернулось к читателям.

...И все дозволено?

Тема бунта животных далеко не нова. В народных картинках-лубках встречаются сюжеты о том, например, как «бык не захотел быть быком, да зделался мясником» и освежевал своего мучителя. Но это были пока еще перевертыши, нелепицы. Лишь когда появилось революционное движение, тема бунта животных обрела социальную остроту и политическое значение. Неслучайно Костомаров написал «Скотской бунт» на склоне лет. Можно сказать, что выдающийся историк шел к этому сочинению всю жизнь, преодолевая собственные заблуждения.

Николай Костомаров был незаконнорожденным сыном малороссийского помещика и крепостной украинской крестьянки. Отец собирался усыновить Николая, но все откладывал да так и не успел. Неясное происхождение принесло юному Костомарову много обид и трудностей, однако его способности и талант были замечены еще в студенческие годы. В молодости Николай Иванович придерживался народнических взглядов, был одним из создателей «Кирило-

Мефодиевского братства». Члены братства отстаивали украинскую самобытность, признавая при этом ведущую роль русской нации в семье восточнославянских народов, мечтали о создании общеславянской федерации. В 1847 году деятельность братства стала известна властям, все члены кружка были арестованы.

До сих пор иные ученые-историки утверждают, что «Кирило-Мефодиевское братство» было исключительно просветительским обществом и поэтому члены кружка пострадали незаслуженно. Это не совсем так. Достаточно внимательно прочитать некоторые положения «Статута» — устава братства:

«Принимаем, что каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное равенство сограждан...» — здесь ясно выражены республиканские убеждения членов братства. Идеалы свободы и равенства изложены и в следующей статье: «Общество будет стараться заранее (то есть в первую очередь. — *М. С.*) об искоренении рабства и всякого унижения низших классов». Несколько положений «Статута» устанавливают строгие правила конспирации: «...ежели бы какой член потерпел гонение и даже мучения за принятые обществом идеи, то, по данной присяге, он не выдает никого из членов, своих собратий. Каждый член общества может принять нового члена общества без необходимости сообщать ему об именах прочих членов».

Костомарова заключили в Петропавловскую крепость, где он провел около года, затем его «перевели на службу» в Саратов — то есть фактически отправили в ссылку, под надзор полиции, ему воспрещалось преподавать и издавать свои работы. Клеймо неблагонадежного преследовало историка еще долгие годы. Но в конце концов его блестящие исследования, книги и публичные лекции принесли всероссийскую славу и высокое положение в обществе.

Почему же, пройдя такой непростой жизненный путь, маститый профессор написал реакционное, как сказали бы советские идеологи, произведение, направленное против революционных преобразований в принципе?

Ответ спрятан в тексте «Скотского бунта»: «Уже с весны 1879 года у меня в имении между скотами разных наимено-

ваний начали показываться признаки сопротивления и непокорства...» Итак, 1879-й. Многие события потрясли русское общество в том году. Из революционного движения выделилась партия «Народная воля» и решительно встала на путь террора. Второго апреля террорист Александр Соловьев стрелял в императора Александра II, но промахнулся. Первого декабря боевики-народовольцы во главе с Софьей Перовской подорвали царский поезд, но император проехал на другом поезде, и пострадали ни в чем не повинные люди.

Еще одно событие осталось тогда никем не замеченным: в 1879 году в семье грузинского сапожника Джугашвили родился сын Иосиф...

Костомаров, старый историк, написавший одну из лучших своих книг о восстании Степана Разина, теперь ужаснулся нараставшей волне дикой, безнравственной стихии. Он как республиканец и демократ не отрицал права народов на протест и восстание, но его страшило презрение нравственных начал: «Мы, скоты, никакого Бога не знаем!» (Почти в то же время Федор Михайлович Достоевский выразил устами Смердякова то же, что тревожило Костомарова: Бога нет и все дозволено!)

Так появился «Скотской бунт».

Сказка — вздор, да в ней намек...

Оруэлл тоже долго и непросто шел к созданию фантастической сказки «Скотный двор». На самом деле автора звали Эрик Артур Блэр, он родился в 1903 году в Индии, в семье торгового агента, в его жилах перемешались английская и индийская кровь (как у Костомарова — русская и украинская). Учился Эрик в Англии, посещал привилегированный Итон-колледж. В двадцатых годах служил в колониальной полиции в Бирме. Он уехал из колоний убежденным противником империализма, причислял себя к социалистам, некоторое время состоял в Независимой рабочей партии. С конца двадцатых годов спецслужбы Британии установили за ним слежку. Агент британской разведки доносил позднее:

«У этого человека продвинутые коммунистические убеждения, и некоторые из его индийских друзей говорят, что часто видели его на собраниях коммунистов. Он богемно одевается как на работе, так и в часы досуга». В тридцатые годы Эрик начал писать прозу и публицистику, с 1935 года публиковал свои произведения под псевдонимом Джордж Оруэлл.

В 1936 году Оруэлл уехал в Испанию воевать с фашизмом на стороне республиканцев. Он сражался на Арагонском фронте, был опасно ранен — в горло (последствия ранения долго давали о себе знать). Но в целом его отношение к гражданской войне в Испании было неоднозначным. Он воевал в составе отряда ПОУМ — марксистской партии троцкистского толка. Поумовцы резко критиковали сторонников Сталина и в конце гражданской войны оказались не только врагами франкистов, но и противниками республиканцев; их ошельмовали, объявив тайными агентами фашистов. Оруэллу пришлось бежать из Испании. Он написал книгу «Памяти Каталонии» и очерк «Вспоминая войну в Испании». Однако грызня между социалистами вызвала в нем отвращение к политической деятельности. Он признавался: «Я определенно сочувствую “левым”, но убежден, что писатель может сохранить честность, только будучи свободен от партийных лозунгов».

Путь к советскому читателю был Оруэллу заказан задолго до опубликования «Скотного двора». В 1937 году редакция советского журнала «Интернациональная литература» заинтересовалась творчеством молодого прогрессивного, как считали в Москве, английского писателя. Оруэллу отправили письмо с просьбой прислать последнюю книгу. Оруэлл выслал книгу, а в сопроводительном письме честно написал: «Однако я хотел бы быть с Вами откровенным, потому я должен сообщить Вам, что в Испании я служил в ПОУМ, которая, как Вы несомненно знаете, подверглась яростным нападкам со стороны Коммунистической партии и была недавно запрещена правительством; помимо того, скажу, что после того, что я видел, я более согласен с политикой ПОУМ, нежели с политикой Коммунистической партии».

Редакция, как было заведено, переслала все материалы по Оруэллу в Иностраннный отдел НКВД. После консульта-

ции с органами в Лондон было отправлено письмо, в котором, в частности, говорилось: «...наш журнал не может иметь никаких отношений с членами ПОУМ, этой организацией, как это подтверждено всем опытом борьбы испанского народа против интервентов, <являющейся> одним из отрядов “Пятой колонны” Франко, действующей в тылу Респуб-ликанской Испании».

Да и в самой Британии убеждения Оруэлла не совпадали полностью ни с одной партийной платформой, он писал, что после Испании все его произведения были «прямо или косвенно против тоталитаризма и за демократический социализм, как я его понимал». При этом доктрина «демократического социализма» Оруэлла была загадкой даже для друзей писателя. Возможно, и для него самого. Не отрицая права народов на революцию, он в то же время пессимистично признавал: «Все революции неудачны, но они неудачны по-разному». Может быть, Оруэлл перефразировал известный афоризм Л. Н. Толстого: «Все несчастные семьи несчастливы по-своему...»?

В 1943 году, в разгар Второй мировой войны, Оруэлл начал писать «Скотный двор» — «сказку с политическим значением», как определил жанр этого сочинения сам автор. «Скотный двор» — тоже о бунте животных, но точнее все-таки — о революции, так как восстанию предшествовал довольно продолжительный этап подпольной агитации. Кроме того, действие сказки происходит на английской ферме, и таким образом предостережение Оруэлла адресовано всему миру. Главное отличие оруэлловской истории от костомаровской в том, что восстание английских скотов показано в развитии, вернее, в деградации: происходит постепенное перерождение демократической революции в диктатуру партийной верхушки. Эксплуатация животных человеком сменяется безжалостной эксплуатацией одних скотов другими. В «авангарде» революции выступали свиньи, они и стали избранной кастой. Читатель без труда узнавал в борове по кличке Старый Майор — Ленина, в Снежке — Троцкого, в Наполеоне — Сталина; вожди сменяли друг друга, режим ужесточался, пока не воцарилась полная диктатура свинства.

В финале мятежная ферма примиряется с враждебным окружением, то есть с соседскими фермерами. Хозяева-лю-

ди и хозяева-свиньи договариваются о принципах мирного сосуществования. Рядовые животные заглядывают в окна дома, где происходит эта историческая встреча, и видят, что их вожди выучились ходить на задних лапах, они хлещут виски, курят сигары, играют в карты и при этом жульничают, как люди... «Животные снаружи переводили взгляд от свињи к человеку, от человека опять к свињи, но кто был кем, различить было уже невозможно» — так оканчивается сказка «Скотный двор».

Финал как бы вырывается за рамки сюжета, позволяет заглянуть далеко в будущее. Если все предыдущее было зловещей сатирой на тоталитарный режим сталинского образца, то последняя сцена словно возвращает ситуацию к началу. Что теперь остается угнетенным и несогласным? Снова бунт, бессмысленный и беспощадный? Ведь призрак-то все бродит и бродит...

Рыцарь антисоветского образа

Сегодня это кажется странным, но у Джорджа Оруэлла возникли большие проблемы с опубликованием антисталинского памфлета «Скотный двор». Да, представьте себе, издатели отказывались печатать это произведение. Шел сорок четвертый год, правительство союзной Англии не хотело дразнить «старика Джо» — Сталина, а издатели боялись навлечь на себя гнев правительства. Только в 1945 году «Скотный двор» был напечатан. Появились переводы на многие языки, к автору пришла настоящая слава. Между прочим, одно из ранних переводных изданий появилось в Мюнхене в 1947 году на украинском языке, книга называлась «Кол-госп тварин» — «Колхоз скотов». Сказку выпустили большим тиражом и по-русски в качестве подрывной литературы — для распространения среди советских военных в советских зонах оккупации в Берлине и в Вене, для беженцев из СССР.

В 1949 году был опубликован роман Оруэлла «1984». Книга произвела на читателей впечатление, близкое к эмоциональному шоку, — западные читатели по-настоящему испугались

того будущего, которое предрекал автор. Самые яркие цитаты из этой книги — «Большой Брат следит за тобой», «новояз», «двоемыслие» и «мыслепреступление» — вошли в политический лексикон и в бытовую речь.

С этих пор за Джорджем Оруэллом закрепилась репутация бескомпромиссного антикоммуниста. Единственный человек, который не соглашался с этим ярлыком, был сам автор. Он заявлял: «Отрицать социализм из-за недостойного поведения людей, называющих себя социалистами, так же абсурдно, как не ездить по железной дороге из-за нехороших кондукторов». Но его никто так и не услышал. Писатель умер рано, в 1950 году, от туберкулеза.

«Список Оруэлла»

Шли годы, слава Оруэлла все возрастала, он был признан культовой фигурой в литературе XX века, его «Скотный двор» и «1984» вошли в избранные «десятки», «двадцатки» и так далее самых значительных произведений столетия.

И вдруг, в самое последнее время, репутация Оруэлла если не рухнула, то серьезно покачнулась. Оказывается, писатель долгие годы собирал своего рода досье на своих друзей и знакомых. В синюю записную книжку он заносил краткие сведения об их «благонадежности». Какими мотивами он руководствовался, мы можем только гадать. Но раз уж на сцене появилось такое опасное «ружье», оно должно было выстрелить.

Примерно за год до смерти Оруэлл лечился в санатории. Там его навестила давняя знакомая Селия Кирман, очаровательная дама из богемной среды. Эту женщину Оруэлл любил, три года назад даже сделал ей предложение, но получил отказ. Теперь она приехала к Оруэллу с важным поручением от секретных служб. Селия завела разговор, довольно обыкновенный для конца сороковых, который можно передать всего двумя словами: русские идут! В США уже развернулась тотальная «охота на ведьм». В Англии власти действовали деликатнее: собирали информацию о коммунистах и сочув-

ствовавших Советам; вели пропагандистскую антикоммунистическую кампанию, причем старались привлечь в качестве обличителей авторитетных деятелей левого фронта. Более значительной фигуры, чем Оруэлл, нельзя было найти. Специально созданная структура с неопределенным названием Отдел информационных исследований (ОИИ) направила свою новую служащую Селию Кирман склонить Джорджа Оруэлла к сотрудничеству.

Оруэлл в тот период разделял мнение, что коммунистическая угроза реально существует и с ней необходимо бороться именно пропагандистскими методами. Однако он отказался писать что-либо для ОИИ, ссылаясь на болезнь. Но тут же предложил ознакомить отдел со «списком Оруэлла». По словам Селии, это звучало так: «Я мог бы предоставить список журналистов и писателей, которые, по моему мнению, являются скрытыми коммунистами, попутчиками или склонны симпатизировать коммунистам, и по этой причине им не следует доверять как пропагандистам».

С этими словами он передал синюю книжечку мисс Кирман. Разумеется, он просил хранить их сотрудничество в тайне и вернуть ему книжку как можно скорее.

Навряд ли спецслужбы узнали много нового из «списка Оруэлла», но все-таки характеристики на 130 левых персонажей представляли очень важный материал. К тому же это был взгляд изнутри социалистического движения, позволявший ОИИ скорректировать свои методы.

Вот некоторые записи из синей книжки.

«ЧАПЛИН, Чарлз. (Англо-американец). (Еврей?). РАБОТА: фильмы.

ПРИСТЛИ Дж. Б. РАБОТА: писатель, радиоведущий... Очень симпатизирует коммунизму, возможно, у него есть какие-то связи с коммунистами. Настроен против США.

ШОУ, Дж. Б. РАБОТА: драматург. С коммунистами не связан, но настроен прорусски по всем основным вопросам».

Многим своим друзьям и знакомым Оруэлл щедро раздавал не столь политизированные, но более язвительные оценки: «выживший из ума либерал», «мягкотелый и дурак», «довольно глуп», «дура, но очень богата».

И хотя никто из упомянутых в синей книжице не пострадал, сам факт, согласитесь, неприятный. Многочисленные почитатели таланта Оруэлла были жестоко разочарованы. Конечно, у писателя нашлось немало горячих защитников, приводивших доводы в пользу правомерности поступка Оруэлла. Но этим только подливали огонь в вечный спор: оправдывает ли цель средства? А самого Оруэлла, увы, не спросишь о мотивах его поступка. Впрочем, может быть, вот это его высказывание даст ответ:

«Тот, кто понимает, на какую сторону в настоящий момент начинает крениться общество, обязан сделать все, что в его силах, чтобы восстановить равновесие и быть готовым сменить сторону, как это делает всегда Справедливость, эта вечная беглянка из лагеря победителей».

Что до меня, то я считаю, что Оруэлл совершил нравственный подвиг, искупающий если не все грехи, то многие. Этот искренний поборник демократического социализма безжалостно разрушил собственные идеалы и в «Скотном дворе», и в «1984» — чтобы предостеречь человечество от страшной опасности, которая и сегодня не снята с повестки дня. Так мог поступить только очень мужественный человек.

Жестокий роман-с

В 1882 году Иван Сергеевич Тургенев написал свою последнюю повесть, она называлась «После смерти» с подзаголовком в скобках: «Клара Милич». Несколько лет спустя юнкер Александр Куприн использовал тот же сюжет из реальной жизни в своем первом рассказе «Последний дебют». За публикацию этого рассказа юноша угодили на гауптвахту — начальство запрещало юнкерам печататься без специального дозволения. Нельзя, конечно, сравнивать повесть великого мастера и первый юношеский опус. Но их роднит образ главной героини — яркой творческой личности с трагической судьбой. Прототипом тургеневской Клары Милич и купринской Лидии Гольской была выдающаяся оперная певица и драматическая актриса Евлалия Кадмина. Русское театральное искусство конца XIX — начала XX века прославили великие актрисы — Ермолова, Яблочкова, Комиссаржевская; о них написаны тысячи книг и статей, их имена носят театры и другие творческие организации. Однако ни одна русская актриса не послужила прототипом для стольких рассказов, повестей, пьес и музыкальных произведений, как Евлалия Кадмина!

Что же это за женщина, что за судьба, тронувшая сердца стольких авторов, вдохновившая старого мастера на лебединую песнь и юное дарование на рискованный дебют?

Цыганочка с выходом

Невероятное событие всколыхнуло сонную Калугу: купец Павел Кадмин женился на цыганке. Слухи ходили разные.

— Он ее из табора выкрал! — говорили одни.

— Из Москвы привез, из цыганского хора выкупил, — уверяли другие.

И верно: взыграло ретивое, влюбился ухарь-купец и, по обычаю, выкупил девушку у хора, женился честь честью. Казалось бы, столько в Калуге купеческих дочек на выданье, и приданое за ними немалое, а он... Купцы даже обиделись на Кадмина, а ему и горя мало!

В 1853 году у Кадминых родилась третья дочка, Евлалия, а по-домашнему — Влаша. Она единственная уродилась в мать — смуглолицая, с большими черными глазами и темными вьющимися волосами. От матери ей достались и звонкий голос, и музыкальность. Правда, и цыганский норов тоже: она с детства была горда и непокорна.

Хоть и недалеко Калуга от Первопрестольной, а жизнь тут текла самым провинциальным манером. Досуги — чай до седьмого поту, картишки, пересуды. Из развлечений — пьянки, драки и пожары. Из культурных событий радовали только военный оркестр в городском саду по воскресеньям да редкие любительские спектакли. В общем, «скука смердячая», как выразился местный бытописатель.

Только летом, в деревне, Влаша словно оживала. Тут ей было привольно — и гулять, и играть, и петь простые деревенские песни.

Девочка-подросток опережала сверстниц в развитии, ее способности и таланты буквально рвались наружу. Родители всерьез задумались об образовании дочери. С превеликими

трудами удалось определить Влашу в московский Елизаветинский институт для «девиц благородного звания». Благодаря деньгам и хлопотам отца полуцыганка Влаша попала в «благородные».

Влаше понравилось учиться, она всегда была среди первых учениц. И Москва — яркая, звучная, суматошная — пришлась ей по сердцу. Но самым большим потрясением стало первое посещение Большого театра. В тот день давали «Руслана и Людмилу». Влаша не запомнила имен исполнителей, театр вошел в душу весь, сразу и навсегда.

В год окончания института, когда Влаше исполнилось шестнадцать лет, внезапно умер отец. Мать не умела вести дела, и будущность семьи оказалась под угрозой. И быть бы Влаше гувернанткой в богатом доме или компаньонкой при знатной старухе, если бы не счастливый случай.

Влаша много и с удовольствием пела, легко запоминала самые сложные арии, исполняла их, в том числе на институтских вечерах. На один из таких вечеров институтское начальство пригласило именитых гостей, и среди них — основателя и директора Московской консерватории Николая Григорьевича Рубинштейна. Выдающийся музыкант-педагог, «музыкальный хозяин Москвы», как его называли, сразу отметил красивый и выразительный голос Кадминой, яркую внешность и артистизм.

— Вам надо держать экзамены в консерваторию, вы способны стать незаурядной певицей, — сказал Рубинштейн девушке.

— Я бы с радостью, но у нас нет средств... — ответила Влаша.

— Я постараюсь выхлопотать для вас стипендию, — пообещал Николай Григорьевич.

Так неожиданно устроилась судьба Евлалии Кадминой: осенью 1870 года она приступила к занятиям в консерватории, а ее наставницей стала известная певица А. Д. Александрова-Кочетова — та самая Людмила из первого увиденного ею спектакля.

«Украшение
оперной труппы»

Московская консерватория была еще очень молода, она существовала всего четыре года, но уровень подготовки молодых музыкантов уже был чрезвычайно высок. Имена преподавателей говорили сами за себя: занятия по гармонии вел уже знаменитый П. И. Чайковский, классом декламации и сценического искусства руководил выдающийся актер Малого театра И. В. Самарин. Именно он развил в Кадминой способности драматической актрисы. Евлалия просмотрела весь репертуар Малого, иногда даже задумывалась: может быть, ее место на драматической сцене?

Уже в ученические годы Евлалия Кадмина начала выступать на вечерах в консерватории, а в мае 1872 года состоялся ее дебют на оперной сцене: учащиеся под руководством Самарина поставили оперу Глюка «Орфей», несколько представлений состоялось в зале Благородного собрания. Знатоки отметили прелестный голос Кадминой, теплый тембр, верность музыкальных интонаций; она пела и играла как состоявшаяся артистка. Особенно дорог ей был отзыв Чайковского: «Кроме своих вокальных преимуществ, г-жа Кадмина обнаружила в исполнении партии Орфея далеко не дюжинный талант, который позволяет надеяться, что ей предстоит блестящая будущность...»

На одном из представлений «Орфея» присутствовала императорская семья. Возможно, именно пение Кадминой помогло исправить бедственное положение консерватории: училищу была назначена правительственная субсидия.

Весной 1873 года Евлалия Кадмина окончила консерваторию с серебряной медалью — первая из выпускниц-вокалисток. Ее известность дошла и до дирекции Большого театра. Девятнадцатилетней артистке предложили выступить на сцене Большого в сборных концертах. В первом она исполнила партию Вани в сцене из оперы «Жизнь за царя» Глинки. Публика оценила ее выступление овацией и криками «Браво!» — еще никогда в Большом так не принимали дебютантку.

Присутствовавший на спектакле Чайковский писал: «Смотря на мастерскую игру молодой певицы, слушая ее глубоко прочувствованное пение, никак не верилось, что это была артистка, еще впервые появляющаяся на подмостках...» Во втором сборном концерте Кадмина пела в «Трубадуре» Верди, в третьем исполнила роль Леля в весенней сказке Островского «Снегурочка» на музыку Чайковского.

В честь представления «Снегурочки» Рубинштейн и Чайковский устроили пикник на Воробьевых горах (пьесу Островского публика не оценила, но музыка Чайковского имела большой успех). Мимо развеселой компании проходили местные мужики и бабы, их попросили спеть, и тут Кадмина оживилась и, как вспоминал участник пикника, «к голосам деревенских певиц присоединилось бархатное, богатое меццо-сопрано». Все это действительно напоминало ожившую сцену из «Снегурочки».

«Эта певица может послужить украшением оперной труппы», — писал рецензент после серии концертов с участием Кадминой. Так и произошло: осенью с ней был заключен контракт на два года и она стала артисткой Большого театра.

«Бешеная Кадмина»

Еввалия Кадмина вступила на прославленную сцену Большого театра с одним желанием: все силы, весь талант отдать искусству, публике. Ее ранний взлет и в самом деле был словно «комета дивной красоты», как написал о ней впоследствии А. В. Луначарский. Что ни роль, то триумф: Княгиня в «Русалке» Даргомыжского, Рогнеда в одноименной опере Серова, боярыня Морозова в «Опричнике» Чайковского, Ратмир в «Руслане и Людмиле» (в этом спектакле Еввалия пела со своей наставницей Александровой-Кочетовой). Голос певицы окреп, она овладела способностью эмоционально окрашивать его звучание; драматический талант получил полное развитие.

Овации, цветы, хвалебные рецензии — всего этого было у Кадминой в избытке. Но... Она была не удовлетворена, если не сказать — разочарована.

Русская опера в Москве, да и в России буквально боролась за существование. Значительная часть публики традиционно признавала только итальянскую оперу. Поэтому спектакли итальянской антрепризы составляли добрую половину репертуара. Еще примерно треть вечеров отводилась балетным спектаклям. А на долю русской труппы Большого театра доставался лишь один вечер в неделю. И, по правде говоря, на этих спектаклях всегда пустовали ложи, партер зиял пустыми креслами; только раёк неизменно заполнялся студентами и демократической публикой.

Дирекцию театра вполне устраивало существующее положение, как следствие — слабые актерские составы и неполный оркестр, отсутствие режиссуры и музыкального руководства. Впрочем, итальянская антреприза тоже весьма посредственно «отрабатывала» спектакли.

Кадмина тяжело переживала деляческое отношение к искусству, поэтому ее отношения с дирекциями, а впоследствии с театральными антрепренерами редко бывали мирными. Ее натуре был присущ какой-то подростковый максимализм, который порой принимали за капризы примадонны. И если что-то ее возмущало, в ней просыпался цыганский чертенок, она нарочно доводила ситуацию до предела.

Ранимая, обидчивая, она могла вспылить и наброситься даже на друзей. А потом горько раскаивалась, просила прощения при встрече или писала покаянные письма, подписываясь так: «бешеная Кадмина».

Она была из тех творческих натур, которые в принципе не способны к самоуспокоению. Постоянным источником неудовлетворенности был и собственный голос: красивое, но не сильное меццо-сопрано (иногда она исполняла и партии для контральто). Изредка рецензенты указывали на недостаточные голосовые данные, и артистка переживала эти замечания как настоящую катастрофу, забывая обо всех восторженных отзывах.

Несмотря на видимую общительность, большой круг друзей и знакомых, она, в сущности, была одинока. Она не могла или не хотела войти ни в высший свет, ни в общество творческой элиты. Ценила дружбу, встречалась, общалась, вела оживленную переписку, но... ни с кем не была по-настоящему близка. Душевный покой она чаще находила в простых интеллигентных семействах, в неспешных беседах за самоваром, в играх с детьми. Примадонна на сцене, она сторонилась этой роли в реальной жизни.

Личной, интимной жизни у Кадминой не было. Закулисные интрижки, навязчивые поклонники — все это было ей глубоко чуждо. Она как-то сумела отвести от себя многочисленных воздыхателей и жила схимницей. Никто не затронул ее сердца; за нее любили ее героини, и как любили!

Многие замечали в Кадминой — как в артистке и как в женщине — какое-то стихийное начало, неуправляемое, роковое. Чуть ли не все рецензенты писали, что она особенно хороша в трагических ролях. Чайковский видел в ней романтическую героиню и посвятил ей романс «Страшная минута», к которому сам написал слова. Увы, Чайковский-поэт не мог сравниться с ним же — композитором, но романс получился страстным, в несколько даже цыганском стиле:

Ты внимаешь, вниз склонив головку,
Очи опустив и тихо вздыхая!
Ты не знаешь, как мгновенья эти
Страшны для меня и полны значенья...

Рассказывают, что автор преподнес свое творенье Кадминой на товарищеском ужине московской музыкальной богемы. Евлалия, прочитав последние строки:

Иль нож ты мне в сердце вонзишь,
Иль рай мне откроешь, —

ответила в свойственной ей манере: положила на поднос нож и приказала лакею:

— Отнеси господину Чайковскому.

Зачем было так демонизировать образ Кадминой, дамы и без того неуравновешенной? Но так уж воспринимал композитор артистку и впоследствии писал: «Я хорошо знал эту странную, беспокойную, болезненно самолюбивую натуру, и мне всегда казалось, что она не добром кончит».

А сама Кадмина впервые исполнила этот романс на публике только через три месяца, и не известно, пела ли его впоследствии.

Положение певицы в Большом театре становилось нестерпимым. Из обещанных ей пятидесяти спектаклей в двух сезонах она выступила лишь в тридцати, считая и те, в которых она заменяла заболевших артисток, в том числе в итальянской труппе. Например, она в спешном порядке подготовилась и выступила в роли Анхен в опере Вебера «Волшебный стрелок». И публика, избалованная «итальянщиной», тем не менее наградила ее орденом.

Только в сборных концертных программах Кадмина могла блеснуть всеми гранями своего таланта. За два года она исполнила арии из опер Мейербера, Гуно, Томá, Доницетти, Россини, пела и в дуэтах, например со знаменитым итальянским тенором Э. Ноденом. Ей легко давались и комические, и лирические партии; она с наслаждением исполняла духовную музыку.

Как бы ни складывались ее отношения с театром, по крайней мере жалованья ей вполне хватало, она могла поддерживать мать и сестер. Сердце у нее было отзывчивое, она всегда откликнулась на чужую беду, безотказно выступала в благотворительных концертах: в пользу недостаточных студентов, общества гувернанток, голодающих разных губерний...

Однако независимость в театре — понятие относительное, и нет художника более зависимого, чем артист.

«Бродили смутные толки...»

Истекал двухлетний контракт Кадминой с Большим театром, возобновлять его певица не хотела.

В это время в Санкт-Петербурге русская опера занимала более достойное положение. В распоряжении русской труппы был Мариинский театр. Правда, и эту сцену музыканты делили с драматическими артистами, но все-таки три-четыре спектакля в неделю давали постоянно. Оркестром руководил выдающийся дирижер и композитор Э. Ф. Направник, режиссером был известный певец Ф. П. Комиссаржевский, отец знаменитой артистки. А главное, публика ходила на русские оперные спектакли, ждала новых премьер. Как раз в последние пять лет в Мариинке прозвучали оперы, которых в Москве не слышали: «Каменный гость» Даргомыжского, «Псковитянка» Римского-Корсакова, «Демон» Рубинштейна, наконец, «Борис Годунов» Мусоргского.

Конечно, и в северной столице итальянская опера преобладала, ей был предоставлен в полное распоряжение Санкт-Петербургский Большой театр с прекрасной акустикой. Мариинский уступал Большому по всем статьям. Здесь русская труппа тоже боролась за зрителя и за собственное выживание. И как раз в эту пору в труппе было достаточно сильных певцов, но явно не хватало ярких вокалисток.

Неслучайно появилась статья влиятельного музыкального критика, в которой говорилось: «Движимый добрым сердцем, я хочу предложить театральной дирекции средство от недуга, подтачивающего петербургскую русскую оперу. Средство мое очень просто — пригласить из Москвы г-жу Кадмину... Свежий, красивый голос, безукоризненно чистая интонация, выразительное осмысленное пение и изящная простота в игре...» — далее следовало еще множество похвал, вполне справедливых и заслуженных.

И уже 22 октября 1875 года Кадмина дебютировала в Санкт-Петербурге в опере «Опричник». После каждого действия публика по нескольку раз вызывала артистку. Об этом дебюте рецензент написал так: «Не заученный урок, а неподдельный огонь природы, рожденной для сцены». Последовали другие оперы и роли, восторженные овации, цветы; после одного из спектаклей зрители поднесли Кадминой лавровый венок!

Увы, были и другие отзывы, некоторые критики писали о «слабых голосовых средствах артистки». Ничто не могло

так расстроить Кадмину, как эти несправедливые, в сущности, упреки! У Кадминой был достаточный голос и для оперной сцены, и для концертного исполнения, а при ее мастерстве — даже более чем достаточный.

И тут приключилась история, о которой мало кто знал. По свидетельству современника, «бродили смутные толки, выставлявшие причиной безуспешные ухаживания одного вельможи, которому не удавалось победить гордую холодность неприступной артистки, привыкшей слушаться только голоса собственного сердца. Кадмина решила лучше совсем уехать из Петербурга, чем подчиниться настойчивому поклоннику».

Так или иначе, Евлалия вернулась в Москву, в течение марта 1876 года выступила в нескольких спектаклях и в двух концертах на сцене Большого театра и... вдруг исчезла.

Друзья певицы несомненно получили известия о ней. Наконец она объявилась... в Италии.

«НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ»

Желание поехать в Италию созрело давно, а в последние годы крепло день ото дня.

Еще в консерватории Рубинштейн советовал Евлалии позаниматься с итальянскими преподавателями: их вокальная школа, техника постановки голоса были признаны во всем мире. С годами стремление Кадминой совершенствовать голосовые данные сделалось навязчивой идеей.

Кроме того, артистка смертельно устала, нервы были на пределе. Где, как не в Италии, можно было отдохнуть душой и телом, насладиться дивной природой и шедеврами искусства!

Действительно, Италия настолько впечатлила артистку, что она даже начала писать историческую повесть «Диана Эмбриако» об эпохе крестовых походов. Начальные главы были впоследствии опубликованы, и, хотя общий замысел произведения остался неясным, налицо несомненные литературные способности автора.

Кадмина начала заниматься с преподавателями, училась старательно, однако... Внутренне артистка сопротивлялась итальянскому «бельканто». Культ вокала как самоцель, технические эффекты в отрыве от создания художественного образа казались ей бессцельными. Преподаватели предложили ей перейти на сопрановые партии, петь в более высоком регистре. В оперном репертуаре тогда было намного больше сопрановых партий, а Евлалии хотелось новых ролей. И Кадмина совершила роковой шаг: запела «не своим голосом».

Как ни старалась Кадмина сохранить свое инкогнито, газетчики пронюхали, что в Италию приехала знаменитая русская певица. Вслед за газетными сообщениями поступили предложения от нескольких театральных антрепренеров. Артистка не без колебаний согласилась подписать контракт. Она рассудила, что сможет увидеть и понять итальянскую оперу, что называется, изнутри; это будет частью ее учебы, ординатурой, так сказать. Ну, и помимо всего прочего, кончались деньги, надо было зарабатывать на жизнь.

Контракты были непродолжительными, Евлалия выступала в оперных театрах Неаполя, Турина, Флоренции и Милана, всюду с неизменным успехом. Впервые она исполняла и новые для себя сопрановые партии. Ее тепло встречала публика, газеты отмечали «высокую культуру исполнения», «большой драматический талант», а по поводу внешности артистки авторы соревновались в эпитетах: отмечали ее «магическую красоту», уверяли, что «за русской красавицей, которая чернее и ярче итальянок, бегают восхищенные взоры...».

А русская красавица тем временем тосковала. Атмосфера в итальянском закулисье была еще тягостнее, чем в России: дразги, низкое интриганство, безразличие к искусству. Антрепренеры беззастенчиво нарушали контракты; с одним из них пришлось даже судиться.

И сама Италия с ее красотами уже поднадоела, роскошество южной природы стало напоминать яркие театральные декорации. А главное — одиночество. В слишком редких письмах с родины мнительной Кадминой мерещилось: забыли, отвечают лишь из вежливости. Артистка чувствовала

ла себя в добровольной ссылке, хоть и не в Сибири, но все же бесконечно далеко...

К тому же она заболела и оказалась в больнице. Ее лечил молодой врач, красивый, заботливый, любезный. Так часто случается: беспомощная пациентка, к тому же иностранка, потянулась к лечащему врачу. Доктору Форкони тоже очень понравилась русская красавица, ему льстило внимание известной певицы. Они обвенчались, но их брак был очень коротким. Вероятно, они подходили друг другу по темпераменту, но духовно не были близки. Мужу-итальянцу трудно было примириться с тем, что его жена самодостаточная личность, что она никогда не станет примерной итальянской матроной. Начались раздоры, скандалы, и последовал разрыв. Евлалия некоторое время, до официального развода, подписывалась двойной фамилией: Кадмина-Форкони.

Тоска артистки сменилась настоящим отчаянием. Только в одном письме, близкому другу, Кадмина чуть приоткрыла душу. Она писала, что «перенесла много, очень много страшных минут, и ко всем неудачам, ко всему-то горю прибавилось невыносимое мучение — сознание всеобщего отчуждения». И далее: «Я не один раз пыталась действительно стереть с лица земли самую память о моем существовании; но яд не подействовал, а из реки вытащили полицейские». И тут же молила адресата: «Не рассказывайте, Вашей дружбы ради, не рассказывайте этого никому; я не хочу никому поверять моей муки, я стараюсь забыть ее, да и Вас усердно прошу разорвать это письмо и никогда не вспоминать того, что невольно сорвалось с моего пера...»

Надо было, не откладывая, ехать домой. Но где он, ее дом?..

Очень кстати подоспело письмо с новым предложением: антрепренер И. Я. Сетов звал Кадмину в труппу Киевской оперы. Об этом антрепренере отзывались как о хорошем певце, толковом режиссере и порядочном человеке. Евлалия подумала: все-таки из наших, не обманет. К тому же она бывала в Киеве проездом и всегда вспоминала этот город словами: «Чудный Киев!» Решено: осенью 1878 года Евлалия Кадмина покинула Италию и отправилась в Киев, чтобы успеть к началу сезона.

«Саврасы без узды»

Частная оперная антреприза в России крепко стояла на ногах. В Киеве, Одессе, некоторых других городах успешно выступали профессиональные труппы, появлялись яркие спектакли. Антрепренеры были свободнее в выборе репертуара, смело ставили новые оперы.

Но те же антрепренеры, зачастую выходцы из актерской среды, выжимали из артиста-контрактника все силы. Провинциальный театр и сегодня вынужден обновлять репертуар намного чаще, чем в столицах. А тогда антрепренеры готовили новые постановки в сжатые до предела сроки.

Евлалия Кадмина дебютировала на сцене Киевской оперы в «Аиде» Верди. Гордая и властная дочь фараона Амнерис в ее исполнении покорила киевлян. Восторженным отзывам не было конца. Но уже вторая порученная ей роль удивила весь театральный Киев: Маргарита в «Фаусте» Ш. Гуно — сопрановая партия, трудная даже для высоких голосов. К тому же образ Маргариты явно выпадал из «кадминовского» амплуа. Очевидно, Сетов и рассчитывал на сенсацию, чтобы привлечь публику, а Кадминой всегда нравились задачи на грани возможного.

Спектакль оправдал ожидания создателей и публики, Маргарита в ее исполнении явилась поистине гётевской героиней: кроткой и нежной. Но пение оказалось не безупречным, высокие тона звучали резко и сухо.

Вслед за Маргаритой в репертуаре Кадминой появились другие сопрановые партии: Наташа в «Русалке», Паж в «Гугенотах» Мейербера и другие. Отношение критики к этим ролям можно свести к одной фразе киевского рецензента: «Замечательная игра выкупала все недостатки ее как певицы».

Хуже всего то, что артистке иногда приходилось в один день исполнять роли в разных диапазонах — большое напряжение для голоса! В условиях постоянной спешки и выступлений без отдыха сдавал не только голос, но и нервы, и здоровье вообще. Артистка, которая прежде охотно подменяла заболевших коллег, теперь сама частенько хворала.

Антрепренер Сетов в таких ситуациях вел себя как циничный делец. Однажды театральный врач засвидетельствовал, что Кадмина больна и выступать не может. Артистка просила Сетова перенести ее выступление на другой день. Антрепренер грубо потребовал отыграть спектакль, а после отказа Кадминой вывесил в театре объявление об умышленном срыве представления. Инцидент получил огласку, и тогда артистка решила обратиться к публике через газету «Киевский листок». Объяснив ситуацию, она сообщала: «Видя в этом явное желание дирекции выставить меня в самом неблагоприятном свете, я решаюсь обратиться к гласности, тем более что и в будущем я ничем не гарантирована от повторения подобных сурпризов... Несколько раз за это время я пела действительно больная, пела через силу, пела потому, что не желала ставить г. Сетова в затруднительное положение. Неужели же после такой почти непосильной работы г. Сетов был прав, выставив меня перед публикой неправдивую и неисполнительную?..»

Редакция сопроводила это открытое письмо сочувственным комментарием: «Вероятно, все артисты труппы г. Сетова скажут спасибо г-же Кадминой за ее вполне законный протест». Однако через несколько дней «Киевский листок» вынужден был предоставить слово и антрепренеру. Сетов уверял, что Кадмина «не хотела петь только по капризу... от всей души желая причинить ему ущерб». Так конфликт превратился в открытый скандал.

И еще одно обстоятельство постоянно нервировало Кадмину. Дело в том, что русская публика быстро переняла худшие традиции итальянских обожателей оперных певиц. Поклонники объединялись в «группы поддержки» своих любимиц, ошикивали соперниц, используя наемную клаку. В провинции это явление принимало особенно уродливые формы, так как здесь партер и ложи заполняли в основном нувориши, купеческие сынки. Именно эти завсегдашние театры с самого начала не приняли Кадмину. В Киевской опере к тому времени уже блистала звезда — Эмилия Павловская, талантливая артистка, обладательница высокого сопрано. Поскольку Кадмина тоже начала исполнять сопрановые партии, она

стала соперницей Павловской. Выходки поклонников прежней примадонны становились просто безобразными. Киевская общественность осуждала театральные хулиганов; «саврасы без узды» — так окрестили их журналисты. Но в то же время киевские газеты постоянно печатали околотеатральные слухи и сплетни, не гнушались публиковать сатирические, а на самом деле пасквильные стишки против Кадминой. И «чудный Киев» оказался для певицы чужим, враждебным.

Весной 1880 года Евлалия Кадмина получила спасительное предложение: антрепренер харьковской оперы П. М. Медведев настоятельно звал артистку в свою труппу.

«Страшная минута»

Со стороны казалось, что звезда Евлалии Кадминой все еще восходит. Современник писал: «Ее харьковская жизнь была победным шествием богини». И в самом деле, большая часть публики ее обожала, а студенты и гимназисты были повально в нее влюблены. Случалось, после спектакля молодые зрители останавливали ее экипаж, выпрягали лошадей и сами везли артистку до гостиницы «Европейская», где она жила.

И мало кто замечал «невидимые миру слезы». Голос все чаще изменял певице. Кадмина тяжело переживала, нервничала, болезненно реагировала на пустячные казусы суетливой театральной жизни.

Однажды она обиделась на дирижера У. И. Авранека за то, что он не отрепетировал с ней сложную арию из «Африканки» Мейербера, и во время генерального прогона вдруг запела совсем другую арию. Оркестр сбился, Авранек в ярости сломал дирижерскую палочку. Певица и дирижер бурно объяснились и... принесли друг другу извинения. Репетиция продолжилась как ни в чем не бывало.

В Харькове повторились все те уродства, из-за которых Кадмина покинула Киев. В здешней труппе тоже была при-

мадонна — уже немолодая певица Фредеричи, обладавшая красивым, сильным сопрано, но лишенная сценического таланта. Ее приверженцы, «фредеричисты», ошкивали выступления Кадминой, устраивали скандалы. «Кадминисты» не могли ответить тем же, это были интеллигентные, воспитанные люди. Евлалия оказалась совершенно беззащитной перед грубой, хамской силой. Один возмутительный эпизод попал в газеты: 26 октября 1880 года Кадмина, несмотря на недомогание, пела партию Маргариты в «Фаусте». В самый напряженный момент драмы «фредеричисты» как по команде начали шикать. Поклонники Кадминой зааплодировали, чтобы поддержать певицу. В ответ «фредеричисты» стали свистеть. Журналист писал, что «это подействовало на артистку так, что после 3-го действия, когда ее стали вызывать, публике было объявлено, что с г-жей Кадминой дурно... Группа почитателей ее таланта дождалась выхода ее из театра и убедилась, насколько больна артистка, которую едва посадили в экипаж».

Евлалия находила покой только в двух-трех харьковских семействах. Один из друзей вспоминал: «Молчалива она. Карие глаза под длинными черными ресницами задумчивы. Говорит своим низким голосом медленно. Никогда не шутит. Никаких разговоров о театральных дрязгах, никакой мишуры...»

В этот трудный период Медведев предложил Кадминой попробовать себя в амплу драматической актрисы. Евлалия колебалась: музыка не отпускала, но в то же время переход в драму казался выходом из тупика. Антрепренер советовал для начала лишь попробовать себя в одном спектакле, а когда артистка согласилась, сразу дал ей роль Офелии. Кадмина воодушевилась высокой целью, и 19 декабря состоялась ее дебют как драматической артистки. Публика приняла ее восторженно. При появлении Кадминой на сцене все остальные персонажи словно уходили в тень. Самоубийство Офелии в трактовке Кадминой было не следствием безумия, а сознательным выбором: «быть или не быть» в этом безумном мире.

Вскоре Евлалия Кадмина освоилась на драматической сцене, играла главные роли в «Грозе» и «Бесприданнице» Ост-

ровского, в «Укрощении строптивой» Шекспира. Увы, ей приходилось гораздо чаще выступать в незначительных пьесах. Репертуар обновлялся чаще, чем сегодня афиша кинотеатра; за несколько месяцев 1881 года Кадмина сыграла двадцать новых ролей! Торопливость сказывалась на качестве спектаклей, на игре артистов, неудачи были и у Кадминой. Ее сомнения и мнительность вспыхивали с новой силой.

К тому же некоторые зрители осудили переход артистки в драму. Одни считали этот шаг изменой «святому искусству», другие сочли его экстравагантной выходкой капризной звезды. Газеты подливали масла в огонь, например, «Южный край» разразился гневной отповедью за то, что после своего бенефиса Кадмина приняла от публики ценные подношения. Автор вопрошал: нравственно ли это, когда в соседних уездах крестьяне голодают?.. Выпад газеты был несправедлив по отношению к артистке, которая вела очень скромный образ жизни, всегда безотказно выступала в благотворительных концертах, в том числе и в пользу голодающих, тайно жертвовала деньги на поддержку политзаключенных и ссыльных.

Евгения смертельно устала в одиночку противостоять миру пошлости и лжи. В такие «страшные минуты» женщина безотчетно ищет мужчину, хотя бы только внешне напоминающего защитника. Ее избранником стал молодой офицер, завсегдатай кулис, из тех неотразимых провинциальных волокит, которые осаждают актрис, клянутся в неземной любви, а сами одновременно ищут невесту побогаче. Этому ничтожному, в сущности, человеку чрезвычайно льстила победа над выдающейся артисткой, было чем похвастаться в офицерской компании.

Кадмина полюбила горячо и безрассудно. До нее доходили слухи об изменах возлюбленного, но Евгения сочла их обычным злословием многочисленных недоброжелателей. Она не встревожилась даже тогда, когда офицер некоторое время не появлялся в театре и не подавал о себе известий.

Как раз в эти дни Евгения готовила роль Василисы Мелентьевой в одноименной исторической драме А. Н. Островского. Премьера не обошлась без интриг. Роль царицы была поручена прежней прима театра Анне Понизовской, и, хотя

она, как писал рецензент, «играла с рутинной аляповатостью театральных дел ремесленника», ей горячо аплодировали. «Конечно, часть этих оваций была устроена “в пику” г-же Кадминой», — заключал рецензент.

Однако на втором спектакле четвертого ноября зал заполнили обычные зрители, далекие от театральных интриг. В первом акте Кадминой то и дело аплодировали. Евлалия вышла на поклон, подняла глаза и увидела в нижней ложе своего избранника. Он всегда сидел там один, а сейчас с ним была молодая особа, дорого, но безвкусно одетая. Офицер демонстративно оказывал спутнице знаки внимания, то и дело бросая взгляды на Кадмину, и улыбался, словно хотел сделать больше...

Не помня себя, артистка дошла до своей уборной, села перед зеркалом. Ее охватило отчаяние, она была обманута, унижена, оскорблена в лучших чувствах. В зеркале чудились бледные лица ее героинь: русалка Наташа, Офелия, Катерина. Они предпочли смерть — жизни без веры, без надежды, без любви. Кадмина ломала спички и бросала фосфорные головки в стакан с водой. Когда ее позвали на сцену, залпом выпила мутный раствор.

Начинался второй акт драмы — последний акт ее жизни. Речь Кадминой замедлялась, дыхание учащалось. Бледность проступала сквозь грим. Глаза лихорадочно блестели. Собрав последние силы, она отчетливо произнесла:

Я утром в думе видела твой взгляд,
И этот взгляд насквозь прожег мне сердце...

Кадмина упала на подмости. Ее отвезли в гостиницу. Слух о случившемся мгновенно облетел весь город. Толпа людей собралась у входа в «Европейскую», все ждали заключения врачей. Но они были бессильны — белый фосфор слишком сильный яд. Кадмина умирала в муках шесть дней. Десятого ноября ее не стало. Ей только что исполнилось двадцать восемь лет.

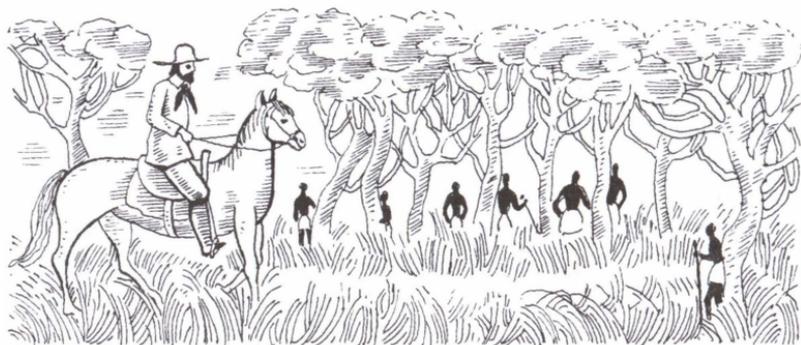
Казалось, весь Харьков пришел проститься с артисткой. Очевидец писал: «Венки, хоругви, знамена, волнующаяся, как море, многотысячная толпа народа, шум эки-

пажей, чьи-то стоны и плач... и над всей этой феерической картиной тусклое осеннее небо со свинцовыми бликами...» Процессию сопровождала чуть ли не вся полиция Харькова — чтобы предотвратить расправу над виновником смерти Кадиной, «офицеришкой», как называли его сами полицейские. И над разверстой могилой звучали горькие, тяжелые признания:

— Еще одна разбитая, неудавшаяся жизнь, еще одна жертва, еще одна свежая могила на обширном кладбище русских талантов... Прости нам, что мы, умея любоваться твоим талантом, не сумели тебя уберечь!..

...«Слава оперной сцены» — высечено на скромном памятнике над могилой Евлалии Павловны Кадиной. Там и сегодня иногда появляются свежие цветы.

Капитан Сорви-голова, его друзья и враги

Я упорно ишу прототипов моих любимых книжных героев, но на этот раз представляю героя без прототипа. Почему я все же хочу рассказать о нем? Во-первых, нельзя сказать, чтобы он был полностью фантазией автора: такие сорви-головы были, есть и будут на самом деле. Во-вторых, встреча с одним из любимых в детстве литературных героев — это как встреча с верным другом школьных лет. В-третьих, реальная основа всей книги почти документальна. И наконец, в этой истории, происходившей на краю земли, в Южной Африке, заметен и «русский след», который я с удивлением обнаружил еще в детстве.

Мальчиком я не раз гостил летом в деревне у родственников. Я много читал и неплохо рассказывал, поэтому деревенские ребята с удовольствием слушали в моем пересказе лучшие приключенческие книги. Сами они читали неохотно, библиотека была далеко, а тут — ходячая аудиокнига. И вот по вечерам, набегавшись, накупавшись и наигравшись, мы усаживались где-нибудь на бревнах, нагретых солнышком, и я начинал рассказывать. Уже темнело, то и дело матери звали нас домой, а мы только кричали в ответ: «Ну еще полчаса-

ка!» — уж очень не хотелось покидать ту, иную реальность — американские прерии, или африканские джунгли, или улицы туманного Лондона...

В то лето я пересказывал только что прочитанную книгу «Капитан Сорви-голова» — о приключениях отважного французского юноши Жана Грандье, приехавшего добровольцем в Южную Африку, в Трансвааль, чтобы сражаться на стороне буров с захватчиками-англичанами. Вместе со своим другом Фанфаном он создал интернациональный отряд подростков и юношей, прозванных «молокососами». Командир молокососов был настоящий супергерой: он метко стрелял из винтовки, без устали скакал на низкорослой бурской лошадке, был смелым и решительным разведчиком. При этом капитан Сорви-голова и его молокососы не были просто «неуловимыми мстителями»; они вели себя благородно по отношению к пленным, могли даже уронить слезу над телом поверженного врага, если тот был честным и храбрым воином...

Однажды вечером в районе отключали электричество, мои старики засветили керосиновую лампу, и мы словно перенеслись в былые времена. На огонек собрались соседи, старшие начали вспоминать давно забытые песни. И вдруг кто-то завел протяжно, и все подхватили:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Ты вся горишь в огне...

События приключенческой книжки, оказывается, были известны в простой русской деревне — нынешние деды и бабки слышали эту песню, когда сами были детьми; она была популярна еще несколько десятилетий, наполняясь новым смыслом.

Настал, настал тяжелый час,
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За ваших сыновей!

Так пел и мой дед, словно проживая эту драматическую сцену: ведь он, как и старый бур, герой песни, отправил на

войну двоих сыновей. Оба погибли в сорок первом. Если бы война еще затянулась, ушел бы на фронт и третий, младший сын — мой отец.

Отец, отец, возьми меня
С собою на войну —
Я жертвую за родину
Младую жизнь свою.

Я неожиданно оказался среди современников той далекой и, как выяснилось, невыдуманной истории.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Бур старый говорит:
За кривду Бог накажет нас,
За правду наградит.

Так я узнал, и больше, чем узнал, — прочувствовал, что и песня эта, и книга «Капитан Сорви-голова» были отзвуками грозных событий, ознаменовавших начало XX века.

Бур, он и в Африке бур

Первыми белыми колонистами на юге Африки были голландцы. Они основали город-порт Кейптаун, который служил перевалочным пунктом для всех кораблей, плывущих к восточным берегам Африки, в Индию и Китай. Колония стала называться Капской по имени мыса Доброй Надежды (*Kaap die Goeie Hoop*). Переселенцы из Голландии завели фермы, большинство выращивали скот и выгодно продавали его горожанам, мореплавателям и в соседние колонии. Официально колонисты назывались «африканеры», но чаще именовали себя *boer* — «крестьянин». Со временем это самоназвание «бур» стало означать и род занятий, и народность.

В 1795 году Великобритания захватила Капскую колонию, переселенцы-англичане оттеснили буров, официальным языком стал английский, налоги собирались в британскую каз-

ну. В 1834 году во всей Британской империи было отменено рабство. Бурам предложили за отпущенных рабов мизерные компенсации. Вести фермерское хозяйство в местных условиях на основе наемного труда было невозможно, пастбищные земли сокращались, многие буры разорились. И тогда большинство буров решились на переселение. Они построили огромные фургоны величиной почти с железнодорожный вагон, впрягли в него по восемь — двенадцать пар волов, погрузили в эти дома на колесах весь свой скарб и отправились в долгий путь на север. Это переселение длилось не один год и получило название «Великий исход». За рекой Вааль буры основали колонию Трансвааль (то есть «за Ваалем»), за рекой Оранжевой — соответственно Оранжевую колонию. Впоследствии эти колонии оформились в два государства: республика Трансвааль и Оранжевая республика.

Там, на безлюдных плоскогорьях, где днем испепеляющий зной, а ночью стужа, где фермерам постоянно угрожали непокоренные племена и дикие звери, в почти полном окружении английских колоний окончательно сложился характер буров. Это были сильные и смелые люди, превыше всего ценившие веру предков, крепкую семью и независимость. Все они с детства прекрасно владели оружием, ездили верхом и могли выжить в безводных степях или на голых скалах. Даже буры-горожане, ремесленники и торговцы, немногим уступали своим сельским собратьям. Буры-мужчины в большинстве своем не брили бороды, носили мягкие шляпы, одевались в просторные пиджаки и брюки навывпуск. Их дочери и жены не блистали красотой, но славились опрятностью, и вряд ли где можно было найти более целомудренных девушек и более самоотверженных жен и матерей.

Сдержанность и немногословность буров, закрытость их жизни часто вводили в заблуждение иностранцев. Например, Марк Твен, побывавший в Южной Африке в конце XIX века, считал их грубыми и ограниченными, «белыми дикарями», как он писал. Англичане вообще отказывали бурам в праве называться «цивилизованными людьми», а в качестве доказательства обвиняли их в том, что они используют труд рабов. Это был главный пропагандистский аргумент англичан для европейских государств — агрессию можно было предста-

вить как освободительный поход против рабовладельцев. Не оправдывая буров, справедливости ради надо сказать, что они сами, без давления со стороны, приняли решение не порабощать новых чернокожих (кафров) и прекратить работорголю. Многие работники-африканцы на фермах буров уже были батраками, открыто обсуждался вопрос о полной отмене рабства. Однако правда и то, что буры не считали кафров равными себе и требовали полного подчинения под страхом сурового наказания.

Так на юге Африки сложилась своеобразная расовая градация: буры не считали чернокожих кафров за людей, а британцы не считали полноценными людьми буров. При этом англичане хотя формально и освободили кафров, но относились к ним, пожалуй, хуже, чем буры.

Правь, Британия, правь!

В 1867 году на границе Оранжевой республики англичане обнаружили богатейшие месторождения алмазов. По праву сильного Британия приписала весь алмазный край себе. В эти годы стремительно взошла звезда промышленника Сесила Родса, совладельца компании «Де Бирс» и основателя Британской Южно-Африканской привилегированной компании. Более того, Родс присоединил к Капской колонии и возглавил новую провинцию, названную в его честь Родезией (до тех пор лишь одно государство было названо именем своего создателя — Боливия). А несколько позднее неутомимый Родс сделался премьер-министром всей Капской колонии. Он вынашивал проект строительства трансафриканской железной дороги «от моря и до моря» — от Каира до Кейптауна; по замыслу Родса она должна была «прошить» весь Черный континент и объединить все английские колонии. В Родезии алмазный король создал даже собственные вооруженные силы, он непрерывно подстрекал Лондон к войне за обладание всей Южной Африкой.

Англия несколько раз нападала на Трансвааль. У республики не было регулярной армии, но все буры, как один,

выступали с оружием в руках на защиту нового отечества. Они нанесли англичанам несколько ощутимых поражений и отстаивали свое государство. Однако Британия по-прежнему не признавала суверенитета Трансвааля.

Алчность Британии разыгралась с новой силой, когда в 1886 году в Трансваале были найдены богатейшие месторождения золота. В эти края хлынула волна переселенцев: рабочих-горняков, инженеров и коммерсантов, в подавляющем большинстве — британцев. Вообще говоря, эта алмазно-золотая лихорадка превосходила по масштабам обе американские, в Калифорнии и на Аляске, но из-за удаленности Южной Африки осталась почти неизвестной. Количество новых переселенцев — их называли ойтландерами — сравнялось, а затем и превысило коренное население Трансвааля. Золотопромышленники платили высокие налоги, и бурские республики быстро богатели. Власти Трансвааля и Оранжевой не давали ойтландерам избирательного права, опасаясь, что англичане захватят власть, так сказать, изнутри. Британское правительство, естественно, требовало избирательных прав для своих граждан, снижения налогов для промышленников, равенства в образовании и вероисповедании.

В 1895 году Сесил Родс при негласной поддержке Лондона организовал рейд отряда из Родезии на Трансвааль. Отряд под командованием колониального чиновника Линдера Джеймсона насчитывал свыше шестисот конных и пеших бойцов, вооруженных винтовками, с пулеметами «максим» и несколькими легкими орудиями. Отряд должен был совершить бросок на Йоханнесбург, захватить арсеналы и золотые прииски, вооружить восставших ойтлендеров. Восстание англичан в Трансваале послужило бы поводом для полномасштабного вторжения Великобритании, а Джеймсону надлежало удерживать город до подхода армейских частей. Авантюра провалилась: отряд понес значительные потери, уцелевшие сдались в плен. Буры победили малыми силами, потеряв лишь шестерых бойцов, их хоронили как национальных героев.

После «рейда Джеймсона» стало ясно, что Британия не отступится от своих намерений и решительная схватка впереди. Трансвааль заключил с Оранжевой республикой оборо-

нительный союз, оба государства начали готовиться к войне. В порты Мозамбика пароходы непрерывно доставляли огромные ящики с надписями: «Горное оборудование», «Сельскохозяйственные машины» — на самом деле там было оружие для буров. Новые фабрики Трансвааля и Оранжевой начали выпускать порох и боеприпасы.

Одновременно бурские правительства искали могущественных союзников. В Европе они могли рассчитывать на всемерную поддержку соотечественников-голландцев и отчасти на родственных германцев. Кроме того, на Черном континенте у немцев был мощный плацдарм — колонии на юго-западе (впоследствии Намибия) и на востоке (сейчас это Танзания, Бурунди и Руанда). Германская империя уже накачивала мускулы, чтобы вступить в борьбу за передел мира. Кайзер Вильгельм II внимательно следил за развитием событий на африканском юге, и, когда буры разгромили отряд Джеймсона, он прислал президенту Трансвааля поздравительную телеграмму, в которой назвал англичан «вооруженной бандой» и обещал бурам свою помощь.

Не прикуривай третьим

Косени 1899 года Британия стянула войска к границам Трансвааля и Оранжевой республики. Империя провоцировала буров, на все их уступки отвечала новыми требованиями. Президент Трансвааля Папуль Кригер выдвинул ультиматум: отвести войска от границы и прекратить переброску сюда новых частей. В ответ Лондон уведомил: «Условия, поставленные им (ультиматумом. — С. М.), таковы, что правительство Ее Величества не считает возможным войти в их рассмотрение». Англия медлила с началом войны лишь потому, что еще не прибыло подкрепление из других колоний и с самих Британских островов.

В этот момент силы буров и англичан были приблизительно равны: около 28 тысяч человек с каждой стороны; у буров было некоторое преимущество в артиллерии и стрелковом оружии; у англичан больше военной техники, в том числе

два бронепоезда, воздушные шары для разведки с воздуха, телеграф. Но буры могли призвать дополнительно только 20 тысяч человек, а резервы Британской империи были неограниченны.

В создавшихся условиях у Трансваала и Оранжевой был один шанс устоять перед самой могущественной империей мира — атаковать первыми. Двенадцатого октября буры перешли границу и устремились к стратегически важным пунктам, разрушая коммуникации англичан. Уже в первый день наступления был взорван железнодорожный мост, пушен под откос вражеский бронепоезд. Части англичан терпели поражение и отступали с большими потерями. В конце октября — начале ноября буры осадили три города с блокированными внутри гарнизонами. Один из городов был Кимберли, столица алмазного прииска, причем в осаде оказался сам премьер-министр Капской колонии Сесил Родс. Таким образом, буры сковали инициативу англичан, взяли под контроль главные базы сосредоточения войск, перекрыли некоторые пути подхода подкреплений, доставки вооружения и припасов.

А между тем у бурских республик по-прежнему не было армии в привычном понимании. Регулярными формированиями являлись только артиллерийские части. Остальные вооруженные силы напоминали ополчение или казачье войско. Военнообязанными считались все мужчины с шестнадцати до шестидесяти лет, они жили на своих фермах и хранили оружие дома; по первому приказу буры являлись верхом на лошадях в свой отряд. Отряды назывались «командо» и по численности примерно равнялись батальону; бойцы — «командос» — сами выбирали себе начальника — «команданте».

Командо воевали по-своему, по-бурски. Они предпочитали действовать в обороне, занимая выгодные позиции. Привычные к кирке и лопате, буры всегда рыли глубокие траншеи. Стреляли они удивительно метко, к тому же были вооружены винтовками системы Маузера, значительно превосходившими английскую винтовку Ли-Метфорда по дальности и точности боя. Можно сказать, что буры были первыми снайперами, от их пуль не спасала даже темнота. Уже в начале войны англичане на горьком опыте усвоили правило: третьему от одной спички не прикуривать. Новичков

учили: первый прикуривает — бур поднимает винтовку, второй прикуривает — бур целится, третий прикуривает — бур стреляет.

У буров не было штыков, они вообще не знали ближнего боя; если враг подходил вплотную, буры отступали. Если же буры шли в атаку, то двигались россыпью, стреляли на ходу, не давая англичанам высунуться из траншей, и, уже встав на бруствер, расстреливали врагов в упор.

У буров не было кавалерии. Прирожденные наездники, они никогда не атаковали верхом, лошади служили им только для быстрого перемещения. Пока буры находились на позициях, их кони паслись недалеко в тылу, за ними обычно приглядывали кафры.

Буры воевали, так сказать, вахтенным способом: часть командос всегда находилась в кратких отпусках на своих фермах. Если ферма была далеко от фронта, отпускников бесплатно перевозили по железной дороге. Но не было случая, чтобы отпускник не вернулся вовремя в строй.

Двадцатый век начинается

Англичане и другие иностранные наблюдатели не могли понять странной тактики буров. А дело в том, что бур считал победой, когда убито много врагов, а сам он остался живой. Обычные в любой армии боевые задачи — взять штурмом господствующую высоту, атаковать сильно укрепленные позиции, удерживать свой рубеж любой ценой — были не понятны большинству африканеров.

Психологию своих бойцов прекрасно понимали и отчасти разделяли генералы бурских республик: Жубер, Девет, Бота, Кронье, Мейер, Деларей. Никто из них не изучал военного дела, все получили боевой опыт в стычках с туземцами и в боях с англичанами. Их авторитет был непререкаем, они считались подлинными героями своей родины.

Англичане с первых дней войны проявили свойственное им упрямство: атаковали в лоб, густой цепью, на поле боя вели залповый, неприцельный огонь. Их яркие мунди-

ры были отличной мишенью; что уж говорить о шотландских стрелках в традиционных клетчатых юбках? В результате потери британцев были очень велики, в том числе среди офицеров, многие попадали в плен. Например, только в битве при Магерсфонтейне буры захватили в плен около тысячи англичан, хотя атаковали именно британцы. Впрочем, отношение буров к раненым врагам и к пленным было самое благородное. Один англичанин-фузилер рассказывал, как его, раненого, вынес с поля боя бур-великан; англичанин предложил спасителю золотой, но тот лишь укоризненно покачал головой и ушел.

Характерный случай произошел в окрестностях города Глена 23 марта 1900 года, когда британская группировка уже значительно усилилась. Пятеро английских офицеров, среди них два полковника, отправились на конную прогулку и заметили группу вооруженных буров на привале. Те и не думали вступать в бой с англичанами, но британцы решили их атаковать. Тогда буры выхватили свои маузеры и открыли прицельный огонь, в результате один офицер был убит, а четверо ранено. После этого буры подошли к раненым и попросили у них прощения (!), объяснив, что они стреляли только для самообороны. Затем буры отправились в английский лагерь за помощью для раненых офицеров.

И так уж вышло, что кое-кто из англичан предпочитал бурский плен превратностям этой непонятной войны.

Для политиков и военных всего мира Англо-бурская война представляла небывалое явление. Это был полигон новейших видов вооружений, военной техники и тактических приемов. Здесь впервые в массовом масштабе применялись полуавтоматические многозарядные винтовки, бездымный порох, пулеметы, скорострельные орудия, снаряды, начиненные взрывчаткой лиддитом (у англичан), разрывные пули «дум-дум» (у них же), бронепоезда, полевой телеграф, военная форма цвета хаки. Даже военный гардероб значительно обновился, новый офицерский мундир с накладными карманами стал называться «френч» по имени воевавшего в Трансваале генерала Френча.

Буры тоже привнесли свои новшества: всегда рыли траншеи и окопы, даже на временных позициях; они же первыми

использовали колючую проволоку, которой фермеры ограждали пастбища.

Естественно, военные агенты и инженеры устремились в Южную Африку, чтобы увидеть всю эту смертоносную машинерию в действии, изучить тактические приемы воюющих сторон. Все понимали: когда Британия подтянет подкрепления, вот тогда-то и начнется настоящая схватка Давида и Голиафа. К Трансваалу двигалась сотысячная армия под командованием фельдмаршала лорда Робертса, усмирителя восстания сипаев в Индии, покорителя Кандагара в Афганистане.

Симпатии почти всего мира были на стороне буров. Первыми откликнулись ближние собраты: африканеры, оставшиеся на английской территории, они влились в бурские команды. Местные жители других национальностей формировали интернациональные отряды, в них были и наши соотечественники — русские крестьяне-переселенцы, эмигранты-литовцы и российские евреи, покинувшие родину из-за притеснений и погромов. К началу 1900 года — и нового века — в Трансвааль приехали и продолжали прибывать волонтеры из дальних стран: из Голландии, Германии, Италии, Франции, Ирландии, США и Канады.

Эхо залпов в Южной Африке быстро докатилось до России и взволновало очень многих — от царя до простого мужика.

Россия забурела

При первых известиях о начале Англо-бурской войны российское общество загудело, как встревоженный улей. Русское сердце всегда было отзывчиво к чужой беде, особенно когда сильный нападал на слабого, когда творилась чудовищная несправедливость. Теперь жертвой агрессии стал народ, очень похожий, даже внешне, на русских, а супостатом опять оказалась Британия, уже давно вредившая России, тайно или явно, — в Крыму, на Балканах, в Средней Азии. Возникла даже привычная реакция на все международные неприятности: «Это англичанин нам гадит!»

И вот теперь в русских церквах служили молебны о здравии президента Трансвааля Крюгера (иноверца, между прочим) и победе бурского оружия, здесь же собирались пожертвования. Портреты бурских генералов, президентов Трансвааля и Оранжевой республики печатались в журналах, стали узнаваемыми и почти родными. Рестораны и трактиры переименовывали в «Трансвааль» и «Преторию». В Харькове по просьбе горожан появилась улица Трансваальская. На гуляниях, где играли духовые оркестры, публика без конца требовала исполнить «Бурский марш». В печати появилось несколько стихотворений на тему Англо-бурской войны; лучшее из них — «Бур и его сыновья» сочинила Глафира Эйнерлинг, оно было опубликовано под псевдонимом Г. А. Галина. Эти стихи, положенные на мотив «Среди долины ровныя», очень скоро стали народной песней.

Монархисты и черносотенцы, конечно, воспользовались случаем, чтобы напомнить о традиционных ценностях, и заявляли устно и в печати: «Вера и патриотизм буров, их патриархальная семейственность, первобытная племенная сплоченность, железная дисциплина и полное отсутствие “современной цивилизованности” — вот несокрушимая твердыня, перед которой затрепетала считавшаяся непобедимой Англия!»

Как здоровая реакция на «бур-патриотизм» звучали голоса демократов: «Нынче куда ни сунься, все буры да буры... А между тем несколько губерний в России голодают!»

Но в целом все российское общество, снизу доверху, единодушно сочувствовало бурским республикам в их борьбе. Даже либералы-англоманы осуждали британскую агрессию и негуманные методы ведения войны. Дети и те играли в Англо-бурскую войну, и все мальчишки хотели быть бурами.

В армейские штабы посыпались рапорты от офицеров с просьбой уволить их в запас, чтобы ехать волонтерами в Африку, — находящийся на службе офицер не мог воевать на стороне другого государства. Отставники ехали без всякого разрешения, за свой счет. Всего отправились воевать на стороне буров свыше двухсот русских, в подавляющем большинстве военные. Среди немногих штатских был Алек-

сандр Иванович Гучков, в будущем лидер партии октябристов («Союз 17 октября»), председатель III Государственной думы, а после февральской революции — военный и морской министр Временного правительства.

Одновременно в Главное управление Российского Общества Красного Креста поступали прошения о зачислении в санитарный отряд, отправляющийся в Трансвааль. В первый же день войны крестьянин Псковской губернии Дмитрий Милославский, проживавший в столице, писал:

«Покорнейше прошу принять мои личные услуги в качестве санитара при подаче помощи раненым воинам Трансвааля... Относительно трудностей, сопряженных с деятельностью санитара, эти трудности при доброй воле уменьшаются наполовину».

Желающих поступить в санитарный отряд было так много, что знатные господа даже прибегали к протекциям. Так, граф П. А. Бобринский был зачислен в отряд агентом (административно-хозяйственная должность) благодаря личной рекомендации военного министра.

Первоначально Главное управление РОККа намеревалось организовать два санитарных отряда — один для буров, другой для англичан. Правда, были высказаны мнения, что англичанам помощь сказывать не следует: «...так как во время русско-турецкой войны английский Красный Крест не принимал участия в оказании помощи больным и раненым воинам русской армии». Несмотря на эти возражения, большинство членов правления настояли на том, чтобы отправить помощь обеим воюющим сторонам. Однако британские власти отказались принять русский санитарный отряд, не желая иметь у себя в тылу свидетелей и соглядатаев.

Русский санитарный отряд, направляющийся в Трансвааль, был превосходно оснащен и полностью укомплектован. В его составе были высококвалифицированные военврачи, преимущественно хирурги, опытные сестры милосердия и санитары — в основном отставные солдаты и ефрейторы, всего тридцать три человека.

В то же время голландская община Санкт-Петербурга сформировала русско-голландский походный лазарет на сорок коек. В этом санитарном отряде, наряду с врачами-гол-

ландцами, был один русский доктор, большинство медсестер и все санитары — также наши соотечественники.

В ноябре 1899 года оба санитарных отряда отправились в Африку. Русские офицеры-волонтеры были уже в пути.

Все ждали, что царь, правительство предпримут какие-то решительные действия на государственном уровне.

Наши в Африке, или Бурский марш

В конце октября 1899 года Николай II писал: «...я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем... Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен! Вот что называется влопались и полезли в воду, не зная броду!»

Серьезные трудности, которые испытывала Британия, у многих пробудили извечные мечты: мыть сапоги в Индийском океане, овладеть вожделенными Босфором и Дарданеллами и вообще указать зарвавшейся Англии на ее законное место за Ла-Маншем. Царь тоже испытал легкую эйфорию, он писал: «...мне приятно сознание, что только в моих руках находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое — отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все!»

Приказ действительно был отдан, но лишь о передислокации русских войск близ границ Индии и Афганистана. Официальные газеты объяснили это «известиями о тревожном положении в Афганистане». Однако ни маневры в Туркестане, ни появление русских кораблей в Средиземном море и в Атлантике не произвели на Британию ожидаемого впечатления. В Лондоне понимали, что Россия слишком слаба в экономическом и военном отношении, поэтому не станет активно вмешиваться в конфликт. Сознавал это и сам Николай II, поэтому решил активнее действовать на дипломатическом фронте. «Я намерен всячески натравливать импера-

тора (Германии. — С. М.) на англичан...» — писал он. На деле натравливание вышло какое-то несерьезное.

Вскоре российский император и кайзер Германии встретились в Потсдаме. Вильгельм II сделал приятное родственнику — вышел встречать его в русском мундире. Ники и Вили, как они называли друг друга, вместе гуляли, охотились на фазанов и... ни о чем не договорились. Обещания, данные кайзером президенту Крюгеру, были забыты. Дело в том, что в это время Англия и США уступили Германии спорные острова в Тихом океане. Вильгельм фактически согласился с оккупацией бурских республик. Но в то же время он настойчиво убеждал Николая II начать наступление на Индию.

Российские дипломаты не преуспели и во Франции. Французы мечтали вернуть захваченные Германией области Эльзас и Лотарингию, поэтому ссориться сейчас с англичанами им было не с руки.

Наиболее здравомыслящие политики России советовали хотя бы немного укрепить свои позиции в Азии, не вызывая при этом гнев Британии. И действительно, под шумок далекой войны Россия заключила ряд выгодных договоров с восточными соседями.

В общем, действенную помощь бурам оказали только воин-добровольцы и санитарные отряды.

Правда, разведывательная деятельность была поставлена неплохо. Посольство в Лондоне постоянно отправляло подробные отчеты о боевых действиях в Южной Африке, настроениях в войсках и в обществе, основываясь на открытых английских источниках. Однако доверять им полостью было нельзя, Британия вела войну и на информационном поле. Еще накануне войны вышла так называемая Синяя книга, в которой содержалось множество обвинений в адрес буров (такие Синие книги всегда выходили в Англии в преддверии войн). Сообщения военных корреспондентов тоже были тенденциозными. Так, написал книгу о боевых действиях в Южной Африке уже знаменитый тогда писатель Артур Конан Дойл; она вышла в Британии уже во время войны, притом несколькими изданиями. Именно за эту необъективную, мягко говоря, книгу, а не за рассказы

и повести о Шерлоке Холмсе Конан Дойл был возведен королевой в рыцарское звание. В Трансвааль был командирован еще один «певец английского милитаризма» — молодой офицер и военный корреспондент Уинстон Черчилль. Он попал в плен к бурам, сумел бежать, за его поимку была объявлена награда в двадцать пять фунтов. Этот яркий эпизод стал выигрышным дебютом в политической карьере Черчилля.

Российским дипломатам с превеликими трудами удалось добиться присутствия наших военных агентов (так назывались тогда военные атташе) в Южной Африке по обе стороны фронта. Действия английских войск наблюдал полковник Генштаба П. Стахович, на стороне буров работал подполковник-штабист В. Ромейко-Гурко, достойный сын своего отца — генерал-фельдмаршала И. В. Гурко, героя Русско-турецкой войны. Позднее в Трансвааль были направлены военные агенты Иолшин и Потапов, а также военные инженеры капитан Щеглов и капитан фон Зигер-Корн.

С тех пор российские военные, правительство, Николай II имели полное представление о том, что происходит в Трансваале и Оранжевой республике.

«...И Африка мне не нужна?»

В декабре 1899 русский военный агент подполковник Ромейко-Гурко отплыл из Марселя в Африку на пароходе «Наталь». Тем же рейсом отправились санитарный отряд Красного Креста и около пятидесяти русских волонтеров. Офицеры ехали инкогнито и знакомились между собой, узнавая военную выправку.

Вскоре в лондонской «Дейли мейл» появилась корреспонденция под заголовком «Атташе или разбойник? (Странное дело генерала Гурко)». Автор утверждал, что «генерал» Гурко везет в Трансвааль «двести добровольцев» и «три тысячи контейнеров», что под командованием генерала Жубера сражаются тысячи русских, что самому Гурко предложили «командовать армейскими корпусами» — и так далее, и все это будто

бы со слов самого атташе. В общем, типичный образчик английской пропаганды того времени.

Через Мозамбик русские путешественники приехали в столицу Трансвааля Преторию. Президент Крюгер с почетом принял русского военного агента, затем и всех волонтеров — он находил время пожать руку каждому вновь прибывшему добровольцу. Наши волонтеры присягнули на верность бурским республикам, получили оружие, лошадей и отправились воевать. Они могли присоединиться к любому отряду добровольцев: французскому, голландскому, итальянскому, немецкому, ирландскому — либо войти в состав бурского командо.

Подпоручик Августус, прапорщики Диатропов и Никитин, как и половина русских добровольцев, предпочли воевать плечом к плечу с бурами. Подпоручик восхищался их мужеством и с самого начала хотел попасть именно в бурскую часть. Диатропов рассудил, что раз уж русского отряда нет, то с бурами надежнее — они хоть и отступят, да не отступят. А Никитин сказал многозначительно:

— Надобно поучиться, как люди умирают за свободу!

Уже обстрелянные волонтеры советовали новичкам:

— Не вздумайте только бравировать, когда будете под огнем; у буров всякое ненужное молодечество считается безрассудством и вызывает лишь смех.

Встречались, конечно, и среди волонтеров случайные люди, например корнет запаса Вискупский, совсем мальчик, но уже алкоголик. Вероятно разгоряченный вином и мальчишескими фантазиями, пустился он в опасную авантюру, в боевых действиях почти не участвовал и затерялся где-то на африканских просторах. Не он один поддался благородному порыву. Потомок грузинских царей князь Николоз Багратиони-Мухранский собирался в Африку на охоту — тогда сафари только входило в моду, — а тут во Франции узнал о начавшейся войне.

— А кто такие эти буры? — спросил он. И уже через пять минут праздный охотник превратился в кипящего праведным гневом волонтера. Но его первоначальный пыл не угас — князь Багратион, или просто Нико, как его звали бое-

вые товарищи, храбро воевал в составе французского отряда, пока не попал в плен.

Были среди наших волонтеров и другие знатные дворяне: поручик граф Комаровский, князь Енгальчев. В коммандо и в отрядах волонтеров сражались также капитан Айп, поручики Едрихин, Петров, Дуплов, Стессель, военный инженер Рубанов, морской офицер фон Стольман, отставной казачий сотник Ф. И. Гучков (родной брат Н. И. Гучкова), капитан Ганецкий — тоже сын героя Русско-турецкой войны.

В подавляющем большинстве все волонтеры были, как вспоминал подпоручик Августус, «люди убежденные, люди с честными, идеальными стремлениями, в душе которых трепетала жилка удалы и молодечества, облагороженная рыцарским порывом помочь, спасти слабого и угнетенного».

Русский, он и в Африке русский

Русские волонтеры вступили в бой, когда силы англичан уже многократно увеличились: британская армия на юге Африки насчитывала теперь сто двадцать тысяч человек против семнадцати тысяч воюющих буров. Вновь прибывшие английские части были одеты в форму цвета хаки и прекрасно вооружены. Бурские коммандо и отряды волонтеров все чаще отступали, несли тяжелые потери, но и этими малыми силами они сковывали огромную армию врага.

На бивуаках буры, пыхтя своими короткими трубками-«носогрейками», часто спрашивали наших волонтеров:

— Когда же царь русский заступится за наш народ?

— Скоро, — смущенно отвечали русские, — а пока вот нас прислал.

Среди бойцов-буров то и дело проносился фантастический слух, будто Россия вторглась в Индию и скоро англичане уберутся из Трансвааля. Наивные фермеры предпочитали верить в несбыточное, нежели принять горькую правду: великие державы предали их.

И тем не менее буры особенно ценили помощь русских волонтеров и медиков. Один из добровольцев получил даже

почетное воинское звание фехт-генерала — боевого генерала Трансваала и Оранжевой. Подполковник в отставке Евгений Яковлевич Максимов, участник походов в Туркестан и Абиссинию, приехал на войну как корреспондент нескольких столичных газет. Изучив положение на фронте, он счел своим долгом отправить несколько зашифрованных сообщений в Генеральный штаб. Максимов прекрасно понимал, что в войне наступил роковой перелом, что без помощи европейских государств бурские республики обречены. На встрече с президентами Трансваала и Оранжевой республики Максимов настоятельно рекомендовал отправить депутацию в Европу.

— Помните, как в Евангелии сказано: просите и дано будет вам, — убеждал русский офицер. — Поезжайте первым делом к царю, потом в Берлин, Париж и Гаагу...

И действительно, посланцы бурских республик отправились в столицы европейских государств, увы, безрезультатно.

В это время погиб командир «Иностранного легиона», сборного отряда европейских волонтеров, французский полковник Морейль. Максиму предложили возглавить это формирование. После того как «Иностранная легион» потерял много бойцов и раскололся на мелкие отряды, Максимов принял командование крупным голландским корпусом. Эти подразделения участвовали во многих сражениях, опыт и решительность русского командира часто обеспечивали успех.

В марте 1900 года, трезво оценив обстановку, тот же Максимов посоветовал Крюгеру начать с англичанами мирные переговоры. Это был его последний совет — в конце апреля Максимов был тяжело ранен. Звание фехт-генерала русский подполковник получил уже перед отправкой на родину. Этот отважный офицер, когда ему было уже за пятьдесят, добровольно участвовал в Русско-японской войне, командовал батальоном и погиб в бою под Мукденом.

В конце войны численность британской армии возросла до двухсот сорока тысяч. В тяжелых кровопролитных боях получили ранения многие наши волонтеры, в их числе Н. И. Гучков. После сдачи Претории армия бууров перестала существовать, но партизанская война продолжалась. Один из летучих

отрядов возглавил капитан Ганецкий. Другой партизанский командир — подпоручик Покровский погиб в неравном бою. Наши волонтеры продолжали сражаться самоотверженно, в партизанских отрядах погибли или умерли от ран российские офицеры-добровольцы фон Строльман, Дуплов, Стесель, Петров.

После возвращения в Россию санитарных отрядов с партизанами остались российские врачи фон Ренненкампф (он лечил самого президента Крюгера) и Кухаренко; военврач Кухаренко был захвачен в плен англичанами, но и в плену по просьбе британского командования продолжал оказывать помощь больным и раненым обеих воюющих сторон. Кстати, российские врачи были единственными, кто лечил и кафров, конечно, вне лазаретов, почти тайком, где-нибудь на задворках.

Пленники и беглецы

Немало буров и волонтеров попали в плен. Англичане с ними не церемонились, не разбирали чинов и национальностей, содержали в скотских условиях, кормили впроголодь. Бывали случаи расстрелов без суда. Истощенных и легкораненых пленных гнали в лагерь, подгоняя ударами, уланы кололи пиками. Вконец обессиленных, случалось, закалывали штыками. В лагере их размещали в страшной тесноте и духоте, больные и раненые не получали медицинской помощи и умирали тут же, среди еще живых.

Выживших стремились вывезти в дальние колонии, чаще всего на Сейшельские острова или на остров Святой Елены, где томился когда-то Наполеон. Особо опасных, с точки зрения англичан, везли на Цейлон, причем с побережья гнали в глубь острова, в джунгли, откуда бежать было невозможно. На пароходах пленных везли, как рабов, по шестьсот и более человек, с вечера до утра запирали в трюме, лишенном вентиляции. Смертность и здесь была высокая.

Князя Багратиона захватили в плен 5 апреля 1900 года вместе с семнадцатью французскими волонтерами. Новый

командующий английскими войсками лорд Китченер заинтересовался экзотической личностью и велел привести его. Внешность князя производила сильное впечатление — высокий красавец, весом свыше ста килограммов.

— Почему вы сражались против нас? — спросил лорд.

— Таковы мои убеждения! — заявил Нико и сам перешел в наступление: — Как вы могли напасть на маленький свободный народ? Как вы смеее расстреливать пленных?..

Участь князя была решена — его отправили на остров Святой Елены. Весь остров был большой тюрьмой, но пленные из Трансваала содержались хуже всех — в отдельном лагере, жили в дырявых палатках, даже в дождливый сезон, спали на голой земле. Из-за недоедания Нико потерял треть своего веса. Вскоре в лагере началась эпидемия тифа, но условия содержания пленных не изменились, медицинская помощь отсутствовала...

Грузинскому князю повезло — о нем хлопотали влиятельные родственники, российские дипломаты вступили в переписку с английскими властями. Через семь месяцев узник Святой Елены получил свободу. Другим пленным оставалось надеяться только на себя. Несколько буров пытались бежать с острова Святой Елены в рыбацкой лодке, но были схвачены и снова угодили под военно-полевой суд.

И все-таки пятерым бурам удалось бежать с плавучей тюрьмы на рейде порта Коломбо. Вилли Стейн, Джордж Стейтлер, его младший брат Лоуренс, Эрнст Хауснер и Пит Бота (двоюродный брат знаменитого бурского генерала) с момента пленения держались вместе. Когда стало известно, что их вот-вот отправят дальше в глубь острова, они решили, что медлить нельзя. В новогоднюю ночь им удалось спрятаться на палубе. Они знали, что вокруг судна постоянно кружит шлюпка с охраной. Когда шлюпка находилась у противоположного борта, беглецы тихо спустились по веревке в воду. На рейде находились еще несколько кораблей. Ближе других, примерно в миле от них, стоял на якоре пароход, который буры приняли за французский. Каково же было их отчаяние, когда пароход снялся с якоря и отплыл. Беглецы так и не узнали, как им неслыханно повезло, — это был английский пароход «Манора». Из последних сил пловцы направи-

лись к следующему судну. На их счастье, им оказался российский торговый пароход «Херсон». Первым достиг борта Вилли Стейн и позвал на помощь. Его подняли на борт и тотчас спустили шлюпку, чтобы искать остальных. Отважных буров одели в сухое и усадили за новогодний стол. Вахтенный офицер доложил капитану 2-го ранга Остолопову о необычайном происшествии. Капитан был полной противоположностью своей фамилии, он приказал:

— Записей в бортовом журнале не делать. Вы мне не докладывали, я ничего не слышал. Если меня спросят, я под присягой заявлю, что не видел никаких буров.

На всякий случай до выхода в море буров прятали в одной из дымовых труб, так поступали и во время стоянок в английских портах. Даже в родной Феодосии буры прошли таможенный досмотр в русской форме. Только после этого весть о беглецах разлетелась по стране. Поездом буры отправились в Санкт-Петербург, на остановках их приветствовали как героев.

В столице отважных буров окружили почетом и уважением; они жили у голландского пастора Гиллота. Далее пятерка храбрецов намеревалась ехать в Голландию, повидаться там с президентом Крюгером — он как раз вел дипломатические переговоры, — а затем вернуться на родину.

— Возможно ли пробраться в страну, уже почти оккупированную англичанами? — удивлялись все.

— Это проще, чем бежать из английского плена, — невозможно отвечали буры.

За несколько дней, проведенных в столице, пятеро храбрецов посетили музеи, встречались с представителями общественных организаций и с журналистами. От них русские узнали о шокирующих методах войны по-английски.

Бесславная победа

Буры рассказали не только о бесчеловечном отношении английских военных к пленным. Бывали случаи, когда британцы вероломно нападали на буров-парламентеров под белым флагом. В бою под Сионскопом уже сами англичане

подняли над окопом белый флаг, а когда буры приблизились на двадцать ярдов, последовал залп, убивший и ранивший семнадцать человек. Этот низкий прием англичане использовали еще не раз. Британцы неоднократно стреляли по мирным жителям, женщинам и детям, если они оказывались в зоне боев. Попавших в плен англичан спрашивали: за что вы стреляете в женщин? Они отвечали: мы думали, это переодетые мужчины. Нередки были случаи, когда жен бургских командиров вместе с детьми заключали в тюрьмы, их дома и фермы сжигали, скот угоняли...

Эти рассказы подтверждали другие участники той войны и международные наблюдатели. Британские власти, обескураженные тем, что огромная армия не может сломить сопротивление буров, отбросили прочь предрассудки вроде «цивилизованных правил ведения войны». Гнев империи пал и на мирное население: в Трансваале и Оранжевой англичане впервые применили тактику «выжженной земли»: фермы и другие строения, которые могли стать убежищем для бойцов-буров, уничтожались; скот угоняли, посевы и любое продовольствие предавали огню. Сами англичане называли это «политикой опустошения», ее проводили в жизнь карательные отряды. Один из участников карательных экспедиций, канадец по национальности, вспоминал: «По пути следования мы предали сожжению территорию на шесть миль вокруг, разгромили деревню Вилпорт и цветущий город Даллстром. Наш отряд оставил после себя огонь и дым... Я видел, как из домов выбегали женщины и дети, как из окон выбрасывали их одежду. Кавалеристы быстро удалились, а несчастные женщины и дети, крайне перепуганные нашим внезапным налетом, продолжали стоять во дворах или садах, беспомощно наблюдая, как их дома исчезают в огне и дыму». К концу войны, по свидетельствам самих англичан, были сожжены несколько тысяч ферм.

Отмечены случаи, когда британцы вооружали кафров и натравливали их на беззащитных бургских стариков, женщин и детей, причем командовали этими бандами английские офицеры.

Наконец, изобретательные англичане додумались до первых концлагерей: в них сгоняли всех жителей, заподозренных

в связях с воюющими бурами (а «в связях» с ними были все — жены, дети, родители, соседи). Известно свыше одиннадцати крупных лагерей, в них оказалось двести тысяч человек — в основном женщины и дети. Условия содержания там были настолько ужасными, что в некоторых концлагерях умирали от половины до семидесяти процентов заключенных; первыми от истощения и болезней погибали дети. Всего англичане уморили в концлагерях по меньшей мере двадцать шесть тысяч человек, три четверти погибших — дети. Британское правительство уверяло своих граждан и мировую общественность, что создало сеть «Refugees Camps» (убежище, место спасения) по просьбе мирного населения, чтобы оградить их от тягот и опасностей войны. Беспремерное лицемерие проявлялось во всем: когда в концлагере умер маленький сын известного бурского командира, было опубликовано такое извещение: «В Порт-Элизабет умер военнопленный (так!) Д. Герцог в возрасте восьми (!) лет».

Англичанка Эмили Хобхауз создала «Фонд нуждающихся южноафриканских женщин и детей», побывала в концлагерях Трансвааля и Оранжевой и подготовила правдивый отчет об этих «убежищах». В газеты попала фотография истощенного бурского ребенка, умирающего от голода. Но правительство воспрепятствовало распространению разоблачительного доклада и публичным выступлениям активистки.

Перед лицом массовых безвинных жертв и безмерных жестокостей бурские руководители, военачальники и партизаны решили сложить оружие. Британские власти были тоже крайне заинтересованы в скорейшем прекращении боевых действий: им и в страшном сне не могло привидеться, что «маленькая победоносная война» продлится без малого тысячу дней. Теперь она обходилась казне в миллион фунтов стерлингов в неделю (в нынешних ценах — миллиард фунтов).

31 мая 1902 года мирный договор между Великобританией и бурскими республиками был подписан. Оба бургских государства вошли в состав британской колонии. Им было обещано самоуправление; всем добровольно сложившим оружие объявлена амнистия; пленные отпущены по домам. За ущерб, нанесенный хозяйствам, были выплачены компенсации.

Но бойцы-буры из числа жителей Капской колонии были надолго лишены избирательного права. Бойцов других национальностей выслали в страны, откуда они или их предки прибыли. Так, были высланы в Россию евреи — и те, кто сражался с оружием в руках, и те, кто снабжал бойцов продовольствием, одеждой и всем необходимым. Точных сведений о них не сохранилось, поскольку Российская империя стыдливо замалчивала сам факт еврейской иммиграции.

Марш обреченных

Русские военные специалисты, медики и бойцы-волонтеры прибыли в Южную Африку хотя и не первыми, но покинули ее в числе последних. После возвращения на родину все, кто находился в Трансваале официально, были награждены: военные агенты и инженеры повышены в чинах, некоторые удостоились аудиенции у государя; несколько врачей получили ордена, медсестры и санитары — медали.

Наградой бойцам-волонтерам стали только сознание исполненного нравственного долга, благодарность буров и уважение соотечественников. Мы до сих пор не знаем имен большинства добровольцев. Более того, значительная часть военного архива об Англо-бурской войне была уничтожена по приказу военного министра уже в 1900 году, то есть в разгар боевых действий. Какие сведения содержали исчезнувшие папки? Может быть, Россия, россияне приняли в той войне более деятельное участие?

В той далекой войне многое и поныне остается загадкой. До сих пор военные историки разбирают стратегические и тактические просчеты обеих сторон. Если ошибки английского командования непростительны для профессиональных военных, то действия бурских властей и командиров просто непонятны. Пишут, что у буров вообще не было стратегического плана.

Впрочем, план был, но не исключительно военный, а военно-политический. Все отчетливо понимали, что выступление бурских вооруженных сил против Британской империи

являлось маршем обреченных. Поэтому и была сделана ставка на то, чтобы наносить противнику как можно больший урон, сберегая при этом собственные силы, то есть жизни. В результате буры рассчитывали, что Англия ужаснется масштабом потерь и пойдет, готовая к компромиссам, на мировую; что мировые державы все-таки выступят в поддержку бурских республик; что и в самом Лондоне возникнет пятая колонна — оппозиция воспользуется случаем, чтобы осудить агрессию, и станет добиваться заключения приемлемого мира.

План мог бы сработать, но он был основан на представлениях ушедшего девятнадцатого века. Буры не могли представить, что в наступившем двадцатом веке подлость и вероломство станут нормой международной политики. Их расчеты рушились, как картонный домик. Кстати, об английской оппозиции: в начале войны она заняла патриотическую позицию и только в конце войны, когда военные расходы возросли многократно, потребовала отчетов, разбирательств, смены военного руководства. Это привело лишь к тому, что сразу после заключения мира Британия начала активно реформировать свои вооруженные силы, в том числе и военное ведомство.

Таков был зловещий пролог трагического века. Сценарий Англо-бурской войны, в целом и в частности, неоднократно повторился в мировых войнах и в региональных конфликтах. Да и двадцать первое столетие началось будто бы по тому же сценарию: события в Сербии и вокруг нее очень напоминали покорение Трансвааля и Оранжевой; много похожего и в оккупации Ирака, только в качестве главного трофея вместо золота — нефть.

Вот о чем я думал, перечитывая недавно книжку «Капитан Сорви-голова», так впечатлившую меня в детстве; припомнил я и песню, услышанную тогда же:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Ты вся горишь в огне...

Автор книжки — Луи Буссенар очень точно отобразил события Англо-бурской войны, словно сам побывал на фрон-

тах Трансвааля и Оранжевой. Буссенар был военным врачом, участвовал во Франко-прусской войне, получил ранение. «Военная косточка» чувствуется во многих его приключенческих романах. Почти во всех своих книжках он описывал похождения отважных французов в разных уголках света. «Капитан Сорви-голова» не единственное его произведение о Южной Африке; очень нравился мне его роман «Похитители бриллиантов».

А песня на стихи Глафиры Эйнерлинг — о чужой беде, о чужой войне — отозвалась во многих более поздних литературных произведениях. Самая яркая интерпретация знаменитой песни — в поэме Михаила Исаковского «Песня о Родине» (1948 год), строка «Трансвааль, Трансвааль, страна моя!» проходит в ней рефреном.

Я даже знал тогда едва ль —
В свои двенадцать лет, —
Где эта самая Трансвааль
И есть она иль нет.
...Один был путь у нас — вперед!
И шли мы тем путем.
А сколько нас назад придет —
Не думали о том.
...«Трансвааль, Трансвааль!..» —
Я много знал
Других прекрасных слов,
Но эту песню вспоминал,
Как первую любовь...

Вот уж действительно, загадочная русская душа сродни бурской.

Мария Добролюбова всего на несколько лет, словно падающая звезда, озарила небо России — и погасла. Однако она произвела такое впечатление на современников, что ее образ запечатлелся в стихах Александра Блока, Николая Клюева, других поэтов. Писатели Осип Дымов, Леонид Семенов, Пимен Карпов изобразили ее под разными именами в своих книгах.

Легенда о Марии Добролюбовой начала слагаться сразу после ее ранней и внезапной смерти. Ее имя сделалось, можно сказать, знаменем революционеров левого толка. Предания о ней передавали из уст в уста в тюрьмах, на каторге и в ссылках на протяжении десятилетий — вплоть до сталинского ГУЛАГа.

«Левозэсеровскую» версию биографии Марии Добролюбовой изложил Варлам Шаламов в рассказе «Лучшая похвала». В начале тридцать седьмого года в Бутырской тюрьме ее поведал писателю старый революционер, генсек общества политкаторжан Александр Георгиевич Андреев.

«Жила-была красавица. Марья Михайловна Добролюбова. Блок о ней писал в дневнике: главари революции слушали ее беспрекословно, будь она иначе и не погибни, — ход русской революции мог бы быть иной. Будь она иначе!..

...Красавица, воспитанница Смольного института, Маша Добролюбова хорошо понимала свое место в жизни. Жертвенность, воля к жизни и смерти была у нее очень велика.

Девушкой работает она “на голоде”. Сестрой милосердия на русско-японской войне.

Все эти пробы нравственно и физически только увеличивают требовательность к самой себе.

Между двумя революциями Маша Добролюбова сближается с эсерами. Она не пойдет “в пропаганду”. Малые дела не по характеру молодой женщины, испытанной уже в жизненных бурях.

Террор — “акт” — вот о чем мечтает, чего требует Маша. Маша дожидается согласия руководителей. “Жизнь террориста — полгода”, как говорил Савинков. Получает револьвер и выходит “на акт”.

И не находит в себе силы убить. Вся ее прошлая жизнь восстает против последнего решения.

Борьба за жизнь умирающих от голода, борьба за жизнь раненых.

Теперь же надо смерть превратить в жизнь.

Живая работа с людьми, героическое прошлое Маши оказали ей плохую услугу в подготовке себя к покушению...

...Маша не находит в себе силы выстрелить. И жить страшно в позоре, душевном кризисе острейшем. Маша Добролюбова стреляет себе в рот.

Было Маше 29 лет».

Так или примерно так пишут о Марии Добролюбовой до сих пор. Многие факты ее биографии в пересказе Шаламова верны. Но не все. К тому же есть и недосказанное. Поэтому портрет героини-революционерки выходит несколько плакатным. Попробуем восстановить подлинные обстоятельства жизни и смерти этой загадочной девушки.

Мадонна, русская душою

В первые годы нового, двадцатого, столетия литературно-художественная жизнь обеих столиц бурлила: творческие и философские собрания, духовные искания, смелые экспе-

рименты в искусстве — все цветы Серебряного века словно спешили расцвести, заявить о себе.

В конце 1901 года в Санкт-Петербурге открылись религиозно-философские собрания — своего рода дискуссионная площадка, где творческая интеллигенция и служители православной церкви искали пути преодоления взаимного отчуждения. Одним из учредителей собраний был яркий поэт и мыслитель, теоретик символизма Дмитрий Мережковский. На одном из собраний обсуждали образ Мадонны в мировом искусстве. Очевидец вспоминал:

«Мережковский с жаром говорил о Мадонне. Затаив дыхание, аудитория с глубоким вниманием слушала его. И вдруг он вздрогнул, неожиданно остановился и вперил свой взгляд в один угол. Все инстинктивно посмотрели туда же — и ахнули: в дверях стояла живая Мадонна. Это была Добролюбова».

Она действительно была удивительно красива. Тонкие правильные черты лица, темно-русые волосы, разделенные прямым пробором, толстая тяжелая коса, которая, казалось, всегда удерживала ее голову слегка откинутой назад, а главное, выражение доброты и искренности в глазах и всем облике ее.

Девушка стала все чаще появляться на подобных собраниях, в литературных кружках. Иногда к месту вставляла словечко-другое: горячо, но просто говорила о любимых писателях и поэтах — Мережковском, Розанове, Брюсове.

Она и сама пробовала сочинять, правда, относилась к собственному творчеству с улыбкой, говорила: это не стихи, а так, песенки.

Я красива,
Не спесива,
И пою я
Без мотива.
Ветерочек
Лепесточек
Мой, шутя, колышет,
Всякий странник
И изгнанник
Мои песни слышит...

Постепенно столичная богема узнала, что зовут девушку Мария Михайловна Добролюбова, ей немногим больше двадцати лет. Она, что называется, из хорошей семьи, дальняя родственница знаменитого критика и общественного деятеля Н. А. Добролюбова. Отец Маши был высокопоставленным чиновником, действительным статским советником. Он умер в 1892 году, после этого жена его и восемь детей вели довольно скромный образ жизни.

Оказалось, что еще прежде Марии в литературной среде прославился ее старший брат Александр, талантливый поэт-декадент. Его первая книга стихов наделала в 1895 году много шума. Он воспевал всевозможные «цветы зла», в том числе проповедовал красоту смерти. В личной жизни любил эпатаж, демонстративно курил гашиш. Через три года после скандального триумфа пришел раскаяние, полное и бескомпромиссное. Александр Добролюбов неожиданно порвал все связи с «обществом», опростился и «ушел в народ». Скитаясь по деревням и селам, он говорил людям о братской любви, отрицал святость икон и императора, убеждал крестьян отказываться от военной службы. Его за это не раз сажали в тюрьму. Вокруг молодого проповедника повсюду возникали секты «добролюбовцев». Но в Петербурге и в Москве несколько лет не знали, жив ли он еще; в память о нем выпустили книгу его стихов с предисловием Брюсова. Однажды Александр возник на пороге квартиры Брюсова, словно из небытия. «Он был в крестьянском плаще, сермяге, красной рубахе, в больших сапогах... Теперь он стал прост, теперь он умел говорить со всеми... И все невольно радостно улыбались на его слова. Даже животные шли к нему доверчиво, ласкались», — вспоминал Брюсов. Александр ушел наутро так же неожиданно, как появился.

Это было время «пришельцев» и «ушельцев». Пришельцы несли новые идеи, звали ломать старое и возводить новое. Ушельцы возвращались к прошлому, к корням, уходили в секты. «Неонародники» опять шли в деревни, «неохристиане» искали «своего», нового Христа.

Возможно, от старшего брата переняла Маша какую-то стихийную, неканоническую религиозность; много молилась, но не по писаному, а своими простыми словами, храм и иконы не были обязательными спутниками молитвы; часто быва-

ла на кладбище, чтит память предков, но оставалась при этом девушкой современной и начитанной. В 1900 году окончила педагогические классы Смольного женского института. Она любила детей и мечтала посвятить им свою жизнь.

Едва окончив учебу, Маша сразу начала хлопотать об открытии в Петербурге школы для бедных детей. Вскоре нашлись и помещение, и деньги, собрались молодые учителя-энтузиасты, готовые работать ради благого дела. Школа Маши Добролюбовой действовала несколько лет.

Затем началась Русско-японская война. Мария Добролюбова окончила курсы медсестер и добровольно отправилась на фронт. Именно таким неопытным девушкам особенно трудно пришлось на той войне.

После разгрома под Мукденом началось отступление, похожее на бегство. Нечем было кормить раненых, особенно мучила жажда. Маша сама пила воду из грязной лужи. Когда подали эшелон для эвакуации, раненые дрались костылями и клюками, чтобы попасть в вагоны. Поезд тронулся, Маша успела вскочить на подножку последнего вагона...

В России уже разгорелась революция.

Глазами Блока

Девятого января Александр Блок нервно ходил по своей квартире из комнаты в комнату. Дымок папиросы не поспевал за ним. В своей неизменной черной блузе (вскоре она сделается модной в среде русской богемы) он был похож на вещую птицу. То и дело домашние, знакомые и прислуга сообщали: рабочие идут несколькими колоннами к Дворцовой площади, с крестами и иконами, несут петицию царю. Везде стоят заслоны, солдаты и кавалеристы. Будут ли стрелять?

В это время близкий друг Блока еще по университету — молодой журналист и поэт-символист Леонид Семенов (внук знаменитого исследователя П. П. Семенова-Тян-Шанского) в числе других гуляющих петербуржцев с любопытством наблюдал шествие. Воскресная публика шла по тротуарам вместе с колоннами рабочих. Пошел и Леонид. У Полицейского моста показались цепи солдат. Вопреки уставу, без пре-

дупреждения, полковник скомандовал «Пли!». Стреляли по колонне и по толпе на набережной Мойки. Послышались крики. Семенов бросился ничком в снег. Стрельба продолжалась. Рядом стонали раненые, но невозможно было даже поднять голову. Цепь, ошестинившись штыками, двинулась вперед, толпа рассеялась, на снегу остались только убитые и раненые...

Через час Семенов ворвался в квартиру Блока, речь его была бессвязна, лицо перекошено. Казалось, привычный мир перевернулся: еще недавно Семенов брезгливо сторонился демократически настроенных студентов с их кружками и тайными сходками; при объявлении войны Леонид возглавил патриотическую манифестацию: за веру, царя и отечество — разгромим япошек!.. Ему было мучительно стыдно перед собой и перед теми, кто остался лежать у Полицейского и Троицкого мостов, у Нарвских ворот и Александровского сада, на Васильевском острове...

В смятении был в эти дни другой близкий друг поэта — Евгений Иванов, начинающий литератор и философ. Этим двум незаурядным молодым людям предстояло стать хорошими знакомыми Марии Добролюбовой. Александр Блок невольно стал поверенным в их сердечных тайнах.

А пока он вышагивал по квартире, впечатления дня отличались в строки:

...Рядом пал, всплеснул руками,
И над ним сомкнулась рать,
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...
...Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Словно Демон и Тамара

Весной 1905 года Мария Добролюбова вернулась в Петербург. Она не сразу сняла сестринский наряд. Она колебалась: опять уехать на фронт или остаться. С этого времени за ней закрепилось имя — сестра Маша. Она стала внешне

строже, но еще прекраснее, хотя лицо и руки загубели на войне.

Евгений Иванов рассказывал: в середине мая он увидел идущую ему навстречу сестру милосердия. «Я до того поразился необычайным светом лика, что остановился и едва шляпу не снял перед нею, — вспоминал он. — Господи, какое лицо!»

В тот же вечер Евгений встретил Машу в одном семействе. Так состоялось их знакомство и началась дружба. Разговоры между ними были предельно откровенными. Вскоре Иванов восторженно делился с Блоком:

«Это какое-то воплощенное христианство, “огнем крестящее”... Дева, прошедшая через огонь... И какое возмущение глубоко благородное против крови убийства, против насилия. Не задумывается душу свою положить за други своя... В ней все кипит как море. И вдруг понимаешь, что революция в глубине — она».

Встречи Иванова с сестрой Машей продолжались несколько месяцев. Она уже носила обычный наряд городской барышни — платье, кофту, шляпу. Чем больше Евгений узнавал Машу, тем больше его пугала странная раздвоенность ее мировоззрения. Наряду с христианским милосердием жила в ее душе испепеляющая ненависть к врагам. Увлекалась анархизмом, советовала и Евгению почитать Кропоткина. Молодому человеку пришло на ум сравнение из «Демона» Лермонтова: Демон соблазняет чистую Тамару — вот что творится в душе Маши. По мысли Иванова, революция и есть Демон. Он говорил: «Революция — не политическое благоустройство, а преображение жизни и человека!» Впрочем, тут же признавался: «Я весь развинчен, словно паровоз, буксующий на скользких от масла рельсах». Под впечатлением встреч и бесед с Добролюбовой он начал писать статью «Демон и Революция».

Маша слушала его рассуждения серьезно, но словно жалея, как ребенка:

— Эта ваша расхлябанность — от боязни убийства исходит. Я сама жалею даже муху или комара убить. И цветы жалко. Я верю, что собаки наши дворовые, Орлик и Лелька, все будем вместе, там... Но вид насилия дает силу убить. Человек насилия хуже зверя!

— Но ведь сказано: не убий! — пытался возразить Иванов.

— Оттого-то и надо преступить заповедь — ради любви! — сказала Маша.

В последний раз Евгений встретился с Машей в декабре, когда узнал, что она уезжает из Петербурга.

— Надо ехать, боюсь, меня на днях арестуют, — объяснила она и попросила передать поклон от нее общим знакомым. И, в свою очередь, поинтересовалась: что они думают о ней.

— Не верят, что вы из крайних, — ответил Иванов.

— Они обо мне хорошего мнения, — невесело улыбнулась Маша. — Прощайте!

Жених и невеста понарошку

Той же весной девятьсот пятого познакомился с Машей и Леонид Семенов. Леонид Семенов был гораздо ближе к ней по взглядам. Еще до войны и революции он писал: «Уж лучше гроза, чем это мертвое царство пошлости!» Он считал Машу неизмеримо выше себя — и в нравственном отношении, и в реальном служении людям.

Ни с кем Маша не была так откровенна, как с Леонидом. По-видимому, прежде в ее жизни был человек, которого она действительно любила. Он погиб. Однажды Маша показала Леониду свое письмо «к другу», как она сказала, и, видимо из ревности, Семенов сказал о «друге» что-то мелкое, недостойное.

— Но он-то дошел до конца. А вы пока ни в чем не дошли, — сказала, как отрезала, Маша.

Тема смерти часто возникала в ее разговорах. Однажды сказала Леониду:

— Вам хочется жизни нужной, а мне — смерти нужной.

Даже «песенки» ее дышали смертью:

Упаду без слезы
 На твой гробик, мой друг,
 Будем в смерти мы жить,
 Целоваться, любить...

Осенью Машу и Леонида уже называли за глаза женихом и невестой, но сами они считали свой союз духовным родством.

Той же осенью оба окончательно определились: Леонид пошел с социал-демократами, Маша с эсерами. Говорили, что руководителем ее группы был В. В. Кирьяков, педагог и публицист, в будущем депутат думы. Он часто скрывался за псевдонимом «Дядя Вася». Сам Керенский советовался с Кирьяковым по вопросам эсеровской идеологии.

Леонид объявил Маше, что едет в Курскую губернию, там сильное крестьянское движение, создается Крестьянский союз.

Оказалось, что и Маша собралась в дорогу: ей обещали место сельской учительницы и заведующей продовольственным пунктом для голодающих в Тульской губернии.

Разумеется, оба везли запрещенные брошюры и прокламации.

На прощанье Маша написала в книжку Леониду: «Думайте о сейчаснем. Завтрашний день сам о себе позаботится».

Три ареста на двоих

Леонид Семенов ездил по деревням и селам, собирал сходы, рассказывал крестьянам о Государственной думе, советовал, за кого голосовать. В то же время удерживал мужиков от погромов помещичьих усадеб. Прятался по глухим хуторам, но не избежал ареста.

В тюрьме его возмутило, что лютой зимой на дворе, при выходе тюремного начальства, звучала команда «Шапки долой!» — и все обнажали головы и стояли так, пока начальство не соизволит удалиться. И однажды Семенов крикнул: «Шапки надеть!» — и все послушно надели шапки. Раздался дружный смех. Начальник свирепо зыркнул глазами и... больше ничего. В это время уже начала работать дума, сверху поступила директива особо не зверствовать; многих арестантов освободили, отпустили и Леонида.

После первого ареста Семенов вернулся в Курскую губернию. Проводил Учительский съезд, съезд Крестьянского союза, организовывал газету, был избран в местный комитет партии. Жил по поддельному паспорту. Был арестован в поезде, идущем в Курск.

К тому времени думу разогнали, временные послабления окончились. Семенов попытался бежать. Его поймали, зверски избили, издевались, плевали в лицо, бросили голым в грязный, как нужник, карцер. Все жалобы арестанта на побои и издевательства были проигнорированы. Стражники посмеивались над ним:

— Царь велел бить таких, как ты!

Ему грозило двенадцать лет каторги.

В это время дед его, Петр Петрович, был удостоен права, распространявшегося и на потомков, носить фамилию Семенов-Тянь-Шанский...

Маша спешно уехала из Тульской губернии, чтобы избежать ареста — 16 августа 1906 года Тульское жандармское управление возбудило против нее уголовное дело, при обыске у нее были обнаружены нелегальные брошюры. В Петербурге Маша узнала о втором аресте Леонида и бросилась в Курск. Ей разрешили два свидания с Семеновым. Старалась ободрить Леонида, обещала хлоротать о его освобождении. Рассказывала, как хорошо ей было в деревне, о детях, о крестьянах, которые искренне полюбили ее. О политике, конечно, тоже: о разгоне думы, о восстании Свеаборгского гарнизона, о Столыпине...

И ничего личного. Оба хотели сказать что-то самое главное. Но не сказали.

В Курске, перед отъездом в Петербург, Маша встретилась с Е. К. Брешко-Брешковской, «бабушкой русской революции», как ее называли. Она создавала партию эсеров и ее боевую организацию. На прощанье Брешковская перекрестила и поцеловала Машу в лоб. Этим поцелуем девушка гордилась, как боевой наградой.

В Петербурге Маша поселилась на квартире друзей — журналиста Аркадия Руманова и его жены, пианистки Евгении Штембер. Здесь, на Морской улице, дом 27, квартира 11, ее арестовали второго сентября. Из столичной пересыльной

тюрьмы в сопровождении жандармов отправили в Тульскую тюрьму. Какими были ее «тюремные университеты», как удалось освободиться — об этом ничего не известно. Через два месяца она вернулась в Петербург и поселилась с младшей сестрой Еленой на Васильевском острове, здесь образовался один из подпольных эсеровских кружков.

О кружке Маши Добролюбовой знали далеко за пределами столицы. Знал и знаменитый поэт Николай Клюев, первый наставник молодого Есенина. В ту пору он был поэтом-бунтарем, активным организатором Крестьянского союза в северных губерниях. Образ сестры Маши глубоко запал в душу Клюева. Он знал ее старшего брата, говорил: «Александр Добролюбов — пречистая свечечка...» И вот из Олонецкой тюрьмы Клюев писал товарищам на волю: «Адрес кружка с.-р.: Петербург, Васильевский остров, Большой проспект, дом 27, кв. 4, Марии Михайловне Добролюбовой. Сюда можно обращаться и за денежной помощью, только я думаю, и этот кружок арестован, хотя месяц назад был еще цел. Если желаете, можете написать, сообщив о моем аресте...»

Нет, Маша была на свободе. Но силы и здоровье были подорваны. Мучили головные боли, случались необъяснимые обмороки. Несмотря на это, Маша была, как всегда, деятельна. Она вновь поступила на медицинские курсы. «Медицинские курсы — это мой поцелуй земле, — писала она близкой подруге. — Помнишь Соню Мармеладову, как она велит Раскольникову пойти на Сенную площадь и там поцеловать грязную землю за то, что слишком высоко поставил он свою отвлеченность, свою идею. И я такая же отвлеченная. Слишком долго жила такой отвлеченной, ненужной жизнью...»

Две Девы

Александр Блок скорее всего никогда не виделся с Марией Добролюбовой лично, но слышал о ней от Мережковских и других общих знакомых. Позднее Евгений Иванов и Лео-

нид Семенов рассказывали и писали Блоку о Маше подробнейшим образом.

Сначала сестра Маша открылась поэту как духовно чистое создание, своего рода невеста Христова. Может быть, этот образ отразился в известнейшем стихотворении Блока, созданном в 1905 году:

Девушка пела в церковном хоре
 О всех усталых в чужом краю,
 О всех кораблях, ушедших в море,
 О всех, забывших радость свою.

.....
 И всем казалось, что радость будет,
 Что в тихой заводи все корабли,
 Что на чужбине усталые люди
 Светлую жизнь себе обрели.

Но поэт все-таки не верит сладкоголосой проповеди, финал стихотворения печален:

И голос был сладок, и луч был тонок,
 И только высоко, у Царских Врат,
 Причастный Тайнам, — плакал ребенок
 О том, что никто не придет назад.

Последняя строка созвучна той, что родилась в день Кровавого воскресенья:

Ведь никто не встретит старость...

Позднее Мария Добролюбова уже представлялась Блоку мятежной личностью: не Пречистая Дева, а Дева-Революция. И в августе 1906 года родилось четверостишие, озаглавленное «Деве-Революции»:

О, дева, иду за тобой —
 И страшно ль идти за тобой
 Влюбленному в душу свою,
 Влюбленному в тело свое?

Эти два блоковских образа-символа — Белая Дева и Красная Дева — живут в его творчестве раздельно. Но вот изобразить Машу сразу в двух ее ипостасях не удалось никому. Даже Блоку.

«Скользим у пропасти»

Письма Маши в Тульскую тюрьму были для Леонида Семенова настоящим счастьем.

«Как хорошо мне, уютно в школе! — писала Маша из Богородицкого уезда. — А кругом красота неописанная, благословенная. Поля, луга, цветы. Казалось бы, только и жить. Только горя реченька заливают всю жизнь...»

Когда переписка прерывалась, он страдал, беспокоился, забрасывал письмами друзей и знакомых. Однажды, после долгого периода безвестности, ему передали записку от Маши — тоже из тюрьмы: «Дорогой Л. Д., хочется на волю, на свободу, нам бы обоим с вами вместе свободой дохнуть!» В октябре переписка возобновилась, в некоторых посланиях сквозило отчаяние.

«Сегодня прочла, что в один день шестнадцать казней, почти все виселицы... Какой ужас смерти в палачах, в судьях... Бедные солдаты, которые всех расстреливают. Вы представьте себя таким солдатом...»

«Мы все скользим, скользим у пропасти. Ничего не знаем. Научите хоть вы, скажите слово, вы ведь брат мой, старший брат».

«Я мечусь, хлопочу, но дохожу до ужаса. Нет сил... Поступила опять на медицинские курсы».

«Но свет есть, есть. Свет и во тьме светит...»

Суд прошел для Семенова удачно: два обвинения были сняты, осудили только за оскорбление его величества — на месяц заключения в крепости. А пока отпустили.

Двенадцатого декабря Леонид вышел из ворот тюрьмы и сразу побежал к друзьям. Хозяева смутились, потом наконец показали телеграмму:

«Приготовьте Леонида к страшному для него несчастью. Маша Д. скорпостижно умерла сегодня 11-го декабря в 10 ч. утра. Руманов».

Леонид и Маша разминулись на один день.

В тот роковой день утром Маша сказала сестре, что согласна наконец пойти с нею к врачу. Сестра обрадовалась, стала переодеваться. Маша попросила старушку няню приготовить ей крепкий кофе — она всегда пила его, когда болела голова. Старушка ушла на кухню, а Маша заперлась в своей комнате на крючок. Потом вдруг послышался звук падения кресла, слабый стон. Позвали дворника, тот вскрыл дверь... Послали за врачами, но те лишь констатировали смерть. Родные ничего не говорили о причинах гибели Маши и не позволили вскрытие.

Ей было двадцать шесть лет.

Последняя запись в ее тетради была такая: «Надо детям сказать все самое главное, нужное, что знаю, заронить. А потом уйти от всех».

Машу похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге. Потрясенный Евгений Иванов оплакивал ее как святую: «В гробу ее смотрел. Волосики ее святые на шее венчиком. Голова набок наклонилась... Какая красота потрясающая, не оторвешь глаз... Богородица в гробу, совсем Богородица».

Об этой нелепой смерти говорил весь Петербург. В газете «Русь» сообщалось, что Добролюбова «умерла от паралича сердца, расплачиваясь за болезнь, нажитую ей в Тульской тюрьме». Газета «Наш голос» выразила общее мнение демократической общественности: «Такие цветы, как Мария Михайловна, в нашей социально-политической стуже жить не могут. Наша социальная почва и политический климат обрекают их на безвременную гибель».

Леонид Семенов не успел на похороны. В эти дни он близко сошелся с Евгением Ивановым — общее горе объединило двух рыцарей этой прекрасной дамы. «Вас очень ценила Маша», — сказал Леонид, и этого было довольно, чтобы забылись «расхлябанный» (Иванов) и «картонный революционер» (Семенов). Леонид читал Евгению наброски сво-

ей документальной повести «Проклятие», в ней под именем Серафимы была изображена Мария Добролюбова. В финале Серафима произносила слова, сказанные однажды Машей: «Проклятие, проклятие на вашу голову, убийцы!»

Стихи Семенова в эту горькую годину стали напоминать печальные песенки Маши:

Она позвала меня к себе,
 Позвала на свою могилку...
 Сестра, сестрица моя,
 Ты ведь рада? скажи же, шепни мне.
 Нам теперь никто не мешает...
 Я могу тебя поцеловать,
 Я могу провести рукой по твоим волосам,
 Как раньше не смел...

Уже в конце декабря несколько друзей Маши решили увековечить ее память, открыв школу имени Марии Добролюбовой в селе Бутырки Богородицкого уезда Тульской губернии. В газете «Русь» был объявлен сбор средств, в заметке говорилось:

«Пусть святой образ Добролюбовой живет в памяти детей, которых она так любила.

Женни Штембер, Аркадий Руманов».

Семенов и Штембер готовили вечер-концерт, хотели привлечь Мейерхольда и Блока. Но концерт не состоялся, ручеек пожертвований иссяк, школа так и не была открыта.

То, что сделала Маша в одиночку, оказалось не под силу целой группе ее друзей.

Украденная смерть

Никто не в силах отнять у Марии Добролюбовой ее яркую биографию, удивительную жизнь. А вот смерть ее попытались похитить.

Версию о самоубийстве Марии Добролюбовой сформировали два близких к ней человека: критик А. Л. Волынский

и уже не раз упомянутый журналист А. П. Руманов. Надо сразу заметить, что их версии были озвучены через несколько лет после смерти Маши.

В своих мемуарных записках Волынский писал о Добролюбовой: «В период начавшейся революции 1905 года она оказалась арестованной и заключенной в тюрьму, оттуда вышла с печатью неслыханного внутреннего расстройства. Какая-то катастрофа произошла с этой необыкновенной красавицей в стенах тюрьмы. Она никому ничего не сказала. Но пережить случившееся, по-видимому, не могла. Однажды Маша Добролюбова была найдена в своей комнате умершей, причем родные ее воздержались от всяких объяснений на эту тему. Я же лично допускаю, что она покончила жизнь самоубийством».

Тут следует заметить, что Волынский познакомился с Марией Добролюбовой раньше всех, сразу после ее приезда с войны. Позднее, в период ее революционной работы, имя Волынского не встречается в окружении Добролюбовой. Вероятно, он узнавал новости о ней с чужих слов. О «катастрофе», происшедшей с Марией Добролюбовой в тюрьме, ничего не известно, но факты избиений, издевательств и насилий над женщинами в тюрьмах были нередки.

О том, что Мария Добролюбова сама будто бы решила «примкнуть к террористической группе», сообщил Аркадий Руманов и назвал имя руководителя группы — В. В. Кирьяков. Однако Кирьяков был скорее теоретиком, а не боевиком, и вообще в окружении Маши не упомянуты эсеры-террористы. От кого же тогда она «получает револьвер и выходит “на акт”»?

Версию Руманова как будто подтверждает сообщение Леонида Семенова: «В Петербурге металась, готова была чуть ли не броситься в летучку, в боевой отряд с.-р., только бы скорей сгореть». Именно «готова была», но бросилась ли? Хотя потребность в самопожертвовании, конечно, была великая: «Я так жизнь люблю, так жить хочу, что от жизни отказаться, отречься готова!» — писала она.

Конечно, все могло быть. И странности действительно есть: зачем Маша заперлась в своей комнате, например? Да мало ли зачем молодая женщина может уединиться. Ее сест-

ра пошла одеваться, вот и Маша одевалась, притом, поскольку ей предстоял медицинский осмотр, она должна была подумать, извиняюсь, о белье.

Можно допустить, что Брешко-Брешковская или другой какой-нибудь демон отправил Добролюбову на смерть, но... Точно известно, что Марию похоронили по православному обряду — панихида, отпевание и собственно похороны на престижном кладбище. Так самоубийц не хоронили. Кроме того, в открытом гробу трудно было бы скрыть следы от выстрела в голову.

Пять лет спустя Аркадий Руманов встречался с Александром Блоком. Они вспоминали Марию. После этой встречи в дневнике Блока появилась эта запись: «О Маше Добролюбовой. Главари революции слушали ее беспрекословно, будь она иначе и не погибни — ход русской революции мог бы быть иной». Но это не блоковские мысли и слова, это краткий конспект того, что говорил ему Руманов. Журналист явно преувеличил роль Марии в революции и ее авторитет среди партийных вождей. Обратим внимание на неловкое выражение «будь она иначе»: вероятно, именно за этими словами скрывалась рассказанная Румановым версия гибели Маши Добролюбовой.

Рассказ Руманова вряд ли существенно изменил отношение Блока к Добролюбовой, к революции, ее героям и героиням. Поэт и прежде был убежден: «Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица». Ну просто портрет сестры Маши!

Думается, дело в том, что революция, как и религия, нуждалась в собственных святых и мучениках. Причем, как и в религии, разные партии выдвигали своих, конфессиональных, святых. Левые эсеры и эсеры-максималисты были самой боевой и самоотверженной частью революционного движения, понесшей наиболее тяжелые жертвы — повешенными, расстрелянными, не говоря уже о заключенных в тюрьмы и ссыльных. Они «приписали» Марию к своему сонму мучениц, из реальной биографии сотворили «житие». А вот в большевистские святцы она не вошла — религиозна, да еще террористка, а большевики официально террор осу-

ждали. Да у них, по правде сказать, уже был полный иконостас своих святых и угодников, а впоследствии появились даже нетленные моши.

Жизнь после Маши

В святые не избирают, в мученики не назначают. Жизнь Марии Добролюбовой и без того необыкновенна, и чужие подвиги или, наоборот, преступления — ей ни к чему.

Те, кто близко знал ее, изменились, многие — сильно и навсегда.

Леонид Семенов все острее переживал лживость, двуличие «наружного мира», как он говорил. Он не раз бывал у Льва Толстого в Москве и в Ясной Поляне. Рассказ Семенова «Смертная казнь», основанный на личных его впечатлениях в Курской тюрьме, растрогал Толстого. «Я не мог говорить от слез, душивших меня, — писал старик автору. — Непременно надо стараться напечатать». Классик с большой нежностью относился к Леониду, не только как к талантливому писателю, но и как к своему последователю. Со временем Семенов стал «толстовцем» в большей степени, чем сам Толстой. Он жил в деревнях, работал батраком у зажиточных крестьян. Некоторое время провел в Самарской губернии в секте, основанной братом Маши — Александром Добролюбовым. Не раз его привлекали к суду по обвинению в кошунстве и уклонении от воинской повинности.

В 1914 году, после смерти деда, Леонид получил достаточный участок земли и завел образцовое хуторское хозяйство. Постепенно вернулся к православию, дважды посещал Оптиную пустынь, беседовал со старцами. Мечтал принять монашеский постриг или стать священником.

В конце 1917 года вокруг бывшего имения Семеновых-Тянь-Шанских свирепствовали банды. В октябре был тяжело ранен в голову старший брат Леонида — Рафаил.

На 26 декабря было назначено рукоположение Леонида в сан священника. Накануне его убили бандиты. В дом бро-

силы гранату. Рукописи Семенова сначала почему-то расстреляли (?!), потом подожгли. Среди погромщиков были крестьяне, близкие к семье Семеновых.

Евгений Иванов окончательно ушел в себя. Как литератор он не состоялся, его эссе и критические статьи не оставили заметного следа. Пожалуй, только рассказы в детских журналах «Тропинка» и «Новый Робинзон» запомнились читателям. Но его внутренняя духовная жизнь, философские искания и переживания привлекали к нему многих выдающихся деятелей русской культуры. Таких ищущих свой путь интеллигентов в дореволюционной России называли «жизнестроителями».

В советской действительности им не было места. Евгений Иванов зарабатывал на жизнь простым рабочим и служащим — счетоводом, статистиком, кассиром. В 1929 году был сослан как «чуждый элемент» в Великий Устюг на три года.

Умер от голода в блокадном Ленинграде.

Поэт Николай Клюев душевно привязался к младшей сестре Маши — Елене Добролюбовой, часто писал ей письма. В 1908 году крестьянский поэт посвятил ей стихотворение:

Ты всё келейнее и строже,
Непостижимее на взгляд...
О, кто же, милостивый боже,
В твоей печали виноват?

.....

Жених с простреленною грудью,
Сестра, погибшая в бою, —
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

.....

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи
Тебе — за боль, за подвиг плача —
Вручатся вечности ключи.

Постепенно Клюев отошел от революции и на время скрылся в своей олонецкой глуши.

Все они ушли — кто «в народ», кто в себя.

А Блок остался.

Он все еще верил в революцию, призывал «слушать музыку революции». Но тот образ революции, который представляли себе почти все русские интеллигенты, упомянутые в этом очерке, был отринут. На смену двенадцати апостолам явились двенадцать *расхристанных*. Об этом на самом деле поэма Блока «Двенадцать», непонятая современниками и не переосмысленная сегодня. Поэт еще надеялся на воскрешение памяти, в финале он явил главного героя поэмы:

...И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Но лишь поэт видит его, и больше никто...

Блок не скоро понял, что революция обманула его.

А когда понял, не вынес этого и умер.

Может быть, самая роковая ошибка русской революции — в отказе от Христа.

Помните финальную реплику в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние»:

— К чему дорога, если она не приводит к храму?

Три дня свободы майора Пугачева

Рассказ Варлама Шаламова «Последний бой майора Пугачева» — пожалуй, самый известный из «Колымских рассказов». Он создан на документальной основе. Проза Шаламова вообще нелегкое, даже мучительное чтение. Но «Последний бой...» — ближе, понятнее читателю: в нем есть активный протест против тирании, страстный порыв к свободе, надежда на спасение и — героическая гибель.

И в то же время это самый загадочный рассказ Шаламова: так разительно он отличается от всех почти рассказов и очерков, включенных в четыре книги «Колымских рассказов». В целом это книги отчаяния и безысходности, картина нравственной и духовной деградации людей, безвинное мученичество; а в «Последнем бое...» — пафос сопротивления, пробуждение человеческого достоинства, отвага и товарищество.

Шаламов говорил о своих рассказах, что это «новая проза» — «проза, выстраданная, как документ». Он считал, что роман и вообще художественная литература — изжили себя, что читатель доверяет преимущественно документальному отображению действительности. В «Колымских расска-

зах» действительно изображены реальные люди, приведены подлинные судьбы и события. Автор, с одной стороны, не отрицал присутствия в рассказах художественного вымысла, но тут же настаивал, что «любой факт в “КР” неопровержим».

В. Т. Шаламов — выдающийся поэт и писатель, глубокий мыслитель и яркий публицист. Но и крайне противоречивая натура. В частности, к некоторым его заявлениям о собственном творчестве следует относиться с осторожностью. Поэтому я просто расскажу о реальном событии, которое послужило сюжетной основой «Последнего боя майора Пугачева». Читатель может сам сопоставить рассказ с невыдуманной историей вооруженного побега.

Итак...

«Пахан»

Ивану Тонконогову недавно исполнилось двадцать восемь лет. До войны он работал фотографом на Украине, первый срок получил в шестнадцать лет за хулиганство. Через два года вышел, вел жизнь беспутную и снова угодил под суд, уже как «социально опасный элемент» (СОЭ). Вышел в сорок первом — и тут война. Мобилизовать его не успели, в Сумскую область вошли немцы. Тонконогов добровольно поступил служить в полицию. По оценке оккупационных властей Иван был хорошим полицаем. Он, например, лично арестовал семью Костенко, мужа и жену, за связь с партизанами, при этом избивал и мучил обоих. Допросы всегда проводил с пристрастием, до крови. Люди видели, как Тонконогов конвоировал людей на расстрелы, но стрелял ли сам, не известно. Однажды полицаи отняли у вдовы рыбацкую сеть, она пришла жаловаться. Тонконогов выпорол ее шомполом, чтоб неповадно было жаловаться на представителей новой власти. За служебное рвение Тонконогова повысили в должности до инспектора городской полиции, затем до адъютанта начальника, наконец, он сам стал начальником полиции.

В сорок четвертом, при наступлении наших, он сумел затеяться. После освобождения Украины был призван в Красную армию. Но уже через два месяца его нашли и арестовали. Трибунал приговорил Тонконогова к двадцати пяти годам каторжных работ. Летом следующего года Тонконогов попал на Колыму, прииск имени Максима Горького, лаготделение № 3 в пятидесяти километрах от поселка Ягодное.

Несмотря на молодость, Тонконогов был уже опытным человеком, знал, с кем и как себя поставить. Умел быть нужным начальству, с блатными вел себя «по понятиям», с сильными водил дружбу, а слабых не щадил. Вскоре он стал бригадиром, получал благодарности и грамоты. В бараке у его бригады был свой отсек, а в нем отгорожена личная «каюта», как говорили зэки. У бригадира появились предметы неслыханной в лагере роскоши — гитара и патефон. Чифирь не переводился, случалась и водка. Тонконогов держался «паханом», окруженным «шестерками», к нему захаживали на угощение даже охранники. Со временем отсек бригады перестали запирают на ночь, за порядком следил дневальный, назначенный бригадиром. Тонконогов даже не ходил в общую столовую — по договоренности с начальством дневальный приносил продукты и готовил еду в отсеке.

В общем, устроился Тонконогов наилучшим образом для лагеря. Да еще какого лагеря — особого, каторжного, в котором содержались осужденные за особо тяжкие! Но когда Тонконогов вспоминал, что ему трубить еще двадцать лет с гаком, готов был по-волчьи выть. В сорок восьмом году он начал разрабатывать план побега и подбирать сообщников.

Дюжина

В «каюту» Тонконогова зачастили зэки. Чифирили, слушали песни хозяина под гитару, что-то потихоньку обсуждали.

Не все соглашались с планом Тонконогова. Его дружок, уголовник-рецидивист Носов, отказался бежать, сказал: гиб-

лое дело. Некоторых Тонконогов отсеял сам: просто не предупредил о дне и часе побега.

Постепенно подобрались надежные люди. Большинство из его бригады и барака. Только двое из всех работали в шахте, остальные тоже неплохо пристроились: еще один бригадир, дневальный, хлеборез, портной, сапожник, парикмахер, художник, водонос — по-лагерному «придурня». Девять человек — украинцы, преимущественно «западенцы», полицаи, оуновцы и бойцы УПА: Янцевич, Худенко, Клюк, Сава, Бережницкий, Маринив, Пуц, Демьянюк, Гой. Одни действительно сражались с оружием в руках, были даже командирами; другие только снабжали банды, агитировали против Советов или служили связниками. Сроки они получили от пятнадцати до двадцати лет каторжных работ.

Дневальный Игошин был русский, но мало чем отличался от бендеровцев: сдался немцам в плен, добровольно поступил в полицию города Николаева, окончил школу полицейских, досроч в чинах до начальника одного из районных отделений полиции.

Только Солдатов — единственный кадровый военный, флотский инженер-лейтенант. Он воевал с первого дня, был награжден орденом Красной Звезды и медалями. В ноябре сорок четвертого года Солдатов крепко выпил и пришел в комендатуру береговой базы в Таллине, устроил там дебош, завязал драку с командиром, оба схватились за пистолеты. Командиру все же удалось выставить Солдатова за дверь. На этом инженер-лейтенант не успокоился, выпил еще спирту и отправился куролесить по городу. Угрожая пистолетом, остановил трамвай и приказал вагоновожатому гнать без остановок на предельной скорости. На конечной остановке Солдатов вышел и тут же начал приставать к молодой эстонке. Подошел милиционер и потребовал прекратить хулиганство. Солдатов набросился на милиционера и начал его избивать, а потом выхватил пистолет и выстрелил в упор.

Трибунал приговорил Солдатова к расстрелу. Президиум Верховного Совета, получив ходатайство о помиловании, учел прошлые заслуги офицера и заменил ему высшую меру на двадцать лет каторги.

Нечего терять

Зэки считали, что Тонконогов и Солдатов друзья. На самом деле они были слишком разными людьми, и в свободной и мирной жизни вряд ли они бы сошлись. Но в особом лагере — особый мир, свои законы. И если еще сохранились мечты, кроме сытости, тепла и бани, — это мечта о воле. Она объединила всех.

Мечты мечтами, но почему они решились на такой отчаянный шаг? Казалось бы, положение почти всех беглецов неплохое. Но в каторжном лагере ничего нельзя загадывать наперед: сегодня ты придурок, сытый и небитый, а завтра — доходяга в забое или в шахте. Выбьешься из сил — путь один, «под сопку».

Все они, даже признававшие отчасти свою вину, считали, что осуждены несправедливо. Василий Худенко, не рядовой бендеровец — офицер Штаба УПА одного из округов, так писал в дневнике: «...воспоминания о прошлых молодых годах приводят к грустным размышлениям. Сколько я учился. Недоедал. Сидел на стипендии. Окончил. Началась война. Не жил еще совсем. И вдруг фронт. Бремя армии. Плен. Ужасы у немцев, побои, голод. Наши. Тюрма. Лагерь. Боже мой! А годы уходят...»

Так думали все: жалели свою загубленную молодость, проклинали войну... А приговор считали либо вовсе несправедливым, либо слишком жестоким. И кто поручится, что «органы» не наруют еще чего-нибудь? Возможно, что кто-то из тех двенадцати, к примеру, не только конвоировал, но и приводил в исполнение. Тогда новое дело «по вновь открывшимся обстоятельствам», и — было пятнадцать, стало двадцать. А то и все двадцать пять.

Наконец, большинство беглецов были молодыми и сильными. Они уже преступали не только закон, но и высшие заповеди. Они держали в руках оружие и знали его гибельную власть. Первоначальная цель — вырваться из лагеря — казалась осуществимой: режим в лаготделении № 3 постоянно нарушался, надзирателей и охранников не хватало, даже

на вышках по периметру зоны не было часовых. Охрана будто сама провоцировала эков на побег.

Правда, бывалые сидельцы говорили: с Колымы бежать нельзя, уйдешь от погони, а там тайга, «зеленый прокурор» — не выпустит. Но молодые эки им не верили.

Наконец, еще одна мысль словно подталкивала к решительным действиям: а что нам терять? Ведь за год до этих событий смертная казнь была отменена. После чудовищных тягот войны пресловутая «эра милосердия» действительно многим казалась возможной, близкой, даже представителям немилосердной власти. Теперь по «расстрельным» статьям давали двадцать пять лет. Наказание за побег полагалось небольшое. Конечно, вооруженный побег — другое дело, это уже восстание, мятеж, 58-я статья, можно было получить прибавку лет на десять. Но и в этом случае действовал принцип «поглощения»: если новый срок не превышал предыдущего, то осужденный оставался со своим первоначальным сроком.

Правда, именно эти послабления, вроде бы облегчавшие задачу беглецов, на самом деле таили смертельную угрозу. Охранники лагерей, бойцы частей НКВД, привлеченные к поиску и погоне, при малейшей возможности вершили суд и расправу: в перестрелке или во время конвоирования, якобы «при попытке к бегству». Один выстрел в затылок, другой в воздух. Если кто слышал выстрелы, скажет: первый был предупредительный, второй на поражение. Какой смысл охране тащить беглеца в лагерь? Отдать под суд? Больше двадцатки не дадут, дальше Колымы не пошлют. Нет, притащить его мертвого и бросить у ворот лагеря — смотрите, с вами то же будет!..

Поэтому Тонконогов предупредил своих:

— Впереди у нас либо смерть, либо воля!

Летом 1948 года группа Тонконогова начала подготовку к побегу. Хлеборез и дневальный откладывали и прятали продукты: запасли двадцать буханок хлеба, ведро сливочного масла, мясные консервы. Сшили специальные заплечные мешки-«сидоры», чтобы нести все эти припасы. Почти каждый запасся небольшим количеством золотого песка, по

сорок — шестьдесят грамм. В побеге эта валюта самая ходовая.

Выступление группы Тонконогова было назначено на первое августа.

Концерт по заявкам зэка

Незадолго до назначенного срока парикмахер Михаил Сава пришел брить бойцов охраны. Иной раз думал: «Эх, так и полоснул бы тебя, падлу, от уха до уха!» А вместо этого скоблил вохровскую щетину, улыбался, балагурил.

Кто-то спросил:

- А что так часто у Тонконогова собираться стали?
- К концерту готовимся, — ответил Сава.
- Хороший хоть концерт?
- Такой, что вся Колыма о нем заговорит.

Узнав об этом разговоре, Тонконогов встревожился. Двадцать пятого июля передал по цепочке: сегодня в ночь. Кто был назначен в ночную смену, тех сумели подменить.

В двенадцатом часу ночи хлеборез Солдатов окликнул сержанта охраны Васильева:

— Пойдем к Тонконогову, чифирнем.

И Васильев пошел. В «каюте» сидели Тонконогов, Пуц и Сава. Не успел Васильев расположиться, как Солдатов схватил его за руки, а сзади ему на шею набросили ремень и стали душить. Труп положили на койку.

Тонконогов и Сава пошли к домику вахты у ворот лаготделения. Там находились только вахтер Перегудов, вооруженный наганом, и собаковод Светкин — не только без оружия, но и без собак. Дремали эти двое или запросто впустили зэков — но захват произошел легко и быстро: Перегудова задушили, а Светкина связали, заткнули кляпом рот, уволокли в свой барак и положили на ту же койку. Телефон на вахте оборвали.

Тут к вахте приблизилась жена Перегудова — уже вдова — Серафима. Ее схватили, связали и отправили туда же, в каю-

ту Тонконогова. Она не догадывалась, что лежит рядом с трупом мужа.

В это время Солдатов и Игошин пришли на кухню, чтобы загрузиться продуктами. Но там еще возились повар с подручными. Угрожая тесаком, заговорщики загнали повара с командой в кладовку и заперли.

Около часа лагерь был во власти беглецов. Они сами следили, чтобы никто не поднял тревоги. И вот, когда в распоряжении группы оставались считанные минуты, Тонконогов послал в другой барак за Янцевичем и Клюком. Бригадир Янцевич тоже был «в авторитете», а Клюк работал у него звеньевым. Но главное, Янцевич имел доступ к золоту. Он мог скопить не жалкие граммы, а солидное количество «рыжевья». Возможно, он нес «золотой запас» группы, но об этом знали только он и Тонконогов.

Наконец все двенадцать собрались на вахте. Они ждали конвоира, который в это время должен был вести бригаду эзков к шахте, в ночную смену. И вдруг во всем лагере погас свет. Не известно, выпал ли беглецам козырный туз, или у Тонконогова был еще один, тайный, сообщник. Может быть, бригадир изменил день и час нападения именно с учетом возможности обесточить лагерь.

Боец Грызункин с винтовкой на плече вошел в помещение вахты. Сава схватил винтовку за ствол, Тонконогов приставил наган к животу: «Руки вверх!» Конвоира быстро связали и отправили к остальным. Только теперь беглецы заперли барак снаружи.

Теперь им предстояло захватить помещение охраны лагеря, находившееся снаружи, недалеко от ворот. Беглецы построились в колонну по двое, будто бригада идет шахту. Могли бы и не строиться — тьма стояла кромешная.

Подошли к казарме, постучали в дверь.

Дежурный Рогов спросил:

— Кто там?

Он должен был поднять тревогу еще раньше, когда погас свет, но не сделал этого. Тишина за дверью настораживала. Раздался звон стекла, нападавшие высадили окно, ворвались в дежурное помещение и начали стрелять из нагана и вин-

товки. В смежном помещении, где спали бойцы, поднялась паника, охранники в одном белье выскакивали в окна. Беглецы взломали «пирамиду» и расхватали автоматы. Хватило не всем, чуть не передрались. Тут выяснилось, что Тонконогов в темноте и суматохе ранил в руку Гоя — тот был в вохровской шинели, вот и нарвался на пулю.

Оружия и боеприпасов взяли много. Но стрельба не входила в их планы. Все бросились к дороге на Ягодное. Впопыхах даже бросили сумки с провизией. Беглецы рассчитывали перехватить какую-нибудь машину. Но в ночное время прождать можно было и до утра. Через десять минут бессмысленного ожидания решили свернуть в тайгу.

На этом везенье беглецов окончилось. Но они этого не знали, все еще надеялись, что подфартит.

Погоня

Услышав выстрелы, начальник лагеря Аким Проскурин выглянул в окно своей избы. «Побег?» — подумал он. Темные фигуры, метнувшиеся от казармы к дороге, он принял за своих бойцов, бросившихся в погоню. Начальник оделся и побежал на вахту. Там он увидел разгром и оборванный провод телефона. Тут вернулись бежавшие бойцы взвода охраны. Вскоре нашли Светкина, Грызункина, жену Перегудова и самого вахтера, очоленного. Посыльный уже мчался в дивизион, расположенный в полутора километрах.

Тем временем начальник лагеря скомандовал побудку. Эков быстро пересчитали. Отсутствовали двенадцать. Быстро узнали, кто именно бежал.

Прибыл лейтенант Кондрашов с дивизионом — двадцать два бойца, с ними собаки. Овчарки сразу взяли след.

В темноте шли не быстро, опасаясь напороться на засаду. Собаки рвались с поводков. Утром пойдут скорее — все бойцы молодые, сильные и злые...

...Беглецы шли низкорослой колымской тайгой. Старались не потерять направление: поселок Эльген — и дальше тайгой до Якутска. В пути надеялись разжиться картой у геологов.

Шли всю ночь, все утро. Днем сделали короткий привал. Худенко достал тетрадь, послюнил карандаш и начал писать:

«Скоро сутки, как мы свободные граждане. Как-то легче дышится, иначе светит солнце. Ты идешь, дышишь на полную грудь и рассматриваешь по сторонам. Боже мой! Как дорога воля человеку и сколько бывает нужно переносить страданий, горя прежде нежели опять испытывать это трепетное биение сердца. Животное, птица и те хотят на волю если они в клетке, а то человек... Но бог с ней со всей той прошлой жизнью — живем настоящим. Нас 12 чел. Имеем пулемет, 7 автоматов, 3 винтовки, 3 нагана, бинокль, компас и достаточное количество амуниции. Сегодня весь день проходит в усиленном марше. Нас конечно преследуют. Мы очень уставшие, но бодрые духом и в настроении. Враг наступает, примем первый бой».

К вечеру дистанция между беглецами и преследователями сократилась. Тонконогов приказал залечь в кустах вдоль берега ручья. Договорились: команда «Вперед!» будет означать «отходим».

Показались солдаты. Беглецы ударили из всех стволов. Заскулила подстреленная собака. Преследователи залегли и тоже открыли огонь. Вскрикнул и схватился за лицо Пуц, между пальцами лилась кровь.

Тонконогов крикнул:

— Вперед!

Группа начала отходить.

Трое из двенадцати — Худенко, Игошин и Янцевич — отошли еще раньше. Преследователи обходили их справа, вот они и отступили. На условленное место не попали — путь преградило болото.

Основная часть беглецов остановилась. Оказалось, что при отступлении бросили ручной пулемет. Раненый Пуц был без сознания. Тонконогов достал наган и выстрелил ему в голову. Сказал сквозь зубы:

— Пошли!

Весь этот день другой раненый, Гой, старался не попадаться командиру на глаза. Все-таки попался. Тонконогов отобрал у него автомат и дал вместо него наган.

Восемь беглецов мало спали, совсем ничего не ели, кроме ягод. К вечеру следующего дня совсем выбились из сил и повалились на траву. В караул назначили Бережницкого, он крепился несколько минут, но тоже уснул. Тонконогов вдруг проснулся — не услышал, а словно почуял: идет!

На этот раз перестрелка длилась дольше. Преследователи опять попытались обойти беглецов с флангов. В это время лейтенант Кондрашов неосторожно высунулся из укрытия и тут же получил пулю в голову. Еще двое бойцов были ранены. Наступала темнота. Обе стороны отошли.

Во время отхода еще трое беглецов отбились от основной группы — Гой, Демьянюк и Солдатов.

К тому времени уже были перекрыты дороги, расставлены засады. Спасти беглецов могло только чудо.

На четвертый день случился последний бой группы Тонконогова. Он, Клюк, Бережницкий, Маринив и Сава бились насмерть. Подстрелили двоих бойцов. Как проходил и как окончился этот бой, не известно. Согласно протоколу, в тайге, недалеко от поселка Эльген, обнаружено пять трупов в разном положении. Только один из них погиб от ранения в грудь. Остальные застрелены в голову...

Врассыпную

... **А** группа Худенко, Игошин и Янцевич двигались на север. Уже наутро после первого боя Худенко записал: «Оказалось, что Тонконогов хорош организатор, но как военный командир никуда не годится...»

Еще через день:

«Хочем сильно кушать...»

Стали попадаться косцы — заготовители из окрестных лагерей, но еды у них не было. На привалах беглецы варили грибы. Первого августа неунывающий Худенко отмечал:

«Сегодня неделя, как мы на воле. Как хорошо, как приятно. Мы бодрые, но заметно ослабели. Сегодня будем стеречь подводу с продуктами для сенокоса. Миша приболел. Это меня очень беспокоит».

Болезнь Янцевича была некстати. На другой день Худенко с Игошиным пошли на дорогу караулить подводу, а Янцевич остался в стогу сена. Подвода оказалась с секретом — в ней сидел охранник с автоматом, он открыл огонь. Худенко и Игошин бросились обратно в тайгу, вернулись к стогу, где оставили Янцевича, но того и след простыл. Может, он убежал, заслышав выстрелы, а может быть, ушел еще раньше?..

Худенко с Игошиным пошли дальше. На берегу Мылги лодочник-перевозчик позвал их в свою сторожку. Там ждала засада. Взяли обоих тихо. Наутро повели пленных в ближайший райотдел МВД. По пути, как сказано в показаниях сержанта, старшего по команде, «задержанные воспользовались густым лесом по обе стороны тропы и хотели скрыться в лесу». Сержант и ефрейтор стреляли якобы вдогонку, с расстояния двадцать метров. Один уложил свою цель с первого выстрела, другой со второго.

...В конце июля Демьянюк и Гой вконец обессилели. Решили сдать. Для начала спрятали оружие — автомат и наган. Дошли до какой-то реки и рухнули на песок, уснули.

По реке сплавлялась группа работников совхоза «Эльген» — боец охраны сержант Киготкин, пожарный из бывших зэка и какая-то женщина. Они заметили двух лежащих мужчин, пристали к берегу. Сразу увидели лагерные номера на одежде. Демьянюк и Гой признались, что они из банды, рассказали, где спрятали оружие. Присутствие свидетелей — женщины и бывшего зэка, возможно, спасло им жизнь. Их посадили на плот и повезли. Беглецы вели себя смиренно, только ужасно материли всех подряд.

...Потерявший своих Солдатов брел по тайге, спустился к реке Таскан. На берегу стоял заброшенный барак. Солдатов вошел и упал на нары. Около четырех часов утра он проснулся — где-то слышался разговор. Выглянул в окно и заметил человека, выстрелил в него из винтовки, не попал. Появился второй, с автоматом. Солдатов выстрелил, опять промазал. Выскочил наружу через другое окно. Увидел двух лошадей, вскочил на одну и поскакал в заросли. Вдогонку неслись автоматные очереди.

Лошадь унесла Солдатова куда-то в сопки. Он отпустил поводья, надеясь, что лошадь сама вывезет его к жилью. Но

когда он уснул, лошадь тихонько ушла. Оказалось, что она все время возила всадника вокруг поселка Лыглыхта. Первого августа (на этот день первоначально был назначен побег) Солдатов пошел в поселок сдаваться. Специально прошел по людным местам, чтобы его все видели. Сержант Ефимов задержал беглеца. При нем была винтовка, 39 патронов и 65 граммов золота.

Золото партии

Почти через месяц после побега Янцевич объявился за сотню верст, в соседнем районе. Приближалась осень, жить в тайге становилось все труднее. Янцевичу нужны были карта, продукты и теплая одежда. Надо было на что-то решаться. Он пришел на заготовительный пункт поселка Сопканья, у него был автомат с тремя дисками. Сторож Рахманов уверял потом, что Янцевич пытался его убить, но автомат дал осечку. Но затем они как-то поладили, и Янцевич остался с Рахмановым дожидаться охотников-заготовителей.

Двадцать шестого августа пришли трое охотников. Они видели в тайге следы Янцевича, видели следы и других беглецов-одиночек, знали, что основная группа Тонконогова уничтожена. Рахманов сказал охотникам, что беглец на реке ловит рыбу. А дальше начинаются чудные дела. Охотники будто бы пошли арестовывать Янцевича и ненароком убили его. Потом закопали труп и отправились дальше охотиться.

Только через месяц Рахманов сообщил о происшедшем по начальству. Допросили охотников. Труп был доставлен из тайги еще через полтора месяца. Опознать его было невозможно. В протоколе медицинского осмотра сказано, что доставлен труп «предполагаемого з/к КТР Янцевича». Только вот покойный был среднего роста и нормального телосложения, а Янцевич — всего-навсего 155 см росту и щуплый. Но дело давно пора было закрывать, и его закрыли.

Янцевич был хитрый, самый хитрый из беглецов. Он неспроста откололся от группы Тонконогова в первом бою и неслучайно бросил Худенко с Игошиным. У него было

золото, а с ним и в тайге не пропадешь. Он решил выдать какого-нибудь мертвеца за себя. Сговорился с Рахмановым, поладил с охотниками. Найти труп в тайге — это, конечно, не грибы искать, но бывалые люди найдут. Все, был Янцевич — и нету. Вероятно, те же охотники не только снабдили его всем необходимым, но и провели до Якутска. А там, в довольно большом городе, можно затеряться, а со временем и новые документы выправить...

Так что, возможно, Янцевич — единственный из двенадцати, кому удалось невозможное: бежать с Колымы, обмануть «зеленого прокурора».

Опять двадцать пять

Так окончился побег двенадцати каторжан. Пять трупов с места последнего боя привезли обратно в лагерь и бросили у ворот для всеобщего устрашения.

Арестованным Солдатову, Демьянюку и Гою, кроме побега, предъявили: бандитизм, хищение оружия, контрреволюционный саботаж (они во время побега уклонялись от каторжных работ), вооруженное восстание, хищение государственного имущества (золота).

В прокуратуре одни обвинения сняли, другие, наоборот, прибавили, и в результате все обвиняемые получили по совокупности по двадцать пять лет.

Еще десять зэков из этого лагеря были привлечены к ответственности. Одни как соучастники, другие как пособники, а больше всех — за недоносительство.

В середине пятидесятых готов каторжные лагеря ликвидировали. Заключение были переведены в обычные ИТЛ, многие на материк. Реабилитация не коснулась осужденных за измену родине, но общее смягчение уголовных наказаний повлияло на судьбу всех осужденных. Максимальный срок наказания сократился до пятнадцати лет. Солдатов вышел на свободу в 1957 году, отбыв двенадцать с половиной лет. Гой — в 1963 году после восемнадцати лет заключения. Демьянюк — в 1964-м, отсидев девятнадцать с половиной

ной. Им было от сорока трех до сорока пяти лет — не старые еще мужчины. С наступлением «гласности» они могли еще прочитать «Последний бой майора Пугачева».

Интересно, узнали они себя в героях рассказа?

В том, что это именно *та* история, нет сомнений. Совпадают время и место, многие имена и обстоятельства побега. Этот случай упомянул и А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», и П. З. Демант в «Зекамероне XX века», и многие бывшие колымчане в своих мемуарах — и все с ошибками, неточностями, домыслами. Потому что известия о побегах передавались из уст в уста, как легенды, и неизбежно приобретали легендарный характер.

В тот год Варлам Шаламов работал в госпитале фельдшером. Позади был ад забоя, мертвящей стужи, голода, побоев и унижений. Медленно восстанавливались физические и духовные силы, вспоминались стихи, зарождались собственные замыслы.

Однажды в госпиталь поступил тяжелораненый — красивый мужественный человек, уже с печатью смерти на бледном лице. Его круглые сутки охранял часовой. Говорили шепотом: это бывший майор, он руководил побегом. Шаламов навсегда запомнил это лицо. Это было сильное впечатление, которое хранилось где-то в глубине памяти. Писатель знал: такие люди в лагерях были и они способны пойти на смерть ради свободы. Теперь к этому знанию прибавился зримый образ.

Десять лет спустя Шаламов написал рассказ «Последний бой майора Пугачева».

Он знал, что дело было не так.

Но он страстно желал, чтобы было так, как он написал.

Содержание

Жизнь, прожитая дважды	5
Дело о Синей Бороде	7
Черкесская героиня аббата Прево	22
Пан Мазепа и «мазепаны»	40
«Шпион» № 1, или Чужой среди своих.	78
NN из «донжуанского списка» Пушкина	92
Что скрывал Толстой-Американец	107
«Милая, добрая Бэла!..»	129
Зверские истины «Скотного двора»	134
Жестокий роман-с	146
Капитан Сорви-голова, его друзья и враги	165
Сестра Маша	192
Три дня свободы майора Пугачева	212

- Макеев С.**
М15 Дело о Синей Бороде, или Истории людей, ставших знаменитыми персонажами / Сергей Макеев. — М. : Ломоносовъ, — 2013. — 232 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-139-7

Барон Жиль де Ре, маршал Франции и алхимик, послуживший прототипом Синей Бороды, вошел в историю как едва ли не самый знаменитый садист, половой извращенец и серийный убийца. Но не сгустила ли краски народная молва, а вслед за ней и сказочник Шарль Перро — был ли барон столь порочен на самом деле? А Мазепа? Не пушкинский персонаж, а реальный гетман Украины — кто он был, предатель или герой? И что общего между красавицей черкешенкой Сатаней, ставшей женой русского дворянина Нечволодова, и лермонтовской Бэлой? И кто такая Евлалия Кадмина, чья судьба отразилась в героинях Тургенева, Куприна, Лескова и ряда других менее известных авторов? И были ли конкретные, а не собирательные прототипы у героев Фенимора Купера, Джорджа Оруэлла и Варлама Шаламова? Об этом и о многом другом рассказывает в своей в высшей степени занимательной книге писатель, автор газеты «Совершенно секретно» Сергей Макеев.

УДК 929
ББК 63.3(2)6-7

В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ

6+

История. География. Этнография

Сергей Макеев

Дело о Синей Бороде,
или Истории людей,
ставших знаменитыми персонажами

Редактор В. Капустин
Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 28.02.2013. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 2113.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО
«Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pф
тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ

Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям ДАМПИР

Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ

Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок

Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА

Гомбожаб Цыбикив. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА

Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ

Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ

Светлана Федорова. **РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ**

Стаффан Скотт. **ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...**

Геннадий Левицкий. **САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА**

Георгий Вернадский. **МОНГОЛЫ И РУСЬ**

Наталья Пушкарева. **ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА**

Виталий Белявский. **ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ**

Олег Ивик. **ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ**

Лев Карсавин. **МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Владислав Петров. **ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ**

Олег Ивик. **ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА**

Стефан Цвейг. **ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА**

Вашингтон Ирвинг. **ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА**

Владимир Новиков. **РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Наталья Пушкарева. **ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА**

Сергей Ольденбург. **КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ**

Фаина Османова, Дмитрий Стахов. **ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ**

Генрих Бёмер. **ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ**

Алексей Смирнов. **СКИФЫ**

Андрей Снесарев. **НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ**

Генри Чарлз Ли. **ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ**

Олег Ивик, Владимир Ключников. **ХАЗАРЫ**

Вячеслав Шпаковский. **ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ**

Лев Ельницкий. **ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА**

Виктор Бердинских. **РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ**

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Сергей Макеев
Дело
о Синей Бороде,
или Истории
людей,
ставших
знаменитыми
персонажами

Барон Жиль де Ре, маршал Франции и алхимик, послуживший прототипом Синей Бороды, вошел в историю как едва ли не самый знаменитый садист, половой извращенец и серийный убийца. Но не сгустила ли краски народная молва, а вслед за ней и сказочник Шарль Перро — был ли барон столь порочен на самом деле? А Мазепа? Не пушкинский персонаж, а реальный гетман Украины — кто он был, предатель или герой? И что общего между красавицей черкешенкой Сатаней, ставшей женой русского дворянина Нечволодова, и лермонтовской Бэлой? И кто такая Евлалия Кадмина, чья судьба отразилась в героинях Тургенева, Куприна, Лескова и ряда других менее известных авторов? И были ли конкретные, а не собирательные прототипы у героев Фенимора Купера, Джорджа Оруэлла и Варлама Шаламова? Об этом и о многом другом рассказывает в своей в высшей степени занимательной книге писатель, автор газеты «Совершенно секретно» Сергей Макеев.

ISBN 978-5-91678-139-7

